Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

А 6(К)
П-148

933 845

Пальмов

Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

9(К)
П 146
пр.07
Пр 1998

Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Автономная Область Калмыцкого Трудового Народа

Очерк

истории Калмыцкого народа за пребывания в пределах Р

Проф. Н. ПАЛЬМОВ.

КАЛМЫЦКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922 г.
АСТРАХАНЬ.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

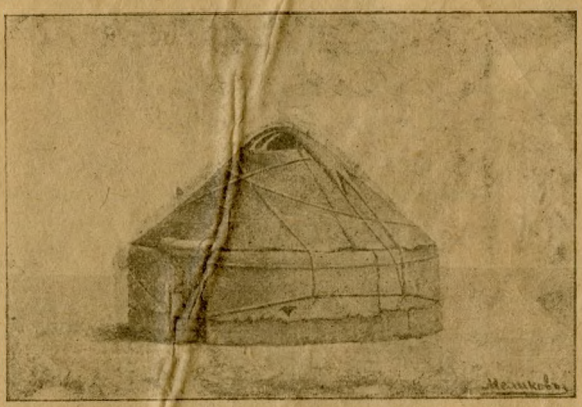
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Автономная Область Калмыцкого Трудового Народа.

Очерк

истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России.

Проф. **Н. ПАЛЬМОВ.**



КАЛМЫЦКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1922 г.

АСТРАХАНЬ.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

АСТРАХАНСКАЯ
областная научная
библиотека
им. Н. К. Крупской

933845

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ОЧЕРК

Истории Калмыцкого Народа за время его пребывания в пределах России.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа представляет собою опыт Очерка истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России и касается политической стороны жизни народа, а также его законодательства; социально-экономическая жизнь калмыков и их материальная культура остаются нетронутыми в Очерке. Дело в том, что для всесторонней научной истории Калмыцкого народа необходимо предварительное собрание, изучение и издание разнообразных материалов и прежде всего—архивных. Калмыцкий архив в Астрахани богат документами, относящимися к XVIII веку, начиная с 1713 года *), к XIX и XX векам. За показанное время, не мало найдется материалов и в других, уцелевших от гражданской войны 1918 года астраханских архивах, особенно —в Архиве б. Губернского Правления. Но за делами XVII столетия и начала XVIII столетия необходимо обратиться к московским архивам и, главным образом, к б. архиву министерства иностранных дел (теперь Государственный архив), где относящиеся к истории калмыков документы сохранились с 1606 года. Впрочем, и относительно дел за XVIII и XIX столетия, сохранившихся в Астрахани, надо сказать, что ими не исчерпывается, например, вся переписка, которая велась тогда между калмыцкими ханами и владельцами, а также представителями русской власти, с центральным русским правительством, так что и для пополнения исторических сведений за указанное время также необходимо будет обратиться к центральным архивам.

В сознании важности и необходимости иметь полную и научную историю Калмыцкого народа, еще в декабре 1920 года Заведывающий Областным Отделом Калмыцкого Народного Образо-

---

*) См. ниже примеч. 53 к тексту Очерка.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

вания В. И. Порох внес в Коллегию названного Отдела предложение, принятое Коллегией об издании в свет архивных материалов для истории Калмыцкого народа и собирании в Калмыцкий Музей предметов калмыцкого быта, старины и искусства, чем, между прочим, могло бы быть отмечено в памяти калмыков такое крупное в их жизни событие, как получение автономии *). В осуществление этого предложения, сотрудники Музейно-архивной секции при Областном Отделе Калмыцкого Народного Образования приступили к собранию исторических архивных документов, находящихся в Астрахани, а также предметов старины и искусства, характеризующих калмыцкий быт. Таким образом, начало большому и весьма серьезному в научном отношении делу положено. Но пройдет много лет, пока удастся привести в известность, собрать и подготовить к печати астраханские архивные материалы, затем—московские и петроградские, равно как и составить значительную коллекцию предметов калмыцкой материальной культуры, дабы, овладев всем этим материалом, возможно было приняться за составление всеобъемлющей истории Калмыцкого народа. Дело—большое, и на пути к его осуществлению встречается не мало, трудностей. Положение историка, работающего над историческими документами, осложняется еще тем обстоятельством, что громадное количество документов, относящихся к Калмыцкой истории написано на калмыцком и, отчасти, на татарском языках, доступных ограниченному кругу филологов-монголоведов и тюрковедов. Правда, существуют старинные русские переводы калмыцких и татарских исторических текстов, но, в большинстве случаев, эти переводы далеки от точности в передаче оригиналов, так что историк не всегда может на них полагаться. Поэтому, историк Калмыцкого народа должен искать содействия специалистов монгольской и тюркской филологии и ожидать, когда они исполнят нелегкую задачу перевода калмыцких и татарских текстов на русский язык и сделают их достоянием широкого круга ученых. Разработка калмыцкой истории предполагает участие в ней целой плеяды ученых и образованных работников. Здесь необходимы и лингвисты, и этнографы, и юристы, и археологи, и экономисты, и художники. От каждого из них требуется известная доля участия в деле собрания материалов, на основании которых историк будет в состоянии производить обобщения и создавать научные построения.

---

*) См. об этом в брошюре: «К открытию Областного Калмыцкого Историко-Этнографического Музея. Астрахань, 1921 г.».

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Автор настоящего Очерка, составленного менее чем в трехмесячный срок и, отчасти, вследствие этого далекого от совершенства, предполагает улучшение и пополнение своей работы по мере дальнейшего своего ознакомления с архивными и иными материалами; в частности, для истории Калмыков за XVII век он с нетерпением ожидает выхода в свет исследований профессора Вл. Л. Котвича, которые дадут, вероятно, разъяснение многих загадочных вопросов в этом самом неразработанном периоде калмыцкой истории. Теперь же, автор Очерка считает долгом извиниться пред читателями за неполноту и недостатки своего труда и приносит глубокую благодарность всем лицам, которые в той, или иной мере помогали ему при настоящей работе, особенно—по подбору необходимой печатной литературы, какую возможно было найти в Астрахани и в Калмыцкой степи, и по подыскиванию документов в Астраханском Калмыцком Архиве, в чем незаменимую услугу оказали: М. М. Хаглышев, Ф. И. Плюнов, Л. К. Карвин и, особенно, А. А. Лебединский.

27 ноября 1921 г.
Астрахань.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

I.

Приход Калмыков в Астраханские степи из Джунгарии в XVII веке.

Астраханские калмыки, равно как и Ставропольские, и Донские, и при—Уральские, принадлежат к западной ветви Монгольской народности. Некогда они жили в западной части великой Монголии, в Джунгарии, и с другими сородичами входили в один общий, так называемый Ойратский союз, из которого выделились раньше 1618 года в составе Торгоутского племени и частей Дербетского и Хошеутского племен, имея предводителем энергичного вождя Хо-Орлока из Торгоутского племени. Число кибиток, которое повел за собою Хо-Орлок на север, определяется в 50 тысяч. Двинувшись сначала к пределам Сибири, Хо-Орлок повел оттуда калмыков на Урал, а затем на Волгу, и расположился кочевьем в степях по—Волжского понизовья, весьма слабо заселенного в XVII веке.

Какая была причина выхода Хо-Орлока с калмыками из Ойратского союза?—Существует несколько об'яснений этого важного в жизни монголов события. Некоторые историки видят в поступке Торгоутского предводителя шаг, сделанный им в целях освободиться от разроставшегося влияния тайши Чоросского племени Хара-Хулы, которое грозило независимости прочим племенам союза.[1]) Но оказывается, перекочевка Хо-Орлока с его калмыками совершилась с общего ведома, одобрения и согласия всех Ойратских поколений. И не один только Хо-Орлок выделился тогда из Ойратского союза. Поколение тех Хошеутов, которые не пошли с Торгоутским вождем к северу, двинулось к югу; перевалив чрез Тянь-Шаньские горы, оно овладело всем Коконором и раскинуло свои кочевья вплоть до Тибетского нагорья. Другая часть двинулась отсюда

---

1) Из новых авторов этого взгляда держится, например, *М. Новолетов.*—„Калмыки. Исторический очерк, Спб. 1884", стр. 2.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

к востоку, переправилась за Эдзинэ и расположилась по всей Алашании[2]). Таким образом, говорить о каком то разрыве Хо-Орлока с Хара-Хулой, из-за опасения подчиниться власти Чо-росского тайши, не приходится. Движение Хо-Орлока совершалось довольно медленно, с продолжительными остановками в пути. Осторожный вождь, прежде чем пускаться в дальнейший путь, посылал вперед разведчиков и на основании их показаний старался идти с возможно меньшим риском наткнуться на опасного врага. Начав свой путь к северу от Джунгарии в 1618 году, Хо-Орлок пришел на Волгу только в 1630, а может быть даже в 1632 году.

Другие видят в движении Хо-Орлока, как и в движении главной части Хошеутского племени, осуществление выработанного на Ойратском сейме плана завоевания новых земель Ойратами и восстановления империи Чингиз-Хана[3]). Однако, ни у монгольских историков, ни в народной памяти не сохранилось никаких сведений, или воспоминаний об этом сейме. Он лишь предполагается, и ничем нельзя доказать его действительности[4]). Из наличных исторических материалов, напротив, ясно видно, что инициатива похода исходила от самих Торгоутского и Хошеутского вождей, которые заручились общим согласием на откочевку в разные места и на первых порах совсем не задавались целями завоеваний.

Наиболее правильным надо признать то об'яснение, по которому движение Хо-Орлока и прочих Ойратских вождей рассматривается как результат естественного стремления кочевых племен обособиться друг от друга, вследствие скученности населения в одном месте и возникающего отсюда препятствия заниматься, в желательных размерах, главным промыслом кочевников-скотоводством. Ограниченность земель, удобных для скотоводства, в связи с увеличением скота, неминуемо должно было вести к столкновениям, взаимным раздорам и обидам у кочевников, доводя их даже до кровопролития. На эти то раздоры и кровопролития, как на истинную причину

---

2) *Проф. А. М. Позднеев*—«Астраханские Калмыки и их отношение к России до начала нынешнего (XIX) столетия» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1886 год, март, стр. 144.

3) Монах *Иакинф* Бичурин—«Историческое обозрение Ойратов или Калмыков» в «Журнале Мин. Внутр. Дел» за 1833 год, №№ 5, 7 и 8.

4) Проф. арх. *Гурий*—„Очерки по истории распространения христианства среди Монгольских племен—т. I, ч. 1. Казань, 1915", стр. 139.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

выделения Хо-Орлок из Ойратского союза, и указывает „История Калмыцких ханов",[5]) где читаем: „Когда Джунгарские Ойраты во время смут убивали друг друга, Торгоутский тайша Хо-Орлок, не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения (племенам тюркским), которые он и завоевал".[6]) Выделившись из союза, Торгоутский вождь стал действовать на свой страх и риск, а не во имя каких нибудь обще-Ойратских интересов, тем более завоевательных. Таких интересов у Ойратов не было. Своим поступком Хо-Орлок разряжал сгустившуюся атмосферу взаимного недовольства среди Ойратов и создавал для них условия лучшего, более привольного существования на новых кочевьях. Это было понято Ойратами, и вот почему выше дшие из союза вожди не порвали окончательно связей с союзом. Наоборот, эти связи сохранились и были настолько прочны, что спустя двадцать с лишним лет по выходе из союза, Хо-Орлок и прочие калмыцкие тайши с'езжаются на обще-Ойратский сейм в Монголию в 1640 году из своих мест издалека, для выработки обще-Ойратских законов (Цааджин-Бичик)[7]).

Откочевав к северу от Джунгарии и подчинив себе народы чуждого происхождения, какими являлись татарские племена, занимавшие в то время места к югу от верховьев Тобола[8]), Хо-Орлок предпринимает дальнейшее движение от границ Западной Сибири к берегам Волги, как к конечной цели своего похода.

„В году шорой морин (т. е. в 1618 году) он послал добрых людей посмотреть берега Каспийского моря" рассказывается в „Истории Калмыцких ханов". „Заподлинно узнав, что там земли никем не заняты, он взял подвластных своих Торгоутов, также Хошеутов и Дербетов, всего 50 000 дымов или кибиток и, сопровождаемый шестью сыновьями своими, в году шо-

---

5) „История Калмыцких ханов" написана на Монгольском языке, но неизвестно, где, когда и кем она составлена. В 1845 году с нее был сделан перевод на Калмыцкий язык, вероятно, для владельца Хошеутовского улуса, нойона Тюменя, в библиотеке которого пользовался «Историей» переводчик ее на русский язык *Г. Лыткин*, издавший свой перевод в «Астраханских Губернских Ведомостях» за 1860 год.

6) «Астраханские Губернские Ведомости» за 1860 год, ч. неоффиц., № 19, стр. 123.

7) Изложенное мнение в первый раз было высказано *проф. А. М. Позднеевым*, см. цит. ст. стр 142—146.

8) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 145.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

рой лу (т. е. в 1628 году) оставил свой Нутук (место кочевья) в Джунгарии и двинулся на запад". Таким образом, если в 1618 году Хо-Орлок еще не окончательно расстался с Джунгарией, но, и продвинувшись к северу, продолжая иметь главной базой Нутук, исконное место своего кочевья, то в 1628 году он совершенно покинул родной Нутук, будучи захвачен мечтой о свободе и привольи, которых искал в далеком краю. Настроение Хо Орлока было определенное, и следующий случай 1623 года исчерпывающе характеризует его. В этом году Тобольский воевода Годунов, получивши известие о перекочевании калмыков к верховьям Тобола, задумал привлечь калмыков на сторону России и для переговоров об этом послал в калмыцкие улусы боярского сына Димитрия Черкасова. Но едва Черкасов прибыл в кочевье первого калмыцкого тайши и сделал свои предложения, как калмыки тотчас же восстали против него и едва не избили все посольство; сам Черкасов остался жив, благодаря только заступничеству другого калмыцкого тайши—Сенкула[9]). „Не доходя до реки Урала (Зай—от татарского Чжайак, у нас Яик), он (Хо-Орлок) покорил Ембулуковских (Цзимбулук) татар, кочевавших при реке Ембе",—продолжает рассказывать „История"; „перешедши реку Урал, подчинил своей власти татарские поколения: Нагай, Хатай-Хабчик (Кипчак), Джитесан (Едисан) и в году темур-морин (1630 год) прибыл берегам Волги". В „Сказании о Дербен Ойратах", составленном Эмчи-Габан-Шарабом в 1737 году, говорится, что окончательное утверждение калмыков на берегах Волги последовало в 1632 году,—тогда ставка Дайчина, старшего сына Хо-Орлока расположилась при реке Волге, и дальше калмыки уже не пошли" [10]). „Тогда никто не мог препятствовать ему (Хо-Орлску) там утвердиться, потому что кроме слабых татар не было; русских городов было тоже мало; между тем, эта дальняя страна, изобильная травою, для Ойратов была как нельзя удобнее для кочевания. Таким образом, Хо-Орлок от Урала до Волги, от Астрахани до Самары (Самур) расположил своих подвластных на постоянные кочевья. Хотя эта страна и принадлежала Цаган-Хану (белому царю), но Хо-Орлок, несмотря на дружественные сношения, овладел этою страною, которая ему нравилась, не доводя о том до сведения ца-

---

9) Этот случай приводится у *Фишера*, в его „Sibirische Geschichte" стр. 318; см. проф. А. М. Позднеева цит. ст., стр. 45.

10) *Г. Лыткин*—„История калмыцких ханов", цит. изд., стр. 124, примеч. 2.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ря и не подчиняясь ему“ [11]). Очевидно, поводов для серьезного столкновения между русскими и калмыками еще не возникало. Они, в общем, мирно уживались друг с другом на обширной территории тогдашней русской окраины. До поездки Хо-Орлока в Монголию на Ойратский сейм. 1640 года между русскими и калмыками происходили боевые стычки мелкого характера, об'ясняемые главным образом тем, что русским приходилось тогда вступаться за татар и защищать их от нападения калмыцких шаек, как это было в 1634 и 1635 годах. К 1639 году относится первый случай серьезного столкновения русских с калмыками. В этом году калмыки в числе 10 тысяч нападают на Самару, которая подвергается при этом большой опасности.[12])

Ойратский сейм (Курултай) 1640 года имеет большое значение в жизни монгольских племен. На этот сейм собрались отовсюду, и с востока, и с запада, предводители монголов. Здесь были: Хо-Орлок с Волги, Гуши-хан из Тангута, Тушету из Халхаса и другие вожди восточных монголов. Инициатива сейма принадлежала Чоросскому Батур-хунг-тайше, унаследовавшему власть от своего отца, Хара-Хулы. Ойратский сейм 1640 года „можно рассматривать“, пишет один из новейших исследователей истории и быта калмыцкого народа, „как сейм единения восточной и западной Монголии, сейм выработки общих законодательных установлений для руководства управлением монголов. Здесь, когда вся Монголия дружно об'единились в одну воодушевленную семью, действительно могли быть речи о завоевании новых земель и восстановлении монархии Чингиз-хана, о чем, косвенно, может свидетельствовать и деятельность Хо-Орлока, который, вернувшись с сейма, прежде всего начал расширять пределы своих владений, подчиняя своей власти вблизи кочевавшие различные мелкие племена и делая попытки овладеть русским городом Астраханью [13]). Вышеупомянутый Габан-Шараб, составитель „Сказания о Дербен Ойратах“, говорит, что после сейма 1640 года Хо-Орлок и его сыновья, думая о клятве, взаимно данной в 1640 году Дербен-Ойратами, далее располагали возвратиться к своим Ойратам.[14])

11) Там-же стр. 124.

12) *Перетяткевич*—„Поволжье в XVIII в. Одесса 1882“, стр. 128; см. проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 168.

13) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед. стр. 139—140.

14) Г. *Лыткин*—„История Калмыцких ханов“, цит. изд., № 26, ч. неоффиц., стр. 175, примеч. 6.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Мы не знаем, случилось ли бы это, так как при нападении на Астрахань в 1645 году, когда калмыцкие войска понесли крупное поражение, Хо-Орлок вместе с другими его родственниками был убит под стенами осажденного города. Но во всяком случае несомненно, что Ойратский сейм сильно поднял национальное чувство монголов и вызвал в калмыках то сознание единства крови с прочими монгольскими племенами, которое в истории калмыцкого народа проявляется такими фактами, как стремление у калмыцких ханов заключать брачные союзы предпочтительно с Джунгарскими владетельными фамилиями[15]), частые путешествия калмыков в Джунгарию и в священный Тибет, где претенденты на ханство искали санкции своих владельческих прав,[16]) переезд владельцев с значительным числом кибиток в Астраханский край к калмыкам, когда гнет китайских властей становился нестерпим,[17]) и особенно ярко выражается в уходе калмыков в Джунгарию в 1771 году, под влиянием слухов, что свободе и независимости калмыков грозит опасность со стороны России, и в надежде, что на Дальнем Востоке, под властью Китая, они найдут себе лучшую долю.

II.

Монголо-Ойратский устав взысканий 1640 года.

С'езд Ойратских вождей, на котором присутствовал и Хо-Орлок с сыновьями, ознаменовался, между прочим, утверждением законов, или Устава взысканий—Цааджин-Бичик, принятых в целях „установить", как говорит один из исследователей калмыцкого права, „мирный порядок внутри Ойратских племен, нарушаемый бывшими раздорами и неурядицами, обес-

---

15) Пунцук, внук Хо-Орлока, женится в 1640 году на дочери Батур-Хунг тайши; Аюка, Калмыцкий хан, сын Пунцука, в 1688 году выдает свою дочь Сетер-Джапу за Цеван и Раптана, Дарма Бале и пр.

16) В 1698 году племянник Аюки Рабжур едет с матерью в Тибет на поклонение Далай-ламе; в 1713 году Аюка принимает ханскую печать от Далай-ламы и передает ее своему сыну Чакдоржапу; в том-же году Джал супруга Чакдоржапа отправляется на богомолье в Тибет; в 1773 году хан Дондок-Омбо хлопочет перед Далай-ламой об утверждении сына наследником Калмыцкого ханства и пр.

17) В 1670 году к Астраханским калмыкам переходит из Джунгарии тетка Аюки, Дорджи Роптан, с 3 тысячами кибиток. В 1673 году к тем же калмыкам приходит Солом Церен, Дорботский тайша с 4 тысячами кибиток. В 1686 году на Ахтубу переселяются черные калмыки и т. д.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

печить внешнюю безопасность взаимным образом действий, определить отношение князей и чиновных лиц к подвластным и придать распространившемуся тогда среди них учению желтошапочников [18]), в лице его представителей, законную санкцию господствующей религии". [19]) Идея составления Устава взысканий принадлежит Чоросскому вождю Батур-Хунг-тайше, который подготовил к сейму и самый кодекс законов, так что к нему оставалось добавить лишь статьи, имеющие политическое значение для Монголо-Ойратов и нуждающиеся в выработке их на самом сейме. Законы 1640 года сохранились до наших дней в оригинальном тексте, [20]) хотя и по более поздним спискам, а также в немецком [21]) и в русском переводах [22]). Список с калмыцкого оригинала, сделанный в 1819 году нойоном Хошеутовского улуса Батур-Убаши Тюменем, имеет кроме законов 1640 года дополнение к ним в виде указов Галдана-Хунг-тайши, сына Батур-Хунг-тайши, преемственно от отца правившего Джунгарией с 1677 по 1697 год, и разделен на 121 статью. [23]).

---

[18]) Желтошапочниками назывались последователями Зункавы, реформатора буддизма, с XV века; с тех пор буддизм принял форму ламаитства.

[19]) *Проф. К. Ф Голстунский*—„Монголо-Ойратские законы 1640 г. дополнительные указы Галдан-Хун-тайшия и законы, составленные для Волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Спб. 1880": стр. 7—8 (предисловие).

[20]) Издан *проф К. Ф. Голстунским*—цит. иссл., стр. I и дал.

[21]) См. *акад. П. С. Палласа*—Sambung historischen Nachrichten über die Moogolischen Völkerschaften. SPB. 1776, the I", s. 194—218.

[22]) Наиболее старым из русских переводов Монголо-Ойратского устава взысканий является перевод, изданный в 1776 году в „Опытах Трудов Вольного Российского Общества при Московском Университете", ч. III, под заглавием: „Перевод с прав Мунгальских и Калмыцких народов". Второе русское издание Ойратских законов последовало в 1828 году в „Северном Архиве", № 2 и 3, и в „Сыне Отечества" за тот же год, кн. I и III. В 1879 году *проф. Ф. И. Леонтович* издал новый русский перевод Ойратских законов по списку Бейтковского; см. *его*—«К истории права Русских инородцев. Древний Монголо-Калмыцкий или Ойратский Устав взысканий (Цааджин Бичик). Одесса. 1879», стр. 67 и дал. *Проф. К. Ф. Голстунский*, в цит. исслед., дает соответственный перевод Устава взысканий по оригинальному калмыцкому тексту; см. стр. 35 и дал.

[23]) *Проф. Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 18. *Проф. К. Ф. Голстунский*—цит. исслед., стр. 5. В распоряжении Голстунского был и список Тюменя, но в издание вошел не этот список, а другой, доставленный Голстунскому б. Главным попечителем калмыцкого народа К. И. Костенковым, который употребил несколько лет на разыскивание по калмыцким улусам подлинного текста законов 1640 года и одно время считая уже

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Разсматривая Ойратские законы 1640 года, нельзя не признать, что определяемый ими быт носит все признаки, присущие патриархально-родовой жизни народов кочевого типа. Здесь со всею силою заявляют о себе принципы родовой иерархии и подчинения, а также теократической силы и могущества жречества; здесь как-бы подчеркиваются и выдвигаются на видное место интересы родового хищничества и самообороны, с развивающимся на этой почве хищничества военно-дружинным устройством племен; здесь, наконец, мы постоянно сталкиваемся с примитивными, хищническими же порядками и обычаями экономического и социального быта. В Ойратских законах, пишет проф. *Ф. И. Леонтович*, «формулированы институты глубочайшей древности: месть и материальные композиции, коллективная ответственность улусов и родов по убийству и другим преступлениям, институт древнего потока в форме „раззоре ия“ и грабежа; целый ряд своеобразных начал семейного быта, на которых основаны такие институты, как покупка невесты или цензура ее целомудрия, также установление обязательных браков в видах поддержания рода и усиления его военной силы путем нарождения новых поколений; не менее древни институты судебные, каковы: поклеп и и институт обвинителей, свод, гонение следа и т. п.; институты военно-дружинного строя, в особенности подробно регламентированные правила о военной добыче, охоте и ловитвах, кочеваньи, предприятиях против общего врага и т. д. Все это рисует перед нами такой примитивный строй жизни, который другими народами исчерпывался и модифицировался еще в доисторические эпохи. Об общественных порядках и институтах, развивающихся на почве условий и интересов оседло-общинной культуры, нет и помину в нашем уставе; это — представитель исключительно „степной“ бродячей культуры. Если сравнивать Монголо-Ойратский Устав взысканий с Русской Правдой XI—XII веков, то окажется, что Русская Правда опережает Устав взысканий на многие века и является результатом более старой и более сложной культуры. Примитивные формы патриархально-родовой жизни, с какими мы имеем де-

---

калмыцкий текст безнадежно погибшим; см. *К. И. Костенкова* — „Исторические и статистические сведения о калмыках. СПБ. 1870“, стр. 27—28. Основываясь на словах Костенкова, и проф. *Ф. И. Леонтович* писал в 1879 году: „Монгольский подлинник устава 1640 года доселе не отыскан — быть может, утрачен навсегда“; „цит. иселед., стр. 184.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ло по Уставу взысканий, уже давно, гораздо раньше Русской Правды, оказываются изжитыми у Славян. [24]).

Интересен вопрос об отношении и степени зависимости Ойратских законов 1640 года к Великой ясе (ясаку) Чингис-Хана, начала XIII века, от которой, впрочем, надо сказать, если и сохранились, то незначительные фрагменты. Проф *Леонтович* признает Великую ясу одним из источников Ойратских законов [25]). Проф. *Галстунский* решительно отрицает влияние Великой ясы, как и прочих монгольских юридических источников на Ойратские законы 1640 года. [26]) И в самом деле, дух этих законов, созданных на почве буддизма с его высоким взглядом на человека и с гуманным отношением к личности, резко отличается от того сурового духа, каким проникнута Великая яса, признававшая жестокие карательные меры чуть ли не единственною мерою борьбы с преступностью. Человеческая жизнь высоко ценится Ойратским законодательством. Смертная казнь назначается по Ойратским законам только в двух случаях: „Кто покинет князя (во время опасности), того убить, раззорить",— гласит одна из статей Ойратского Устава взысканий. В другой, следующей статье читаем: Кто увидит, или услышит о значительном неприятеле и не сообщит, того, изгнавши с потомками потомков, убить, раззорить" [27]). За прочие преступления наказание ограничивается штрафом большого или меньшаго размера, в виде возмещения убытков пострадавшему. Между тем, по Великой ясе: «Прелюбодей предается смерти, без всякого различия, будет ли он женат, или нет". „Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью". „Кто лжет с намерением, или занимается волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, также предается смерти". Тот, кто мочится в воду, или на пепел, также предается смерти". „Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза". „Кто даст пищу или одежду полонянному без позволения полонивших, тот предается смерти", „Кто найдет бежавшего раба, или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти".

---

[24]) *Проф. Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 27—28.
[25]) *Проф. К. Ф. Галстунский*—цит. исслед., стр. 188 и дал.
[26]) Там-же, стр. 10—12 (предисловие).
[27]) Там-же, стр. 38.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

„Когда хочет есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукою сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого». „Если кто нибудь в битве, нападая или отступая, обронит свой вьюк, лук или что нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее: если он не сойдет с коня и не возвратит упавшему, то предается смерти" и т. д. [28]) Аналогичные преступления по Ойратскому Уложению караются только взысканием штрафа скотиной. Так, например, за блуд женщина платится четырьмя скотинами, мужчина - пятью; за насилие над женщиной, с виновного берется девять голов скота; за изнасилование девицы, мужчина платит два девятка скотин, но если было на то и ее желание, то с виновного берется один девяток". „Кто подговорит к побегу с собой жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит с собою жену человека среднего сословия, с того взять пять девяток с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия — взять три девятки с верблюдом во главе. Кто уведет чужую жену туда, где ее не видно, (трудно найти), то муж имеет взять за то с уведшего его скот вместе с покинутой им женой. Кто будет заниматься скотоложеством, то человек, увидевший это, должен отнять скотину, а хозяин той скотины имеет получить с того преступного человека пять скотин". „Кто во время ссоры (драки) двух партий будет помогать и при том умрет (т. е. будет убит), то с убившего взять девяток с ценною; сколько человек помогали, столько голов лошадей у них обиженные имеют взять" [29]). Все это — случаи преступлений, аналогичные предусмотренным в Великой ясе Из сопоставления кар, положенных за однородные преступления по Ойратским законам и по Великой ясе, видно, насколько жестоки были эти кары по Великой ясе и настолько, сравнительно, легче они по Ойратскому Уставу взысканий. К этому надо еще добавить, что для целого ряда преступлений по Великой ясе, хотя бы, например, из числа вышеуказанных, в Ойратском Уставе взысканий совершенно не найдется аналогий. Отсюда следует признать правильным мнение проф. *Галстунского,* что Ойратские законы 1640 года составлялись независимо от Великой ясы и других,

---

[28]) *Проф. Ф. И. Леонтович*—цит. исслед. стр. 190—191.
[29]) *Проф. К. Ф. Голстунский*—цит. исслед., стр. 49 и 56.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

чисто монгольских юридических источников, но включили в себя, с одной стороны, элементы устного обычного права, создающегося на почве старинных народных обычаев, а с другой стороны — в них вошли постановления, вызванные условиями политического и социального положения Монголо-Ойратов за период времени, предшествовавший сейму 1640 года, при чем на общем характере Ойратского законодательства легла заметная печать влияния идей секты желтошапочников [30]). Таким образом, Ойратские законы необходимо разсматривать, как продукт самостоятельного юридического творчества калмыков XVII века. Это обстоятельство придает особенную ценность нашему юридическому памятнику. Мы имеем в нем не только документ, сообщающий драгоценные сведения о культуре народа, стоящего недалеко от ступени первобытной культуры, на что указывал в свое время проф. *Леонтович* [31]), но имеем дело с жизненной основной, на которой развивалось калмыцкое право в XVIII веке и пыталось развиться в первой четверти XIX века. Основа эта оказывается настолько прочною и до такой степени соответствует народному правосознанию, что даже и в укладе современного калмыцкого быта нередко можно проследить действие юридических норм, принятых в Ойратском законодательстве. Сюда надо отнести, например, весь строй калмыцкой семьи с его патриархальными чертами в отношениях членов семьи, — безусловное преклонение пред авторитетом жречества, основанное на традиционном взгляде на служителей культа, как на лиц, особо привеллигированного состояния, которым больше, чем кому-либо из смертных, доступны тайны бытия, — предупредительно-внимательное отношение к гостю, обязательная помощь страннику и т. д. Все это делается теперь по традиции, но не надо забывать, что все это имеет свою санкцию в степном Уложении 1640 года.

III.

Правители Калмыцкого Народа до времен Аюки.

Хо-Орлок, приведший Торгоутов и Хошеутов в Астраханские степи, был убит под Астраханью в 1645 году. Ему наследовал старший сын Шукур-Дайчин. Но свою власть удалось укрепить ему только после борьбы с братьями и при

[30]) Там же стр. 12.

[31]) *Проф. Ф И Леонтович* — цит. исслед., стр. 35.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

поддержке Тибетского Далай-ламы, предложившего Шукур-Дайчину даже ханский титул, от которого, впрочем, Шукур-Дайчин отказался. Поездка его в Тибет падает на 1646 год, в 1645 году Шукур-Дайчин был еще в пределах России, среди своих подданных, и принимал у себя приезжавшего к Калмыкам Зая Пандиту, одного из самых видных деятелей ламанитства, составителя калмыцкой азбуки и переводчика многих ламайских сочинений на калмыцкий язык [32]). Сколько времени провел Шукур-Дайчин в Тибете, трудно сказать. *Проф. А. М. Позднеев* считает, что поездка в Тибет, пребывание у Далай-ламы и у Коконорских сородичей, наконец—обратный путь из Тибета и пребывание у Джунгарских сородичей, заняли у Дайчина целых десят лет [33]). Между тем, по историческим документам, в 1649 году послы от лица Шукур Дайчина ведут переговоры с русскими властями, чтобы „быть им под царского величества высокою рукою на вечном послушании и с государевыми людьми в миру", при чем Дайчин просит выдать для погребения кости отца своего Хо-Орлока и прочих родственников, павших под Астраханью. Если только не и едполагать что Шукур Дайчин уполномочил на все это своих послов из Тибета, где в то время он мог находиться, или что на все это он дал директивы пред отъездом в Тибет, то поездка его туда повторилась после 1649 года [34]). Если же ему понадобилось повторить поездку в Тибет, то она вызывалась, надо предполагать, какою-нибудь важною целью. И, кажется, мы не ошибаемся, если скажем, что ехать в Тибет и к сородичам заставляло Шукур-Дайчина стремление упрочить власть над калмыками, путем подчинения себе мелких калмыцких князьков, добивавшихся независимости от главного тайши. Надеяться на опору в русской власти Дайчин не мог с одной стороны потому, что русская власть при всяком удобном случае настаивала на вечном послушании калмыков России, что не могло нравиться свободолюбивому калмыцкому вождю, а с другой стороны—в самих калмыках и в их вождях стремление Шукур-Дайчина к единоличному господству, очевидно, не встречало сочувствия. Калмыки мыслили себя свободными и заявляли протест против попыток взять их в крепкие руки, обуздывающие их кочевнические порывы. Устами своих родоначальников—мелких князьков они и русским властям гово-

[32]) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 175.
[33]) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 146.
[34]) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед. стр. 179.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

рили, что в холопстве никогда ни у кого не бывали и никого, кроме Бога, не боятся. Они считают себя вправе кочевать по степям и плавать по рекам, потому что „земля и вода—Божьи", тем более что в краю, куда они пришли, землею и водою никто не пользуется кроме них, а что касается до Ногайцев, и Едисан, то они - холопы калмыкам, потому что побеждены калмыками; но все же и с ними калмыки делятся благами кочевой жизни пополам [35]). Шукур-Дайчин не мог не понимать, что раздробление Калмыков на мелкие группы с отдельными князьками во главе неминуемо должно было вести к политической погибели Калмыцкого народа. Русские, новые обладатели юго-востока, настолько были здесь сильны, что справиться с раздробленной массой кочевников не составило бы им особого труда. Вопрос мог возникать только о времени, когда это случится. Шукур-Дайчин ясно представлял себе всю опасность создающегося положения вещей и единственное спасение усматривал в централизации власти, которая имела бы твердую опору себе у самых корней Ойратов—в Джунгарии и в Тибете. Туда он и предпринимает путешествие с определенною целью искать поддержки себе. Очевидно, Шукур-Дайчин мыслил единоличное господство над Калмыцким народом как начало, способное не только сплотить калмыков, но и наилучше регулировать отношение кочевников к русской власти на юго-востоке. Добившись признания себя в ханских правах от Тибетского Далай-ламы, но, по тактическим соображениям, не назвавшись ханом, Шукур-Дайчин стал на твердую позицию и в качестве главы Калмыцкого народа избрал в отношении к русским ту политику двуличности, которою с таким успехом пользовался его знаменитый внук, хан Аюка в продолжение пятидесяти лет своего управления Калмыцким народом. Шукур-Дайчин и его тайши, начиная с 1649 года, дают целый ряд шертей на русское подданство, клятвенно обещаются быть в вечном послушании России и защищать ее интересы на юго-востоке. Но шерти, даваемые калмыками представителям русской власти при самой торжественной и импонирующей обстановке [36]), не останавливают калмыков от набегов на русские владения, сопровождавшихся грабежом, кро-

---

[35]) *С. М. Соловьев* — „История России с древнейших времен. Т. XII. Изд. 3. Москва. 1880", стр. 276 и дал.

[36]) Пунцук, например, при заключении договора с русскими в 1661 в урочище Берекет „поклялся и целовал бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик, и чотки, и ножик свой лизал и к горлу приклады-

АСТРАХАНСКАЯ

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

вопролитием и захватом в плен русских. Сороковые и пятидесятые годы XVII столетия представляют сплошную картину нападений калмыков на Русские и Башкирские села в Уфимском, Казанском и Самарской уездах, а также—под Саратовом, Царицыном и Астраханью. Всякий раз после очередного нападения калмыки приносят повинную русскому правительству, подыскивают извиняющие для себя обстоятельства и подписывают новые шерти, чтобы тут же их и нарушить.

Русское правительство не предпринимало решительных мер против вероломства и своеволия калмыков,—оно было озабочено установлением дружественных отношений с калмыками, и в этом случае в конце 50-х годов XVII столетия существенную помощь правительству оказал Черкасский князь Каспулат, расположенный к России. За сестру Каспулата сватался сын Шукур Дайчина, калмыцкий тайша Мончак, он же и Пунцук. [37]) Обсудив дело с астраханским воеводою князем В. Г. Ромодановским, Каспулат, при выдаче сестры в замужество за Мончака-Пунцука, поставил ему условием твердо сохранять верность русскому правительству и оказывать ему помощь войсками против Крымского хана. Мончак-Пунцук принял условие и действительно в 1657 году пошел с калмыками под Азов и захватил там 10 тысяч лошадей и 30 ясырей; потом он двинулся против Казыевцев и взял у них 5 тысячь лошадей и 1 тысячу ясырей. Кроме того, тогда же Мончак-Пунцук отбил у султана Ша и у Янгурчея 2 тысячи лошадей и 1 тысячу баранов. Такими действиями против врагов России Мончак-Пунцук „к великому государю показал службу и правду". В 1659 году Крымский хан прислал к Шукур-Дайчину особое посольство с богатыми подарками, — он преподносил Шукур-Дайчину сорок тысячь золотых, сорок собольих шуб, „золотое древо с корольками", сорок хорьковых шуб, сорок куньих шуб, сорок беличьих шуб, сорок атласов, сорок чуг золотных, сорок камок «и иных многих подарков», чем рассчитывал склонить калмыцких тайшей к совместному походу против Москвы. Уговаривая калмыков итти войной против русских, Крымский хан сулил отдать калмыкам города Казань

вал". *Н. Нефедьев*—«Подробные сведения о Волжских Калмыках, собранные на месте Спб. 1834», стр. 22.

[37]) Как видно, это был второй брак Пунцука. В первый раз Пунцук был женать на дочери Батур—Хунг—тайши, правителя Джунгарии; см. выше, примеч. 15.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

и Астрахань, „да не год хотел присылать по сорока тысяч рублев жалованье на всея годы". Однако, калмыцкие тайши не соблазнились посулами Крымского хана: они ответили Крымскому послу Зал Аге, что „с ним, Крымским ханом, в соединенье быть не могут, и великого де государя под городы войною итти не хотят же, а жалованье им не надобно", и это потому, „что де они, тайши, у великого государя, е. ц. в-ства, учинились в вечном подданстве, и по своей вере шерть учинили и аманат в Астрахань дали, и они де шерти своей нарушать не хотят,—как де они начали ц. в-ству добро, так де они хотят и совершать". Крымский посол остался недоволен ответом калмыцких тайшей и чтобы досадить им, при своем отъезде подговорил сто татарских дворов, с женами и с детьми, отложиться от калмыков и увел их в Крым. Калмыки были возмущены поступком Крымского посла; они говорили: „то де у Крымцев учинилась ложь, и впредь де им ни которого добра делать не хотят".

Неудача первого посольства к калмыкам не обескуражила Крымского хана. Чрез некоторое время он снова прислал к ним посольство с подарками и, уговаривая калмыцких тайшей воевать с Россией, уже „сулил им Казань, Астрахань и Касимов, и иные многие подарки хотел прислать". Но калмыки оставались тверды,—калмыцкие тайши „в том Крымского хана послам отказали, и посла их (Карач Аталыка) отпустили к ним назад". Однако, „чтоб их, Крымцев, не оскорбить вскоре", калмыки заблагорассудили послать к ним своего посла Алыбай Тархана „для обману, что будто они с ними быть хотят в соединенье", и предложили Крымцам прислать к ним в качестве своего посла „взятого их татарина Баракчин да сына". По соображениям калмыцких дипломатов, обмен послами должен был гарантировать мирное отношение Крымцев к калмыкам, но не препятствовал самим калмыкам делать нападения на Крымцев в доказательство преданности калмыцких тайшей русскому правительству. В 1661 году, „после Семеня дни", калмыцкие тайши послали „от себя людей своих войною под Крым, и под Азов, и под Казыев улус, и в горы для лошадиного отгону и ясырей, а сами были на стану для вестей" русскому правительству о враждебных предприятиях Крымцев против России. [38])

[38]) См. „Распросныя речи у деня князя Каспусата Черкасского Хапыка и послов Дайчина и Пундука тайши относительно тайшей сих пере-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Помощь калмыков во время войны России с Крымом в 1661 году была признана русским правительством весьма существенною, как это видно из наказа Донскому атаману Науму Васильеву. В виду оказанной тогда калмыками крупной услуги России, им не было поставлено в вину нарушение обещаний отдавать всю добычу от похода в пользу русских, а самим довольствоваться одним государевым жалованьем. Шукур-Дайчин, всю захваченную добычу взял себе и поделил ее между своими тайшами [39]). Сдержав слово помогать России в 1661 году против Крымцев, Шукур-Дайчин, однако, не препятствует своим калмыкам итти на русские города Мензелинск и Уфу в 1663 году, в союзе с Башкирцами и Ногайцами [40]).

Полагают, что Шукур-Дайчин умер в 1667 году [41]). Ему наследовал сын Пунцук (Манчак), о женитьбе которого на сестре Черкасского князя Каспулата и о действиях против Крымцев в 1657—1661 годах сказано выше. В 1668 году Пунцук участвует вместе с русскими в осаде г. Яика (Уральска), занятого восставшими казаками. За оказанные услуги под Яиком, из Москвы было предписано воеводам чинить калмыкам ласку и обнадеживать их царскими милостями.

Пунцук умер в 1670 году, и во главе калмыцкого народа стал сын Пунцука Аюка, самый замечательный из калмыцких ханов, правивший народом до 1724 года, когда Аюку в глубокой старости постигла смерть [42]).

IV.

Хан Аюка.

Хан Аюка родился в 1642 году от брака Пунцука с дочерью Джунгарского правителя Батур-Хунг-тайши и был при-

говоров, касающихся до выдачи за Пунцука тайшу сестры князя Каспулата, присылок к тайшам от Крымского хана послов и подарков и проч.". —Столбец архива Астраханского Губернского Правления № 66,—в „Прибавлениях" к „Астраханским Губернским Ведомостям" за 1843 год, №№ 20 и 21, стр. 150—151 и 155—157. Распрос происходил в Астраханской Приказной Палате 1 января 1661 года.

[39]) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 148.

[40]) *Проф.—архим. Гурий*—цит. исслед., стр. 175—183.

[41]) Этот год устанавливается *проф.—архим. Гурием*—цит. исслед. стр. 183.

[42]) *М. Новолетов* указывает, что Аюка родился на Цаган-Сару 1642 года и умер 19 февраля 1724 года; цит. соч., стр. 8. Следовательно, Аюка жил 82 года, а не 84, как считает сам *М. Новолетов*, стр. 14, и на 77 лет, как говорит *проф.—архим. Гурий*—цит. исслед, стр. 195.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

везен в Россию в 1654 году двенадцатилетним мальчиком. Он уже в состоянии был сознательно относиться к тому, что происходило в то время в калмыцкой политике, руководимой его дедом Шукур-Дайчином. Можно сказать, он вырос в дипломатической школе своего деда. Он—решительный сторонник единоличной власти; благодаря искусству действий, ему удается сосредоточить власть в своих руках и крепко держать ее. Судьба покровительствует Аюке с первых дней правления. В 1672 году он побеждает сильного Торгоутского тайшу Аблая, с которым не в состоянии был бороться даже Шукур-Дайчин, дед Аюки, отнимает у Аблая улус и берет в плен самого владельца [43]). Около этого же времени, Аюка нападает на своего двоюродного дядю Дугара, берет его с сыном Цереном в плен и отправляет их обоих, Дугара и Церена, в Москву, как преступников против царской власти, а сам завладевает улусом Дугара [44]). В стремлении владеть большим числом улусов, Аюка не останавливается ни пред какими средствами. Он ссорит владельцев, чтобы обессилить их, но не допускает обиженных искать защиту и поддержку у русских властей, даже больше того—пользуется случаем натравить их на русских. Так, в 1671 году двое из братьев Аюки поссорились и пошли войною друг на друга. Чтобы легче справиться с противником, один из братьев выпросил у русских воевод в помощь себе стрелецкий полк. Близ Черного-Яра в урочище Булхун-Хунбо, враги сошлись, и между ними должно было произойти сражение. Но в критическую минуту Аюка мирит братьев, убеждает их соединиться и напасть на стрелецкий полк. Так они и сделали,—стрелецкий полк весь был перерублен калмыками [45]).

Весьма возможно, что Аюка в первые годы правления калмыцким народом, под влиянием выпавших на его долю удач, далеко заносился мечтами вперед и, вероятно, лелеял надежду стать ханом, независимым от России. Как раз в это время Россия испытывала целый ряд внутренних потрясений, а юго-восточная ее окраина была охвачена движением Разина. Аюка остался в стороне от разинского движения. Империалист

[43]) „История Калмыцких ханов"; см. „Астраханские Губернские Ведомости" за 1859 год, № 46, ч. неоффиц., стр. 283.

[44]) „Описание калмыцких народов, сочиненное В. М. Бакуниным", ркп. Петроградской Публичной библиотеки из древнехранилища Погодина, № 1816, л. 3 об.

[45]) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 149.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

в душе, Аюка не мог разделять идеологию казацкой „голытьбы" и ей сочувствовать. Для него непонятно было это „крупное обострение хронической народной оппозиции" против бояр и кулаков, как непонятен был и принцип „полного равенства", провозглашенный вожаком движения [46]). Он сам хотел быть монархом-ханом; хотел видеть в своей свите подчиненных ему, верных бояр—тайшей, нойонов и зайсангов. Он не мог протянуть руку помощи удалому казачьему атаману, Степану Тимофеевичу Разину, но воздержался и от помощи астраханским воеводам. Только в 1705 году, в стрелецкий бунт, Аюка становится на сторону правительства, и его калмыки истребляют на Волге мятежников, намеривавшихся приступить к Царицыну [47]). Но не забудем, что это было спустя 35 лет от начала правления Аюкой калмыцким народом, когда Аюка уже убедился, что без поддержки русского правительства ему нельзя обойтись, даже и нося звание хана, предоставленное ему Далай-ламой в 1690 году [48]). И после, в 1708—1709 годах, в Булавинское и Некрасовское движения, Аюка помогает своими войсками правительству отстоять Саратов, которому грозили разгром и сожжение, и усмирить бунтовщиков на Дону, где калмыцкий отряд действует совместно с правительственными войсками. В подавлении Башкирского движения, начавшегося около того же самого времени, калмыцкие отряды опять принимают деятельное участие под предводительством Чандоржапа, старшего сына Аюки [49]). Можно сказать, что с начала XVIII столетия политические симпатии Аюки определенно склоняются на русскую сторону. Вероятно, препоручение Петра I-го охранять русские юго-восточные границы, данное Петром пред отъездом за-границу в 1697 году Аюке, польстило его самолюбию и оказало решающее влияние на образ мыслей и на настроение честолюбивого хана, сумевшего тогда же понять, с кем он имеет дело в лице Петра. Уже первые шаги государственной деятельности Петра показали Аюке, что юный царь обещает вырости в мощного правителя страны, не похожего на своих предшественников, царь с своим особым

---

[46]) *Проф. Н. Н. Фирсов*—„Разинщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни. С 3 портретами. Издание второе. Петроград—Москва. 1914", стр. 42—46.

[47]) *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 45.

[48]) Там же, стр. 28.

[49]) *Е. Чонов*—„Калмыки в Русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск. 1912", стр. 14.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

каким-то пониманием государственных задач, с небывалою настойчивостью в достижении намеченных целей, с широким политическим горизонтом, какой дало ему заграничное образование. Чем дальше шло время, тем больше личность Петра импонировала Аюке, и надо поверить искренности того чувства восторга, какой выражал Аюка при встрече с Петром в июне 1722 года, когда Петр посетил Аюку в его доме вблизи Астрахани пред походом в Персию. Аюка говорил Петру, что если бы не старость, он сам пошел бы с Петром воевать против персов. Приняв от Петра почетную саблю, Аюка велел калмыкам стать в кружок и выпустить в воздух несколько стрел, а потом подошел к Петру и, указывая на саблю и стрелы, сказал: „эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России" [50]).

Конечно, политическое поведение Аюки в 70-х и 80-х годах XVII столетия не безупречно, если рассматривать его с точки зрения Русских государственных интересов. Так, дав в 1673 году России шерть „ходить войною на недругов великого государя" и „дурна никакого и задоров не чинить", Аюка в следующем 1674 году сам не пошел в Крымский „промысел", но ограничился отправкою младшего брата Замсы с незначительным числом Калмыков, и этот Замс, не выполнив данного ему поручения, „с Дону воротился назад к себе в улус". В 1675 и 1676 годах, Калмыки начинают постоянные набеги на Русских, грабят их, разворяют, берут в плен и даже убивают. В 1677 году Аюка с братьями Мончаком и Замсою и тайшой Солом Сереном дают новую шерть на верность России, но вскоре и эту шерть нарушают. [51]) За период времени с 1681 по 1683 год, Аюка действует за одно с Башкирцами против России и подвергает разгрому разные Русские города и особенно Русские и Черемисские селения в Казанском и Уфимском уездах и по Волге. Русские и Черемисы с женами и детьми захватываются в плен Калмыками. „Нечего и говорить при этом об отгонах табунов, громадных стад рогатого скота

---

[50]) *Василий Бобров*—„Калмыцкий владелец Аюка хан"; см. „Астраханские Губернские Ведомости" за 1843 год, № 25, ч. неоффиц., стр. 181.

[51]) Шерательная запись заканчивается клятвою: „За измену призываем на себя и всех людей своих гнев Божий, и огненный меч, и тою саблею, которую ныне я, Аюка, и Замса, и Солом Серен-тайши, выняв из ножен на головы свои кладем и к горлу прикладываем, головы наши от неприятелей наших посечены б были, и будем прокляты по своей калмыцкой вере в сем веке и в будущем". *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 26.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

и грабежах имущества. Сообщение с Астраханью за эти годы было крайне затруднительно не только зимой, но и в летнее время. От Царицына до Астрахани не было проезду от калмыков даже многочисленным компаниям, отправлявшимся при том водным путем; поэтому то, едущие в какой-либо из этих городов должны были ожидать попутчиков, чтобы проехать, собравшись большими отрядами". [52]) Едвали, впрочем, частичные набеги на русских делались калмыками по приказанию Аюки, и если возможно винить за них Аюку, то вина его заключается разве только в попустительстве.

После разорения Казанской и Уфимской губерний в 1681-1683 годах,—в чем Аюка безусловно виновен,—он прекращает нападения на русских. Воинственный хан обращает оружие против мусульманских племен по восточному побережью Каспийского моря. Он покоряет Трухменцев, кочевавших около Мангишлака, и налагает на них дань. Успешно воюет с Хивинцами и наносит сильное поражение Каракалпакам. В битве с калмыками падает каракалпацкий хан Кучук, а сын его Мурат, сначала пробравшийся к Башкирцам и от них убежавший на Кубань, в 1708 году попадает там в плен к калмыкам. В 1709 году Аюка смиряет кубанских горцев—Кумыков, отложившихся от России на сторону Турции, и возвращает их к подданству России. В 1711 - 1712 годах Аюка побеждает кубанского Джан-Арсланбека мурзу, который погибает в бою, и потом, встретив на реке Маныче Горцев, решившихся жестоко отомстить Аюке за гибель Арсланбека, дает им генеральное сражение в 35 ти верстах выше устья Калпуса и разбивает горцев на голову. [53])

1715 год принес несчастье Аюке. Когда он кочевал на берегах Волги не далеко от Астрахани, на него неожиданно

---

[52]) *Проф. А. Позднеев*—цит. ст., стр. 150—151.

[53]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 8—10. Документы 1708—1712 годов из Астраханского Калмыцкого Архива, на которые ссылается в данном случае автор, надо считать, кажется, безнадежно погибшими. В 1886 году они были отосланы директору Петербургского Археологического Института Андриевскому, вследствие отношения Департамента Общих Дел от 22 ноября 1886 года за № 11355, для занятий проф. А. М. Позднеева и обратно не были возвращены. См. АКА. Дело 1891 года, по столу 1 № 24, по архиву № 4. В 1906 году проф. Позднеев, в бытность свою в Астрахани, лично сообщал чиновнику Киселеву, что указанные документу переданы им, Позднеевым, б. Главному Попечителю Калмыцкого Народа И. С. Картелю. Навести справку у Картеля не представлялось возможным, так как его давно уже не было в живых; оставалось одно—записать для па-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

напал Кубанский султан Бахта-Гирей с татарами и разорил несколько калмыцких улусов, при чем Аюка потерял собственные кибитки и имущество. Сам Аюка с женой спасся от плена благодаря лишь тому, что на выручку хана был двинут из Астрахани отряд русских войск под командою князя Александра Бековича Черкасского, который принял Аюку под защиту на реке Болде и остановил наступление татар. Аюка требовал от Бековича, чтобы тот дал бой татарам, но Бекович под разными предлогами отказал Аюке в его требовании, и Бахта-Гирей безнаказанно ушел на Кубань, уведя с собою Ембулуцких и Етсанских татар, находившихся до того времени в подчинении калмыкам. Аюка был оскорблен этим, затаил злобу против Бековича и чрез два года нашел случай отомстить ему. В 1717 году Бекович с небольшим отрядом отправился в Хиву для некоторых переговоров с Хивинским ханом Ширгазою. Намерения русских были мирные, но Аюка чрез туркменца Доулата подал ложное сообщение Ширгазе, будто русские идут войною на Хиву. Тогда хивинцы, соединившись с аральцами и туркменами, напали на отряд Бековича, истребили весь отряд и самого Бековича убили [54]). В том же 1717 году сын Аюки Чакдоржап возвращает с Кубани Ембулуцких и Етсанских татар обратно под власть калмыков, и Аюка мирится с Бахта Гирей султаном, при чем Чакдоржап помогает Бахта-Гирею усмирить татар Большой Ногайской Орды, возмутившихся против Кубанского султана. Примирение Аюки с Бахта-Гиреем дало возможность последнему сделать нападение на Саратовскую и Пензенскую губ., дорогу куда указали Кубанцам калмыцкие зайсанги Ноем Омбо, Буджан и те 170 человек калмыков, которых Чакдоржап оставил при Бахта-Гирее. Тщетно русские власти добивались от Аюки помощи; на все просьбы о ней Аюка отвечал, что не может оказать ее, не имея о том особого повеления от высшей власти и при этом ссылался на подобный же ответ ему князя Александра Бековича в 1715 году, когда Аюка просил Бековича стрелять по татарам на р. Болде. В делах астраханского калмыцкого архива сохранились, между прочим, два письма Чакдоржапа

мяти об'яснение проф. Позднеева, что архивариус и сделал карандашом на первой странице „Архивной Описи делал Управление Калмыцким Народом исторического отдела с 1713 года, разобранным и просмотренным комиссиею, назначенною для разборки архивных дел в 1899 году".

[54]) *Н. Нефедьев* — цит. соч., стр. 39—40. *Проф. А. М. Позднеев* — цит. ст, стр. 154, примеч. 2.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

к астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову от 4 и 8 августа 1717 года в которых Чакдоржап извещал о наступлении Бахта-Гирея. В письме от 4 августа Чакдоржап пишет: „Слышно нам вестей: Бахты Гирей салтан с войском, с тысячу или больше [55]), против Царицына к Волге пришли, и от них де наших людей выходцы, а куда они едут, того мы не ведаем. И они хотят итти до Казани, и русских людей хотят брать. И еще какие ведомости будут, о том буду писать. И буде к вам какие ведомости будут, изволь ко мне писать. Ниже вас, или выше хотят татары на нагорную сторону переплавиться и бежать на Кубань, изволь по местам поставить караул и их не пускать". От 8-го августа Чакдоржап пишет: „Бахты-Гирей салтан вышел выше Царицына, тому ныне шестой день, пошел вверх. Наши заставные караульщики за ними следом ходили и две лошади у них в урочище вянули; а с того урочища пошли, тому же ныне четыре дня" [56]). Бросается здесь в глаза слишком поздное предупреждение Чакдоржапом астраханских воевод об опасности со стороны Бахты-Гирея. Неприятель уже подошел к Царицыну и взял направление вверх по Волге, а Чакдоржап только еще доводит об этом до сведения властей. Трудно предположить, чтобы Чакдоржап не знал о готовившемся набеге Бахты-Гирея, хотя бы от тех калмыцких выходцев, на которых указывает он в первом своем письме. Аюка и Чакдоржап, очевидно, действовали за едино и сознательно дали возможность Бахты-Гирею пройти незамеченным к Царицыну. Оба они жестоко мстили этим русской власти за 1715 год.

Проф. А. М. Позднеев и некоторые другие авторы, вообще резко осуждая политику Аюки, особенно упрекают его за поведение в 1717 году, — они находят поведение Аюки «вероломным» в отношении к русской власти.[57]) Что Аюка действовал в 70-х и в 80-х годах XVIII столетия не в пользу России, мы это видели. Виновен он в трагической погибели Александра Бековича Черкасского и в пропуске Бахты-Гирея в Россию в 1717 году, это — тоже надо признать. Но насколько

[55]) Перевод здесь неправильный. Чокдоржап сообщает Чирикову, что Бахты Гирей «более, чем с 10000 человек подступили к Царицыну на Волге»: — перевод проф. А. М. Поздеева, см. цит. ст., стр. 155.

[56]) Калмыцкий Архив в Астрахани (далее будет цитироваться сокращенно: АКА) Дело 1717 года, № 5, вязка 1, л. 99 и л. 103.

[57]) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 154—156. *Проф.-архим. Гурий*—цит. исслед., стр. 191—193.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

глубока его вина,—сознавал ли он, что своими действиями учиняет вероломство, и чем об'яснить, с другой стороны, что во многих случаях он оказывал ценные услуги России, добросовестно сражаясь с врагами России в 1705 году, в 1708—1709 годах, в 1711—1712 годах и, наконец, в 1722 году, когда Аюка предоставил Петру значительные калмыцкие войска для похода в Персию, а на другой год—для подхода в Дагестан? Дело в том, что Аюка мыслил себя не столько подданным, сколько союзником России. По договорным статьям 1697 года, предусматривались походы калмыков на бухарцев, каракалпаков и киргизов, а также набеги их в Крым, на Кубань и в горы, для чего положено было отпускать калмыкам свинец и порох, даже была обещана артилерия[58]). По договору 1708 года, Аюка обязывался в случае надобности давать военную помощь комендантам приволжских городов и терской крепости, при чем и ему самому обещана была помощь всех комендантов от Астрахани до Самары против крымцев, башкирцев и других неприятелей[59]). Военные операции калмыков по восточному побережью Каспийского моря, на Кубани и в Крыму были в интересах России, и „служба" Аюки на юго-восточной окраине России признавалась настолько ценною, что от правительства, кроме разных подарков, ему было положено определенное годичное жалованье, состоявшее из денег, муки, овощей, вина и военных припасов[60]). Само собою разумеется, что неся свою „службу", всегда сопряженную с большим или меньшим риском за жизнь и благополучие, Аюка морально и юридически чувствовал себя вправе требовать от русских властей существенной помощи в критическую минуту и не мог не оскорбляться, если необходимой помощи он не получал в трудный момент. Сохранилось интересное письмо Аюки к астраханскому обер-коменданту, бригадиру К. Эваницкому, от 23 февраля 1919 года. Ожидая нападения на калмыков кубанских татар, Аюка задает вопрос Эваницкому, не задолго перед тем назначенному на должность обер-коменданта вместо М. И. Чирикова: „Есть ли у вашей милости такой указ, что к нам какие неприятели, или к вам будут, и вам бы за нас стоять, также и нам за вас стоять? И буде такой есть указ, и вы за нас для чего не стоите? Також, буде такого указу нет, что за нас стоять, и ваша милость к царскому величеству пишите,

58) *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 30.
59) Там же, стр. 34.
60) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 13.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

чтоб ведомость привезли. И мы вместе с вами живем, и друг за друга надобеть стоять. И об оном к царскому величеству немедленно отпишити, — какие будут неприятели, чтоб было кому за нас стоять"[61]). А Чакдоржап тому же бригадиру Эваницкому пишет от 19 августа 1719 года: „Карамурза с Китай-Кипчаки собравшись, все их войско, поднялись подлинно. Надобно ниже и выше Царицына в причинных местах поставить в раз'езд караул великого государя. И о всяких государевых делах я радею. Буде за нас стоять не станете, и я сам себя буду беречь". В другом письме, от того же числа, Чакдоржап напоминает Эваницкому, что „мы (калмыки), договорясь с великим государем, живем дружно" (с ним)[62]). Вопрос Эваницкому, есть ли у него указ о поддержке калмыков в случае нападения на них неприятеля, показывает, что Аюка склонен был усматривать причину своих военных неудач в недоброжелательном, или просто невнимательном отношении к себе не столько высшего правительства, сколько местных властей, которые отказывали ему о помощи, когда она была нужна, забывая, что от этого страдают интересы не одних калмыков, но и русских. Надо принять во внимание, что местные власти действительно далеко не стояли тогда на высоте положения и не могли похвалиться надлежащим отношением к служебному долгу и радением о государственном благе. Личные выгоды ставились у них на первом плане, как мы видим это хотя бы на примере предместника Эваницкого, М. И. Чирикова, несколько лет стоявшего у кормила правления в Астрахани, но покончившего службу печально, — его удалили от должности за лихоимство, взяточничество и вообще за преступное отношение к обязанностям обер-коменданта[63]). Имея дело с подобными представителями власти и нередко страдая от них, мог ли Аюка сохранять всегда равновесие духа и мог ли он удержаться от удовлетворения накипевшего чувства мести за обиды, — чувства тем более простительного в Аюке, что он был кочевник?.. Нужно сказать, что у калмыков на первых же порах знакомства с русскими составилось весьма невыгодное представление об их моральных качествах: русские „не стыдятся, когда говорят ложь", — такой приговор вынесли о них послы Хо-Орлюка,

---

61) АКА Дело 1719 года, № 6, вязка 1, л. 58.

62) Там же, л. 100 и об.

63) *Проф. Д. А. Корсаков* — „Артемий Петрович Волынский (Биографический очерк)". См. Сборник „Древняя и Новая Россия. т. I. СПБ. 1877", стр. 87.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

и калмыки твердо запомнили это [64]). На личном опыте Аюка убедился в отсутствии у русских верности установленным договором и в перевесе у них личных интересов над общими; что же оставалось Аюке делать, как ни прибегать к той мере отплаты, какая подсказывалась его темпераментом и ступенью культурного развития, на которой он стоял? В 1719 году Аюка мстил русским за 1715 год, это—верно; но едва ли историк будет справедлив, вынося суровое осуждение за 1719 год одному Аюке, тем более, что даже высшая тогдашняя правительственная власть оставила Аюку безнаказанным. Это последнее произошло не потому, что Петр остерегался храброго и хитрого вождя калмыков, как склонен был думать проф. А. М. Позднеев [65]), а скорее всего потому, что умевший разбираться в людях Петр видел небезупречность поведения русских по отношению к Аюке и калмыкам и долг справедливости удерживал Петра от применения к ним каких бы то ни было репрессий. В оффициальных документах Петр именовал Аюку своим „верным *подданным*", но фактически он считал его союзником и заключал с ним договоры. При усмирении Булавинского бунта, Аюка берет себе в плен казаков, их жен и детей. Мало того,—он обменивает их на русских людей, ранее захваченных им в плен во время набегов на Казанскую и Уфимскую губернии, или берет выкуп с пленников, давая им свободу. В 1714 году Чакдержан, старший сын Аюки, меняется татарами с русскою властью; от 13 сентября этого года он пишет Астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову: «Наши Етсаны и Ембулуки у вас живут, а ваши—у нас, и вы наших людей к нам выпилите, а мы ваших Юртовских татар выпилем [66])». Аюка самостоятельно посылает послов к владетельным особам и принимает от них посольства по политическим делам. От 25 августа 1713 года Чакдоржан пишет М. И. Чирикову; „Посыльщик наш был в Китаях, и китайской царь того посыльщика вельми одарил, и провожатых русских людей такожде одарил, и говорит он, царь, что хощет с нами быть в дружелюбии, и шлет к нам посла своего с 30 человеки" [67]). От 19 апреля 1714 года Аюка извещает Чирикова: „Посол Китайской слышно нам, что будет вскоре"; то же известие о

[64]) *Проф. А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 145—146.
[65]) Там же, стр. 156.
[66]) АКА. Дело 1714 года, № 2, вязка 1, л. 114.
[67]) АКА. Дело 1713 года, № 1, вязка 1, л. 17.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

скором прибытии к калмыкам китайского посла Аюка повторяет в письме от 22 апреля того же года и просит прислать почетный караул и угощение послу [68]). От 22 июня того-же года Аюка извещает Чирикова: „Послали мы посыльщиков своих к Хивинскому Яды-Геру-хану“ [69]). От 23 августа того же года Аюка пишет: „Посылаю я в Хиву для нужды посыльщика своего“ [70]). От 23 марта 1717 года Аюка извещает Чирикова: „Послал я в Персиду послом человека своего Достека“; из письма от 23 марта того же года видно, что калмыцкое посольство в Персию состояло из ста трех человек [71]). Нечего уже говорить о том, что с Кубанскими и Горскими владельцами Аюка входил в дипломатические переговоры, заключал мир и начинал войну исключительно по собственному усмотрению, не спрашивая разрешения на то у русских властей. Если все это признавалось нормальным, то выходит, что в представлении высшей русской власти Аюка был полунезависимым ханом. Ему была предоставлена Петром в ведение широкая Приволжская и Прикаспийская степь, служившая ареной непрерывных боевых столкновений Аюки с неприятелем. И что же удивительного, если облеченный большими царскими полномочиями, редко сходивший с боевого коня, смотревший смело в глаза опасности калмыцкий хан считал себя привиллигированной особой, а в служебном ранге лицом несравненно более высоким, чем Астраханские воеводы? С его точки зрения, ничего не было странного в том, что он, например, свои деловые бумаги к русским воеводам именовал „указами“ и воеводы принимали их. Только генерал-ад'ютант А. П. Волынский, назначенный в 1719 году Астраханским губернатором, счел обидой для себя такую форму письменных обращений к нему Аюки, отказался принять одно из его писем — „указов“ и велел возвратить это письмо обратно калмыцкому хану с его посланным. Мало того, в начале октября 1721 года к Аюке был послан А. П. Волынским подполковник Дивицнак, заявивший хану, что писать в Астрахань указы для него, хана, „ничто иное, токмо один стыд, ибо в государстве е. ц. в-ства никто не повинен указов его слушать“, и что если хан будет продолжать присылку указов к губернатору, то и к нему „не токмо из Астрахани, но и от прочих указами писано будет“. Изворот-

[68]) АКА. Дело 1714 года, № 2, вязка 1, л. 48 и л. 57.
[69]) Там же, л. 85.
[70]) Там же, л. 128.
[71]) АКА. Дело 1717 года, № 5, вязка 1, л. 29 и л. 33.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ливый Аюка нашел способ выйти из затруднительного положения, в какое был поставлен перспективой получать указы от астраханских властей. Он об'яснил, что „на калмыцком языке „указ", „приказ"—слова все разные: невеликие, а великое толкуется „повеление", и кроме бога и е. ц. в-ства другого повелителя никакого нет. А я сему недостоин, и повелевать не могу",—говорит Аюка. „А что в письмах моих пишется „указ", и то—не повеление, но токмо что мой указ письма дает к кому пошлется. И о сем донесите губернатору",—прибавил Аюка,—„чтоб он ко мне отписал, велит-ли он писать, что мой указ ему письмо дал, или не велит; и ежели велит, то я так и буду писать, а ежели не велит, то я так писать не буду; а ссоры за сие никакой нет и не будет, и ни за что ссориться не надлежит" [72]). Конечно, А. П. Волынский не мог воспретить Аюке давать своему секретарю указы об отсылке того, или другого письма к губернатору. Но, разумеется, речь шла не о том; Аюка отлично понимал, что губернатора возмущает то, как мог осмелиться хан посылать к нему, губернатору, свои приказы. Давать по губернии всякого рода распоряжения А. П. Волынский мыслил властным только себя, а калмыцкого хана считал своим подчиненным. Некоторые историки с большим одобрением относятся к этому поступку Волынского; они находят, что Волынский этим „пресек навсегда старую повелительную форму обращения", якобы „унижавшую" Россию [73]). Но ведь роль Аюки на Юго-Востоке России не изменилась от того, что губернатор запретил ему называть деловые бумаги „указами". Роль его служит стражем государственных интересов на Юго-Востоке не переходила всецело к астраханскому губернатору,—Аюка по прежнему оставлялся на той же „службе" Петру и попрежнему продолжал оберегать для России ее Юго-Восточную окрайну. Зачем же нужна была такая резкая выходка со стороны Волынского?! Соображая положение вещей, не следует ли расценивать поступок Волынского, как один из неудачных приемов в обращении с калмыцким ханом представителя русской администрации, свидетельствующий в данном случае только о непомерном самолюбии и мелочности Волынского, а не об его дипломатических способностях? Насколько низок был моральный уровень астраханских властей, Аюка отлично знал. Пред его глазами проходила служебная деятельность админи-

---

[72]) АКА. Дело 1721 года, № 9, вязка 1, л. 387 и об.
[73]) *Проф. А. М. Позднеев* – цит. ст., стр. 155.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

стратороз в духе М. И. Чирикова. Скоро он убедился, что и губернатор Волынский, такой на словах ревностный блюститель государственных интересов и престижа России, придворный вельможа, в сущности недалеко ушел от своих предшественников по части достижения корыстных целей и проявления административного произвола, граничащего с беззаконием[74]). Поступок Волынского должен был произвести тяжелое впечатление на старого воина. Аюка получал неожиданное оскорбление, и это оскорбление должно было казаться тем более нестерпимым для Аюки, что оно шло не от высшей правительственной, а от местной власти. Конечно, Аюка должен был снести это оскорбление, но целый ряд незаслуженных обид, в результате ли нежелания русских властей понять особую психологию калмыков, или просто неуменья обращаться с ними, довел калмыков, в конце-концов, до того, что из друзей России они превратились в ее недругов и в 1771 году порешили покончить всякие счеты с Россией уходом из нее.

Мысль об уходе из России на Дальний Восток, оказывается, была не чужда и Аюке. В 1767 году калмыцкий владелец Замьян, предупреждая тогдашнего астраханского губернатора Н. А. Бекетова о готовящемся бегстве калмыков из России, писал, между прочим, что калмыки давно уже собираются уйти из России в Джунгарию, и что еще „Аюка хан имел двоекратное намерение отсюда туда откочевать, но того учинить не удалось“ ему [75]). Несомненно, симпатии Аюки были на стороне далекой отчизны калмыков; известно также, что в 1713—1714 годах он входил в какие то политические сношения с Китаем, а китайскому посольству в 1714 году определенно говорил: „Хотя я и живу вдали от вашего (китайского) государства, но вы видите по моей шапке и платью, что я почти ничем не разнюсь от вас; примените нас к русским и смотрите, как велика разница между нами и ими и по платью,

[74]) О невысоких моральных принципах А. П. Волынского свидетельствуют факты, приводимые *проф Д. А. Корсаковым* в цит. ст., стр. 298 и дал. Сюда же можно присоединить циркулировааший в Астрахани слух о похищении Волынским из Астраханского Троицкого монастыря дорогой ризы, о чем сообщает «Краткая История Астраханской Епархии. Астрахань. 1886»: «Поговаривали, что он, т. е. А. П. Волынский, взял из Троицкого монастыря ризу, стоющую сто тысяч рублей», стр. 66. Репутация губернатора Волынского, очевидно, была настолько невысока, что народная молва не постеснялась усвоить ему и это некрасивое деяние.

[75]) Письмо Замьяна от 2 марта 1767 года. АКА. Дело 1769 года, № 352, вязка 87, л. 25.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

и по шапкам, и по языку, и по всему образу жизни“[76]). Но почему же, все-таки, Аюка остался в России? - Как ни затруднительно было подчас положение Аюки, оказавшегося между двух огней, воюя с врагами России и не встречая особенной признательности за это со стороны правительства; как ни ясно он сознавал, быть может, что для будущности калмыцкого народа деятельность его приносит мало пользы, так как результаты ее всецело поступают в распоряжение России: но, вероятно, практический разсчет, вместе с привычкой к России, подсказывали ему, что под властью Китая он и сам лишится той доли независимости, какая предоставлена ему Россией, и калмыцкий народ потеряет в Джунгарии, свою вольность скорее, чем в России. Дальновидный хан предусматривал участь порабощения Китаем Джунгарии, которою правил Цеван—Раптан, женатый на дочери Аюки, и хотя знал, что Джунгарцы укоряют его „холопством“ России[77]), но он соображал, что грядущее для Джунгарии „холопство“ от Китая будет тяжелее русского „холопства“. Он выбирал из двух зол меньшее и разсуждал так, что ему лучше остаться подданным Петра, способного ценить его заслуги, чем итти в Джунгарию, на которую рано или поздно обрушится гнет Китая, и ее правители будут лишены всякой власти над народом. Аюка остался в России.

Историки справедливо находят, что „правление Аюки, продолжавшееся слишком 50 лет, заключает в себе самый занимательный период в истории Волжских калмыков“[78]). За эти пятьдесят лет протекло много важных событий в жизни калмыцкого народа, преимущественно—военного характера. За этот период времени слагались отношения калмыков к русскому населению в Астраханском крае. За этот же длительный

---

[76]) *Проф. А. М Позднеев* – цит. ст., стр. 153.

[77]) В 1722—1724 годах к Джунгарскому правителю Хунг тайше Цеван Раптану ездило Русское посольство для переговоров о переходе Джунгарии в Русское подданство. Перспектива оказаться под властью России встретила, однако, сильную оппозицию в среде Джунгарской знати. В дневнике капитана Унковского под 9 августа 1723 года записано: «Жена Контайшина меньшая Аюкина дочь, Черен Дондуку (двоюродный брат Цеван Раптана, один из сильнейших противников подданства Джунгарцев России) о том спорила, и он ей сказал: разве де и нам так быть в холопстве, как отец твой? «См. дневник посольства Унковского к Зюнгарскому Контайше 1722—1724 гг.», изданный Географическим Обществом под редакцией *Н. И. Веселовского*, стр. 119.

[78]) *Н. Нефедьев*—цит. соч, стр. 44.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

срок определялось будущее положение калмыцкого народа в России. По первым шагам губернатора А. П. Волынского можно было уже видеть, что политика русского правительства в дальнейшем примет определенный курс стремления всецело подчинить себе вольный народ, и что все сводится лишь к вопросу, когда это случится. Пока жив был Аюка, нельзя было действовать решительно, слишком высок был авторитет старого калмыцкого предводителя и поступить с ним, как с заурядным правителем было бы несосторожностью со стороны русской власти. Старый Аюка в состоянии был наделать много хлопот и причинить много неприятностей России, если бы правительство решило сразу ограничить его права и отнять у него власть. Надо было действовать постепенно, возлагая надежды на время и учитывая то, что в калмыцком народе все держится одним Аюкой. Слава Аюки была славою калмыцкого народа. Умер Аюка, умерла с ним его слава,—померкла с нею и слава калмыцкого народа, никогда уже больше к нему не возвращавшаяся.

Следует, впрочем, сказать, что признаки упадка стали заявлять о себе еще при жизни Аюки. Выше отмечено, что Аюка был и в душе, и на практике империалист. Однако, тот империалист Аюка, который в конце XVII столетия сумел сосредоточить власть над народом в своих руках, чтобы удобнее было управлять кочевниками, вступая с ними в непосредственное соприкосновение, как это бывает в патриархальном быту, и тот Аюка, которому в XVIII веке пришлось ближе познакомиться с русским административно-политическим строем, многое усвоить из него и применить к калмыкам,—это были два разные лица. Калмыцкие тайши, нойоны и зайсанги, считавшиеся раньше только предводителями больших или меньших калмыцких групп, начали превращаться в администраторов и владельцев, облеченных широкими полномочиями и правами, напоминающими права и полномочия русских воевод и помещиков. Связь простолюдинов с владельцами, прежде покоившаяся больше на моральных началах, когда владельцы являлись как-бы опекунами подчиненных им простолюдинов, приняла другой оттенок: владельцы стали проявлять власть над подчиненными, стали даже распоряжаться ими, как рабами. Момент насилия начинает привходить в прежние патриархальные отношения между владельцами и их подвластными. Ойратское право 1640 года почти не знало этого насилия. Но

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

его пришлось уже ограничивать калмыцким законодательством в половине XVIII века и бороться с ним энергичными мерами при выработке законоположений в первой четверти XIX века, когда зло укоренилось и приняло нетерпимые размеры. Власть хана тоже изменила свой прежний характер. Хан стал трактоваться уже как царь. Тайши, нойоны и зайсанги составили его придворную свиту и подразделились на ранги, каждый с своим служебным достоинством, в зависимости от степени близости к особе хана-царя Появилось местничество, а с ним интриги, ссоры и раздоры между владельцами. Это содействовало укреплению положения хана, как царя, но печально отражалось на отношениях владельцев к простолюдинам, ибо за возвышением в придворном ранге того, или другого владельца неминуемо следовало увеличение гнета владельца по отношению к его подчиненным. Чем больше значения приобретал владелец при ханском дворе, тем в больших размерах он проявлял свою власть над улусом. Конечно, новые порядки приходились не по натуре свободолюбивым калмыкам, и с начала XVIII столетия ясно заявляют о себе попытки калмыков освободиться от нарождавшейся у них помещичьей власти. Калмыки начинают уходить от владельцев и делают это даже на легальном основании. Они пользуются правом перехода в Россию, преимущественно на Дон, с принятием христианства, согласно особых договоров русского правительства с ханом Аюкою в 1673, 1677 и 1697 годах[79]). Если в конце XVII столетия число таких выходцев из калмыков в Россию было, сравнительно, незначительно, то с XVIII века оно увеличилось настолько, что Аюка начинает протестовать против ухода от него калмыков, ухода, принявшего характер настоящего бегства в Россию. Он жалуется Петру, и по его жалобе Петр посылает Аюке указ от 25 января 1717 года, в каковом указе читаем: „К нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал ты, подданной наш, с посланным своим Чихирь Кашкою с товарищем в разных своих листах с прошением о беглых калмыках, которые сбежали на Дон. И по нашему царского величества указу, велено их отдавать, и для взятья и отыскания их и ты, подданной наш, на Дон от себя послал, и потому твоему посланному с Дону отдано тех беглых калмык малая половина, а большая там удержана. А в

---

[79]) *Ф. М. Юшгин*—«Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань. 1883», стр. 1—3.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

прошлом 1716 году к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писали с Дону войсковой атаман Максим Фролов и все войско, что в 1714-м и в 1715 годах присланным твоим, подданного нашего, посланцом беглых калмык они, донские казаки, отдавали, а именно: в 1714-м году отдали и с присланным от тебя послали двадцать пять человек, в 1715-м году послали к тебе-ж с Улду-Скуном калмыком пятнадцать человек, а в прошлом-же 1715-м году декабря 28 числа пришло к ним в Черкаской от тебя, подданного нашего, калмык тридцать кибиток с женами, и с детьми, Серке-Мерген с товарищи двадцать один человек, кроме жен и детей, а в том числе пять кибиток их старожилых калмык, которые у них, Донских казаков, из давних лет живали и служили с ними. И по нашему, царского величества указу и по грамотам, оных пришлых калмык они, Донские казаки, посланцом твоим, Баянкарю и Хозараю отдавали, и они, Калмыки Серке Мерген мурза с товарищи с теми посланцами к тебе, подданному нашему, в улусы не пошли и желали восприять христьянскую веру, и жить при Черкаском, и служить с войском Донским обще; а пяти кибиток старожилых калмык отдать де им не належит для того, что оные калмыки пяти кибиток Черик Усенеев и с братьями своими - старые жители и напред сего жили при Черкаском из давных лет и служили с ними, казаками, в войске обще и были на службах под Ригою и в Польше, а в 1709 году забрал их из под Черкаского Чеметь тайша насильством. И по нашему царского величества указу, пришедших на Дон калмык - Серке Мергеня с товарищи двадцати одного человека з женами их и з детьми, велено отослать з Дону в Чугуев и тамо, по желанию их, крестить и написать с тамошними новокрещенами калмыки в службу, и жалованье давать против тех-же; а калмыком пяти кибиток, ежели они подлинно на Дону из давных лет жили и служили с Донскими казаками вместе, а в 1709-м году забрал их калмыцкий Чеметь тайша насильством, жить по прежнему на Дону; и о том послана наша, царского величества, грамота на Дон к войсковому атаману, Максиму Фролову и ко всему войску. Да в прошлом же 1716 году в другой отписке тогож войскова атамана Максима Фролова и всего войска писано, что до того ж 1716 году февраля в 5 день перешло было к ним в Черкаской из-за Волги твоего, подданного нашего, владения калмык близ ста человек з женами, и з детьми, и с пожитки. И того февраля 22 числа писал ты, подданой нам, к ним —

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

присылал от себя посланцев своих, Козарая и Бода с товарищи, дабы оных беглых твоих калмык они отдавали к тебе, подданному нашему, в улусы по прежнему; и они, казаки, тех калмык перебрали, и которые старожилые их калмыки напред сего деды, и отцы их, и братья породились у них при Черкаском и служили обще с ними и были в армиях под Ригою и в Польше, со излишним тридцать человек, з женами, и з детьми, у себя удержали, а пятьдесят человек новопришлых калмык з женами, и з детьми, и со всеми их пожитки вышеупомянутым твоим посланцем отдали и к тебе за Волгу по прежнему послали, и для провожения до Царицына придано из Черкаского тридцать человек казаков, и до Царицына доводили к тебе, подданному нашему, и к таишам писали, дабы впредь калмыкам бегать не допускали, и учинили б заставы и караулы крепкие. И мы, великий государь, указом по прошению твоему, подданного нашего, о беглых на Дон владения твоего калмыках, хотя войсковой атаман и все войско Донское доносят, что посланцом твоим беглых твоих калмык, которые вновь от тебя збежали и к ним пришли, отдали со всеми их пожитки, а других удержали, что те калмыки старинные, однакож послать ныне еще нашу царского величества грамоту на Дон к ним, войсковому атаману Максиму Фролову и ко всему войску Донскому, дабы конечно пришедших вновь калмыков твоих отдали тебе назад и впредь отнюдь не принимали, и о тех калмыках, которых они, Донские казаки, называют своими старинными, прислали сюда в нашу Государственную Посольскую Канцелярию подлинное известие; когда ж пришлют, и то тебе, подданному нашему, сообщится. Которые ж калмыки владения твоего, выходя из улусов твоих, пожелают быть в христианской вере и просят о крещении, и по закону христианскому таких калмык не принимать и от святого крещения отказывать отнюдь не возможно, и что недавно такие калмыки приняты и крещены, и на Казанской стороне у реки Терешки земля им дана, церковь построена, и село заведано. Також и на Дон пришедших двадцати пяти кибиток Серке-Меркеня мурзу с товарищи велено отослать для крещения и житья в Чугуев. Того тебе, подданному нашему, за обиду себе и озлобление ставить не надобно. А наша, царского величества, милость к тебе, подданному нашему, неременна, и содержим мы, великий государь, наше царское величество, тебя, подданного нашего, всегда в милости нашей. И по нашему царского величества указу, новокрещенным калмыком в кал-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

мыцкие улусы ездить и других калмык подговаривать будет заказано, и впредь, которые калмыки сами по желанию своему будут приходить и крещения просить, и тех, дабы тебе, подданному нашему, досад от них не было, по Волге и в близости улусов твоих селить не велено, но отсылать их для крещения и поселения в иные русские места[80]).

Еще при Аюке за каждого беглого от него калмыка, в случае принятия им христианства, Русское правительство обязалось уплачивать хану по 30 рублей[81]). Но с течением времени побег калмыков стал настолько значителен, что и денежное вознаграждение не могло удовлетворить калмыцкого хана. В 1704 году Аюка приказал разрушить и сжечь целое поселение крещенных калмыков на реке Терешке, а калмыков снова перевести в их улусы, оправдываясь пред русским правительством тем, что „он всегда имел за собою право забрать своих холопей"[82]). А позже, в 1774 году, хан Дондок-Даши арестовал жену и детей Хошеутского владельца Ончика, пожелавшаго креститься, и завладел его имуществом, при чем, на протест астраханского губернатора В. Н. Татищева заявил ему: „Когда кто уже крестился, мы не требуем, а хотя кто креститься желает, и о том мы уведаем и от того удержим или хотя и побьем до смерти, за то на нас штрафа не взыскивалось для того, что они еще в наших руках"[83]). Очевидно, опасение растерять, мало-по-малу, всех калмыков заставляло калмыцких ханов применять репрессивные меры к ускользающим из их рук подданным. И надо думать, что одною из главнейших причин, почему калмыки бежали от своих владельцев и ханов, служило недовольство установившимся новым строем жизни, посягавшим на свободу калмыков. Они устремлялись на вольный Дон и даже ничего не имели против переселения их правительством в Чугуев, потому что там им дышалось легче и привольнее. Признаки разложения ханства изнутри оказываются на лицо: они заметны уже при Аюке и увеличиваются при его преемниках, когда к внутренним факторам присоединяются внешние, как результат определенной политики Русского правительства обезсилить ханскую власть. Эту политику мы можем наблюдать с момента смерти Аюки в 1724 году,

---

[80]) АКА. Дело № 11, вязка 2, лл. 227—229.
[81]) *Ф. М. Юшгин* цит. брошюра, стр. 3.
[82]) Ркп. Бакунина, л. 13. *Проф. А. М. Позднеев*—цит, ст., стр. 152.
[83]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 31.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

при избрании преемника ему по управлению калмыцким народом. В акте избрания русское правительство принимает большое участие.

V.

Церен-Дондок Хан.

При жизни Аюки, ближайшим помощником ему в управлении Калмыцким народом являлся старший сын Чакдоржап. На старости лет, Аюка передал все военные дела Чакдоржану, искусное ведение которых составило Чакдоржану не малую славу. Он должен был бы занять и ханский престол по смерти Аюки, но умер раньше отца, в 1722 году. О ханстве стал тогда мечтать сын Чакдержапа Досанг. Но Аюка не был на его стороне, тем более, что и по калмыцким обычаям ханство, переходившее всегда к старшему сыну хана, не могло принадлежать Досангу. За смертью Чакдоржапа, право на ханство должно было перейти к второму сыну Аюки Церен-Дондоку. Но Церен-Дондок уже и при жизни Аюки заявлял себя малоспособным нести ответственное служение, хотя, надо сказать, сам Аюка не только высказывался в пользу Церен-Дондока, но даже просил императора Петра утвердить его на ханство. При таком положения дела, жена Аюки Дарма-Бала создает план передачи ханской власти по смерти Аюки внуку его, от сына Гун-Джапа, Дондок-Омбе с выходом за него замуж. Наиболее сильным конкурентом Дондок-Омбе, по соображениям Дарма-Балы, должен был бы явиться Досанг, и вот против него-то она направляет удар рукою одряхлевшего Аюки, который, вероятно, не подозревал о замыслах жены. Дарма-Бала указывает Аюке на необходимость ослабить могущество Досанга, как незаконного претендента на ханство, и Аюка отдает приказ Дондок-Омбе напасть и разбить Досанга Дондок-Омбе с полным успехом исполняет приказ деда и отнимает у Досанга его улус. Тщетно Досанг ищет помощи у А. П. Волынского, уплачивая за нее, будто-бы, сотней великолепных лошадей [84]),—отряд, посланный Волынским в подкрепление Досанга, оказывается слишком малочисленным и не имеет успеха. Победа остается за Дондок-Омбою, и, наверное, после Аюки ханство перешло бы к Дондок-Омбе, если бы не явился соперником ему новый кандидат, Дорджи Назаров, на котором остановил собственный выбор импера-

---

[84]) *Проф. Д. А. Корсаков* — цит. изд., стр. 299.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

тор Петр в бытность свою у Аюки, в 1722 году. Петр признал Дорджу Назарова, племянника Аюки, наилучшим его преемником, и А. П. Волынскому было поручено правительством употребить все меры к тому, чтобы провести Дорджу Назарова в ханы.

Когда Аюка умер, возгорелась жестокая борьба из-за ханства между претендентами на него, имевшими каждый свою партию из калмыцких владельцев. Наиболее сильной являлась партия Дарма-Балы. Она проводила в ханы Дондок-Омбу, и можно было опасаться крупного осложнения дел, так как Дондок-Омбо начал готовить войска к сражению с противниками, а Дарма-Бала послала гонцов в Джунгарию и Хунг-тайше просить у него помощи против русских. Дорджи Назаров не находил поддержки себе среди калмыцких владельцев и заблагоразсудил снять свою кандидатуру. С Досангом не представлялось особенной трудности справиться его коварному покровителю, А. П. Волынскому. Оставались Дондок-Омбо и Церен-Дондок. И надо сказать, А. П. Волынский много употребил искусства, чтобы отвлечь симпатии владельцев от любимца Дарма-Балы Дондок-Омбо и согласить их на избрании Церен-Дондока на правах только наместника ханства, при условии участия и Дарма-Балы в управлении Калмыцким народом. Избрание Церен-Дондока состоялось 19 сентября 1724 года. Церен-Дондок дал наместническую присягу, обязуясь в верности государю, чтобы не содержать у себя татар и не иметь сношения с иностранными народами. Таким образом из борьбы вышел победителем кандидат Аюки, в уважение и памяти которого калмыцкие владельцы подавали свои голоса. Но только дряхлостью Аюки можно извинить столь неудачный выбор преемника себе. Сам по себе Церен-Дондок не имел ни малейшего авторитета ни среди владельцев, ни в народе, при том он подвержен был алкоголизму. Дела по управлению стали приходить в расстройство, чему особенно способствовали непрекращавшиеся ссоры и междоусобия среди калмыцких владельцев. Два брата Досанг и Нитар-Дорджи сначала восстают против сородичей из-за неправильного, яко-бы, раздела улусов, а затем, в марте 1725 года, открывают военные действия против третьего брата Баксадай-Дорджи, принявшего крещение и переименованного в Петра Тайшина. Когда в междоусобице каждая сторона, не надеясь на собственные силы, стала искать поддержки у русской власти, и та приступила к разбирательству причин столкновения между братьями Досангом и Нитар-Дорджи с одной стороны и Петром Тайшиным с другой, то Досанг, чувствуя за собою вину и спа-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

сая себя, умертвил Нитар-Дорджи и представил его голову А. П. Волынскому. Все калмыцкие владельцы пришли в страшное возмущение и потребовали от Волынского выдачи им Досанга для расправы. Волынский стал защищать Досанга и тем оттолкнул от себя владельцев. В злобе на него и мстя за Нитар-Дорджи, они начали учинять нападения на русских и грабить их в 1727 году. Нападения приняли такие большие размеры, что в 1728 году русской власти пришлось устанавливать разъезды из солдат гарнизонных полков на протяжении всей дороги от Астрахани до Саратова для защиты от калмыков русских жителей и проезжих.

Сам Церен-Дондок оказался не в состоянии предпринять что нибудь серьезное для восстановления порядка. Дарма-Бала и Донок-Омбо продолжали строить козни против сына и дяди. Дарма-Бала предлагала даже бежать калмыцким владельцам в Джунгарию, оставив Церен-Дондока одного в России. Не возвысился Церен-Дондок во мнении владельцев и народа и от того, что ему даровано было в 1731 году русским правительством ханское звание, и на него торжественно возложены были, инсигнии ханского достоинства: собольи шубы и шапка, сабля с драгоценными украшениями, панцырь, шишак и наручники в присутствии послов Китайского императора, прибывших тогда в России по дипломатическим делам [85]). На вознесенного царскими милостями Церен-Дондока окончательно озлобился Дондок-Омбо. В год утверждения Церен-Дондока ханом калмыцкого народа, в ноябре месяце, Дондок-Омбо пошел войной на хана и разбил его на голову при селении Сасколях, при чем захватил ханский улус в 15 тысяч кибиток с 80 000 калмыков. Русское правительство вступилось тогда за Церен-Дондока и отправило в Калмыцкую степь отряд войска под командою князя И. Ф. Барятинского. Однако, Барятинскому не удалось изловить Дондок-Омбо: он спутал все военные планы Барятинского, обманул его разсчеты и благополучно удалился на Кубань, за пределы досягаемости, с 11 тысячами кибиток. Барятинский был одурачен и в донесении своем в Петербург о том, что произошло, сознавался, что «истинно не знает, что делать с таким ветренным и неспокойным народом, который не слушает никаких наставлений и не склоняется ничем к спокойному провождению жизни» [86]). Между тем, смелый и отважный Дондок-

[85]) Вероятно, тогда же Церен-Дондоку была вручена китайскими послами и грамота на ханское звание от Далай-ламы, изданная *Е. Чоновым*,— цит. соч., стр. 17—19,— но почему то помеченная у издателя 1735 годом, когда Церен-Дондок был уже отрешен от ханства.

[86]) *Проф. А. М. Позднеев* — цит. ст., стр. 163.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Омбо приобретал все большие и большие симпатии у калмыцких владельцев и среди народа. На его сторону переходят: Торгоутовский владелец Лубжа, сын Дорджи Назарова и Дербетовский владелец Четер с сыном Гюнге-Дорджи. Они действуют за одно с Дондок-Омбою против Церен-Дондока. Лубжа перебирается через Волгу, нападает на хана и разбивает его. Единомышленников Дондок-Омбы к августу 1734 года насчитывается уже 28 тысяч кибиток. Русское правительство, наконец, увидело, что от дальнейшей поддержки Церен-Дондока надо отказаться и для успокоения калмыцкого народа следует признать Дондок-Омбу с Кубани, вручить ему ханство, а Церен-Дондока отстранить от управления калмыками, за совершенною неспособностью его к этому делу. В конце 1734 года был отправлен на Кубань Донской войсковой старшина Ефремов, который вступил в переговоры с Дондок-Омбою о принятии им главного начальствования над калмыцким народом. Дондок-Омбо принял предложение правительства, получил высочайшую грамоту на звание Главного Управителя Калмыцкого Народа и 14 ноября 1735 года на Эргенях, между Аксаем и Сарпою, дал присягу на верность русскому престолу в новом звании. Церен-Дондок, отрешенный от ханства за *слабостью*, как сказано в высочайшей грамоте от 7 марта 1735 года, был препровожден в Петербург, где окончательно спился и умер.

На этом неспособном хане лежит вина тяжелых внутренних и внешних потрясений, испытанных калмыцким народом, за целые десять лет, с 1724 по 1735 год, и, кажется, ничем хорошим не может вспомнить бездарного алкоголика хана история калмыцкого народа [87]).

VI.

Дондок-Омбо Хан.

В об'яснении причины ухода на Кубань, представленном 1 ноября 1734 года в коллегию иностранных дел, Дондок-Омбо сообщает о себе, между прочим, некоторые биографические сведения. Будучи 13 лет от роду, он принимал участие в походе Шереметева против астраханских бунтовщиков. Так как это было в 1705 году, то годом рождения Дондок-Омбо, можно считать 1692 й. „Потом", пишет Дондок-Омбо, «ходил войною ж с Бахметевым на башкирцев, и после на булавинцев, кото-

[87]) Там же, стр. 156 и дал. Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 194 и дал. *М. Новолетое*—цит. соч., стр. 16 и дал.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

рые против Москвы воевали, ходил я с Хованским. Потом с Апраксиным ходил я на Кубань». В дербентском походе Дондок-Омбо не участвовал, но снарядил отряд войска и вручил командование им надежному лицу, Зундую. О дальнейшей своей деятельности, до ссоры с Церен-Дондоком и Галдан-Данжиным из-за неправильного дележа улусов по смерти Аюки, Дондок Омбо заявляет довольно неопределенно: „Где на службе прочие калмыки были, я от них еще не отставал, и тем прежнему великому императору служил“[88]). Таким образом, когда для Дондок-Омбы была ликвидирована его „кубанская история“, и он стал главным управителем калмыцкого народа, ему было 43 года. Внук храброго Аюки, он унаследовал от деда многие черты характера и, прежде всего, воинственность, которая еще в отроческих годах потянула его на поле сражений. С течением времени, из него выработался искусный полководец, с которым не мог, как мы видели, соперничать генерал Барятинский. Сделавшись главою калмыцкого народа, Дондок-Омбо в 1736 году ведет калмыцкие войска против горцев, называвшихся Наврюс-Улу, разбивает их и приводит горцев в подданство России числом до 20 тысяч человек, обязав их, однако, платить дань не правительству России, а себе, как платили они дань его деду Аюке. Русская высшая власть осталась весьма довольна таким началом деятельности Дондок-Омбо. От императрицы, по особому рескрипту от 28 мая 1736 года, ему были пожалованы: почетная сабля, соболья шуба и другие подарки; супруге его, по имени Джан, было выдано 35 аршин золотой парчи, а прочим владельцам, принимавшим участие в походе, и калмыцкому войску были назначены денежные награды[89]). 24 июня того же года последовал новый высочайший рескрипт на имя Дондок-Омбы, с выражением надежды, что он, успешно начав дело на Кубани, закончит его совершенным искоренением кубанских и горских татар и прочих турецких подданных[90]). Эту задачу Дондок-Омбо исполнил блестяще. Он разбил кара-калпаков и абазинцев, вывел их из гор и поселил по сю сторону Терека, на кизлярской стороне. За эту военную операцию ему пожалована была сабля при грамоте от 1 июня 1738 года. Что касается до положенного калмыцкому хану годичного содержания от русского правительства, то для Дондок-Омбы оно было увели-

[88]) АКА. Дело № 11, вязка 2, л. 56.
[89]) Там же, л. 192.
[90]) Там же, л. 230.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

чено: „А ныне мы, великая государыня",—читаем в грамоте императрицы Анны Иоановны Дондок-Омбе от 11 августа 1736 года,—„усмотрели доброе твое, по указам нашим, послушание и скорое исполнение и к службе нашей ревностное прилежание, учиненным знатным поиском над кубанцами нам доказанное, и уповаем, что ты, по прежде отправленным нашим к тебе грамотам, знатной и сильной корпус калмык своих в Крым немедленно отправишь; того ради во знак превысочайшей к тебе и ко всем калмыцким владельцам императорской милости всемилостивейше повелели во всю жизнь твою давать тебе нашего императорского жалованья, сверх прежде определенного тебе окладу, денег по две тысячи по пятисот рублей, муки—по тысячи четвертей на год".

Сначала, по указу от 4 февраля 1736 года, Дондок-Омбе было положено жалованья 500 рублей денег и 1000 четвертей муки на год. Теперь он стал получать ежегодно 3 тысячи рублей денег и по 2 тысячи четвертей муки [91]). Денежные оклады были назначены также родственникам Дондок-Омбы и знатнейшим калмыцким владельцам. Так, брату Дондок-Омбо, Бакшурге положено было ежегодно жалованье в 300 рублей, сыну Дондок-Омбы, Галдан-Норме 300 рублей, Дордже Назарову и детям его, Лубже и Баю 600 рублей, Четерю тайше и детям его Лабан-Дондуку и Гунге-Дордже 300 рублей, Солом-Дордже с детьми 200 рублей, Лекбею 100 рублей, зятю Дондок-Омбы Сербетю 100 рублей, Бату Чакджаржапову 100 рублей [92]). Щедры, как видим, были награды Дондок-Омбе и калмыцким владельцам от Русского правительства, но велики были и их услуги России во время турецкой войны 1736—1739 годов, когда значительные военные силы калмыков оперировали и на Северном Кавказе, и в Крыму. На Северном Кавказе Дондок-Омбо действовал с 40-тысячной калмыцкой армией, при чем одной половиной армии командовал он сам, другая половина была под командою его сына Галдан Нормы. Значительную силу представлял собою и калмыцкий корпус, отправленный в Крым, под общую русскую команду [93]). 3 марта 1737 года Дондок-Омбо был возведен в звание хана, и ему были пожа-

[91]) Там же, л. 252. Ср. л. 152 и л. 302. *М. Новолетов*,—цит. соч., стр. 22, примеч. 13,—неправильно указывает 5 тысяч рублей жалованья Дондок-Омбе.

[92]) Там же, л. 252 об.

[93]) О ходе военных операций на Северном Кавказе подробно излагает *Е. Чонов*—цит. соч., стр. 19 и дал.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

лованы знаки ханского достоинства: знамя, сабля и собольи шуба и шапка. Подобно своему деду Аюке, Дондок-Омбо во внутренней политике проводил принцип единовластия. Еще на Кубани, договариваясь с русским правительством в 1734 году, Дондок-Омбо настаивал, чтобы за ним были сохранены те улусы, которые находились при нем на Кубани [94]), а они раньше принадлежали разным владельцам и самовольно последовали за Дондок Омбою, когда тот перешел на Кубань. Улусы были сохранены за ним. Сделавшись главным управителем калмыцкого народа, Дондок-Омбо присоединил к наличным своим улусам еще ханский улус, и, таким образом в его владении оказалось весьма внушительное число кибиток. По богатству и силе, он не видел себе серьезных соперников из калмыцких владельцев, за исключением двоюродного брата Дондок-Даши. Этот последний мог помешать империалистическим замыслам Дондок-Омбы. Дондок-Омбо знал о расположении к Дондок-Даши русского правительства, которое ценило его за то, что во время смут при Церен-Дондоке он неизменно держал сторону хана, и когда князь Барятинский действовал против Дондок-Омбы, он помогал ему своими войсками. Эту помощь не хотел простить Дондок-Даше Дондок-Омбо. Он считал его своим заклятым врагом. В своих условиях с Кубани, Дондок-Омбо требовал от русского правительства ни более ни менее, как „уничтожения", т. е. умерщвления Дондок-Даши, при чем предлагал передать улусы своего двоюродного брата новокрещенному Баксадай-Дордже-Петру Тайшину, получившему от русского правительства „команду" над всеми крещеными калмыками. Этого Петра Тайшина Дондок-Омбо не считал врагом себе. Но относительно Дондок-Даши прямо писал правительству: „буде с ним (придется) вкупе жить, то службу вашу отправлять будет неможно, и ежели б оного Дондок-Дашу повелели уничтожить, а улусы его отдать Баксадаю-Дарджи, то б обоим нам была великая милость". Правительство рекомендовало Дондок-Омбе примириться с Дондок-Даши. С своей стороны Дондок-Даши ничего не имел против забвения обоюдных обид и полного примирения. Но Дондок-Омбо и слышать не хотел об этом. При всяком удобном случае он просил императрицу искоренить, или куда нибудь засадить Дондок-Дашу, потому, что „если он (Дондок-Даши) так останется", писал Дондок-Омбо, „то он (Дондок-

---

[94]) АКА. цит. в прим. 88 дело, л. 59.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Омбо) никогда не будет спокоен мыслью [95]). Оберегая безопасность и жизнь Дондок-Даши [96]), русское правительство сначала предложила ему перекочевать на реку Орь [97]), но потом, когда он не согласился на это и не принял других предложений о временном переселении куда нибудь подальше от своего врага, русское правительство вызвало его в Петербург и только в 1738 году вынудило его дать согласие на переезд за реку Самару, где находилась вдова калмыцкая княгиня Анна Тайшина, незадолго перед тем лишившаяся мужа Петра Тайшина (Баксадай-Дорджи [98]). Дондок-Омбо добился, таким образом, удаления Дондок-Даши из калмыцкой степи и успокоился, так как у него здесь, в степи, уже не оставалось, повидимому, элемента, который мог бы вредить Дондок-Омбе при осуществлении честолюбивых планов о единовластительстве. Но судьба готовила Дондок-Омбе удар с той стороны, откуда он меньше всего мог ожидать опасности.

Благодаря счастливо складывавшимся для него внешним обстоятельствам — победоносным войнам и поддержке со стороны русского правительства, Дондок-Омбо ввел порядок в управлении калмыцким народом, но его железная рука тяжело легла на калмыцких владельцев, значение которых он старался сократить, и у него не замедлили появиться враги. Во главе недовольных деспотизмом хана стоял владелец Лубжа, прежний друг и помощник Дондок-Омбы. Он будировал прочих владельцев против властолюбивого хана и подготовлял почву для открытого восстания против него. Создалась сильная партия противников хана, и когда старший сын Дондок-Омбы Галдан-Норма от первой жены Дондок-Омбы калмычки Божаки, лишенный отцом улуса в 1737 году и отстраненный от наследования ханства в угоду второй жене Дондок-Омбы, кабардинке Джан, желавшей видеть на ханском престоле своего сына Рандула, не исполнил приказания отца итти с войсками против Киргизов в 1738 году и направил оружие против него самого, то Лубжа поддержал его. Дондок-Омбо растерялся. Он сознал свое бессилие пред неожиданными противниками и, забыв гордость, стал просить русское правительство о помощи, а Дербетовского владельца Лабан-Дондука о союзе с ним. К счастью для

---

[95]) Там же, лл. 59—60, 129, 292. *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 23.
[96]) То же дело, л. 123.
[97]) Там же, л. 312.
[98]) *Н. Нефедьев* —цит. соч., стр. 63.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Дондок-Омбы, Лубжа умер, а Лабан-Дондуку удалось уговорить Галдан-Норму прекратить распрю с его отцом и изъявить ему покорность. За возстание Галдан-Норма поплатился ссылкой в Казань, а соучастники возмущения: Лабанг, дочь хана, Лекбей, зять его, Бату, двоюродный брат с сыном Тангутом, Кичик Дондуков, Зундуй и другие знатные лица были умерщвлены по приказанию Дондок-Омбы, конечно, инспирированного в данном случае супругой, кровожадной кабардинкой Джан [99]).

21 марта 1741 года Дондок-Омбо умер. О смерти его ханша Джан извещала Царицынского коменданта П. Ф. Кольцова следующим письмом, помеченным по калмыцкому учету 23 днем „вешнего среднего месяца": „Господин мой хан Дондок-Омбо в здоровье своем издавна весьма был слаб, которую болезнь за имеющею(ся) прошедшею между Россиян с Турков войною пользовать время не имел затем, что всегда против неприятелей в службе и в походах безпрестанно находился, и от оного, оная его болезнь приумножилась, от которой нынешнего вешнего среднего месяца 15 дня за час пред полуднем умер, о чем чрез сие вас, друга его, и уведомляю; також о сем же и ко двору с письмом моим посланца моего отправить имею, точию ожидаю счастливого дня» [100]). Дондок-Омбо умер далеко не старым,—ему еще не исполнилось 50 лет. Но последние годы жизни оказались для него чрезвычайно тяжелыми. Он страдал не только физически, от болезни но и морально. События последних лет показали Дондок-Омбе, что принятая им политика сосредоточения власти над народом в одних руках была неправильною, и насилия, учиняемые над владельцами в целях добиться торжества этой политики, не имют оправдания. Таким образом, все, что он созидал в течение целой жизни и к чему так настойчиво стремился, оказалось миражем. Жестокий, смертельный удар не только самолюбию, но и политике Дондок-Омбы был нанесен, когда гордому силой и славой побед хану пришлось смиренно просить помощи против мятежного сына и его соучастников у русского правительства, с которым несколько лет тому назад он так смело разговаривал на Кубани и которому чуть ли не диктовал свои условия, а еще больше—когда ему пришлось унизиться до заискивания у своего подданного, Дербетовского владельца и заключения с ним оборонительного союза. Хан оказался даже

---

[99]) *М. Новолетов*—цит. соч. стр. 24.
[100]) АКА. Дело 1741 года, № 125, вязка 37, л. 317.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

до того безсильным, что ему не удалось сохранить ханский престол в своем поколении: Рандул, сын Дондок-Омбы от кабардинки Джан, за которого Дондок-Омбо хлопотал пред Далай-ламой, не получил ханства, и оно перешло к заклятому врагу Дондок-Омбы, Дондок-Даши.

Со смертью Дондок-Омбы начались междоусобия в калмыцком народе. Русское правительство, осведомившись о том, что Дондок-Омбо просил Далай-ламу о предоставлении ханства сыну Рандулу помимо российского двора, нашло поступок Дондок-Омбы „предосудительным" и дало директиву состоявшему при ханше Джан полковнику Бабарыкину уговорить калмыцких владельцев послать нарочного в Петербург с прошением о назначении им хана, „кого российский двор соизволяет". Но Джан успела так терроризировать владельцев, что уговоры Бабарыкина не привели ни к чему,—никто из владельцев не хотел брать на себя рискованную миссию, и всякий предпочитал держаться в стороне. Между тем, ханша Джан употребляет все меры к тому, чтобы сохранить за собою власть. Она хлопочет перед русским правительством об утверждении Рандула на ханстве с тем, чтобы за его малолетством ей была предоставлена опека над сыном. Но правительство не находило возможным удовлетворить просьбу Джан, резонно рассуждая, что как магометанка, Джан „всегда будет на стороне Кабардинцев" и при том, сводя счеты с несочувствующими ей калмыцкими владельцами, „может со времени перевесть всех" их, т. е. учинить с ними кровавую расправу. Тогда на политическую сцену выступает Дарма-Бала, вдова хана Аюки. Она организует партию из сочувствующей ей калмыцких владельцев, намереваясь провести в ханы Галдан-Данджина, сына хана Аюки. Галдан-Данджин был опасным соперником для Джан, потому что он пользовался народною любовью, и она решила покончить с ним. 27 мая 1741 года, по приказанию Джан, командующий ханскими войсками Бодонг напал на улус Галдан-Данжина в урочище Бага-Болхун, на луговой стороне Волги, ниже Черного-Яра, разбил улус и захватил в плен Галдан-Данжина и находившихся при нем знатных владельцев Бая, сына Дорджи-Назарова и Убуши, дядю Галдан-Данжина. Все они с родственниками были убиты. Чтобы остановить воинственный пыл ханши Джан, астраханский губернатор должен был выслать войска под командою подполковника Эбрехта. Бодонг не

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

побоялся напасть на Эбрехта, но, конечно, потерпел неудачу; завладеть улусами Галдан-Данжина ханше Джан не удалось,— их принял под свою защиту Эбрехт [101]).

Убийство Галдан Данжина окончательно озлобило Дарма-Балу против Джан и Рандула. Поддерживаемая влиятельными калмыцкими владельцами, Дарма-Бала посылает ходатайство в Петербург о передаче власти над калмыцким народом Дондок-Даши, как единственному лицу, которое в состоянии прекратить смуту в калмыцком народе и спасти его от разорения. Правительство согласилось с резонностью доводов Дарма-Балы. 31 июля 1741 года Дондок-Даши был назначен, а 15 декабря того же года утвержден наместником калмыцкого ханства [102]).

Между тем, пользуясь междоусобицей среди калмыков, на них двинулись киргизы Средней и отчасти Малой Орды, кочевавшие за Яиком. Переправившись через эту реку и пройдя степь, они в числе 30 тысяч человек, под предводительством Кучук хана, напали на войска Джан ниже Черного-Яра в урочище Хартали. О приближении киргизов калмыкам было дано известие из русских укреплений по Яику. 24 августа 1741 года калмыки аттаковали киргизов и вели с ними бой в течение трех дней. Затем позволили киргизам отойти в глубь степи верст на 30 и снова взяли их в атаку, которая продолжалась пять дней. На шестой день киргизы были вынуждены просить мира у калмыков, который и был заключен ими (от лица Рандула) с ханом Кучуком, его султанами и старшинами в числе 40 человек на таких условиях: „чтобы войны не иметь друг с другом до тех пор, пока родившийся в этом году младенец придет в возраст, будет в состоянии владеть сайдаком, ездить на лошади и быть способным к войне". Затем постановлено было произвести размен пленных поголовно, человек на человека, и, наконец, разграничить земли так, чтобы киргизы кочевали за Эмбою и к Уралу не подходили [103]).

13 августа 1741 года в Астрахань был назначен губернатором В. Н. Татищев с особым поручением „успокоить" кал-

---

[101]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 25- 26.

[102]) АКА. Дело 1741 года. № 125, вязка 37, л. 4 и об. Участие Дарма-Балы и калмыцких владельцев в избрании Дондок-Даши удостоверяется документально не есть простое мнение историков, как говорит проф.-архим. *Гурий* – цит. исслед., стр. 208. Об утверждении Дондок-Даши правительством то же дело, лл. 5 об.—6, и дело 1742 года, № 140, вязка 34, л. 14.

[103]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 27—28.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

мыцкий народ, возбужденный ханшею Джан. Татищеву была дана подробная инструкция, как вести дела с калмыками. Приехав в степь, Татищев при торжественной обстановке провозгласил Дондок-Даши наместником ханства, а потом, спустя некоторое время, вступил в переговоры с Джан, которая демонстративно не явилась на торжество. Собственно, Татищеву было поручено при удобном случае захватить Джан с Рандулом и препроводить их в Казань. Татищев несколько раз виделся с Джан и с ее семейством, но не нашел возможным исполнить предписание правительства насчет захвата Джан. Он предложил правительству оставить ханшу на свободе и сохранить за наследниками Дондок-Омбо их собственный Багацохуровский улус, в котором они могли бы жить все. Правительство согласилось с Татищевым, при чем назначило жалованье Джан в размере 500 рублей денег и 1 тысячи четвертей муки в год. Но Джан не успокоилась. В 1742 году с детьми и с находившимся с нею в сообществе калмыцкими владельцами и с 700 кибиток Джан бежала на Кубань к своему брату, главному кабардинскому владельцу Мухамеду Каргокину, и оттуда, с Кубани, стала посылать послов к Персидскому шаху Надиру с просьбою оказать ей покровительство и помочь войсками против России. Сын ее Рандул организовал небольшие отряды кабардинцев и с ними начал нападать на калмыцкие улусы, грабил калмыков, угонял их скот и переманивал на свою сторону мелких владельцев. Джан скоро, однако, убедилась в тщетности попыток возвратить утраченную власть. Она вернулась в свой улус, откуда была препровождена в Петербург, где с детьми приняла крещение в 1744 году и получила титул княгини Дондуковой. Местожительством ей назначена была Москва, и в ее распоряжение предоставлен был дом, конфискованный у купца Квасникова[104]).

VII.

Дондок-Даши хан.

По назначении в наместники калмыцкого народа, Дондок-Даши 4 сентября 1741 года дал русскому правительству реверс, которым, между прочим, обязывался: «с неприятелями, какого бы оные народа и звания ни были, ни дружбы, ни пересылок не иметь; также и с другими чужестранными народами

[104]) Проф. *А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 165. *Ф. М. Юштин*—цит. брошюра, стр. 14—15.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

без указу не пересылаться, а какие чужестранные послы будут приезжать, о том в сторону об'являть и ответы им давать, какие указом будет повелено» (пункт 2). Крещеных калмыков к себе не принимать (пункт 3), и, «в знак вящей верности, отдать для содержания в российском городе сына своего Асарая» (пункт 6) [105]). Предшественники Дондок-Даши калмыцкие ханы не давали русскому правительству обязательств быть в зависимости от него по части дипломатических сношений с правительствами иностранных государств и владельцами других народов,—они вели эти сношения самостоятельно, и еще недавно Дондок-Омбо даже налагал и собирал дань с побежденных им Горских племен. Точно также не давали калмыцкие ханы и детей своих в заложники (аманаты) русским. Дондок-Даши принужден был отдать в аманаты малолетнего и единственного сына Асарая, который был поселен в Астрахани в особом доме, правда—весьма роскошном и удобном, только что отстроенном. К Асараю были приставлены дядьки и дана была прислуга. Ясно, что, принимая реверс от Дондок-Даши, правительство проводило тенденцию ограничения и ослабления ханской власти, к чему, в сущности, направлен был и пункт о крещеных калмыках, как это выяснено у нас выше. Дондок-Даши был поставлен в такие условия, что не согласиться на требования правительства, он не мог. Он подписал их. За то, на отпускной аудиенции он удостоился такого знака высочайшей милости, какого не получал ни один калмыцкий хан: ему был пожалован портрет императрицы Елизаветы Петровны, осыпанный алмазами [106]). Догадывался ли новый наместник, что реверс 4 сентября 1741 года составит для него „камень преткновения" при осуществлении той традиционной ханской политики единовластия, от курса которой не подумал отказаться даже он, Дондок-Даши, этот, бесспорно, умный и образованный вождь калмыцкого народа?!

Первое столкновение с русским правительством произошло у Дондок-Даши в 1742 году при решении вопроса о количестве улусов, каким должен владеть наместник. Стремясь к увеличению личных владений, обеспечивающих власть и значение наместника в народе и среди владельцев, Дондок-Даши стал добиваться передачи ему улусов Церен-Дондока, Галдан-

---

[105]) АКА. Дело 1742 года, № 140, вязка 34, лл. 77 об.—78. У *М. Новолетова*,—цит. соч., стр. 29,—реверс ошибочно датируется 4 октября.

[106]) *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 63.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Данжина и Дондок-Омбо. Правительство признало права Дондок-Даши на улусы умерших Церен-Дондока и Галдан-Данжина, но отказалось удовлетворить его претензию на улус Дондок-Омбо [107]). С оказавшимися во владении улусами, Дондок-Даши становился немногим сильнее других владельцев, чего собственно и хотелось русскому правительству. Такое решение дела обидело наместника и послужило причиною его ссоры с губернатором В. Н. Татищевым, которого Дондок-Даши считал главным виновником несправедливого, как казалось ему, раздела калмыцких улусов.

Затем, больным местом для Дондок-Даши являлось отобрание у него сына в аманаты. И самого Дондок-Даши огорчало это, зазирали его в том и калмыцкие владельцы. Наместник стал хлопотать о возвращении ему сына. 6 сентября 1743 года он пишет императрице: „Как от посторонних, так и от своих людей нахожусь в огорчении, ибо многие говорят, что напред сего предкам в. в-ва мои предки детей своих в аманаты не отдавали, а в верности и без того находились, а обо мне разсуждают, яко бы я отданием сына моего в аманаты учинился верным и удостоился особливой в. в-ства милости, от чего я и зазрение имею. Понеже я одного только имею сына, и для того весьма бы хорошо было, ежели бы мне оного, по милости в. в-ства из молодых лет имея при себе, привести в знание нашему народу и обучить его нашему обыкновению и правосудию и прочим делам, которым он, будучи при мне, совершеннее научиться может, я, государыня, паки колена преклоня, всеподданнейше прошу в. в-ство повелеть оного сына моего, не в пример впредь другим, ко мне отпустить" [108]). Просьба Дондок-Даши о сыне не увенчалась успехом. Из ответного письма канцлера, графа Бестужева-Рюмина от 10 марта 1744 года видно, что Коллегия Иностранных Дел, куда было подано прошение Дондок-Даши 13 ноября 1748 года чрез особого посланца Гунгу, даже не нашла нужным доложить это прошение императрице. Подвергая разбору доводы, приводимые Дондок-Даши в пользу возвращения к нему сына, Бестужев-Рюмин „дружески" об'являет ему: „На 1-е. Правда, по бытности оного сына вашего в Астрахани от посторонних и малорассудных людей, может быть, вам и не без зазрения есть, но такие люди, которые могут рассуждать о свете и о целости

---

[107]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 29—30.

[108]) АКА. Дело 1744 года, № 168, вязка 42, лл. 57—58.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

калмыцкого народа, оные нимало в том зазирать могут, ибо они совершенно ведают, что тою вашего сына в российском городе бытностию, не токмо одна та польза, что он может обучиться нашего языка, но сверх того обыкновения и обхождения, что к собственной вашей, также его и всего калмыцкого народа пользе служить может. На 2-е. В бытность оного в Астрахани, калмыцкому народу привесть его в знаемость и обучать его вашему обыкновению и законному правосудию без всякого препятствия можете, толь наипаче, что в Астрахани всегда для разобрания между россиян, калмык и татар происходных ссор обретаются ваши дарги, с которыми и со учрежденным от губернатора астраханского российским судьею может он в суде присутствовать, а в важном деле и с самим губернатором в том соглашаться; и тако сие к лучшей же калмыцкого народа пользе следовать может. На 3-е. Я, ведая ваш ум и добрые рассуждения, не могу тому поверить, чтобы вы о разлучении того вашего сына могли печалиться, ибо сие сходственно чинить одним только матерям, а не отцам, и не таким, как я о вас разумею, ибо тот сын ваш от вас не в дальном расстоянии, и по случаям не редкое с ним свидание имеете. Вы же ведаете, что здешние князья и другие знаменитые персоны, которые хотя только по одному сыну имеют, да и тех для наук в дальние государства посылать не жалеют,—и потому я вам, яко другу моему, еще и сие советую, чтоб вы того сына вашего чрез некоторое малое время здесь, в резиденции, подержали, чем оный может вящую милость получить от е. и. в-ва, нашей всемилостивейшей государыни, также и от е. и. в-ва, наследника всероссийской империи, что впредь для будущих случаев особливою ему пользою быть может; да и я того вашего сына могу призирать; но сие все на ваше собственное разсуждение предаю. При всем же том от вас, яко от друга моего, и сего не таю: когда ваш сын будет здесь, или в Астрахани, то от неприятелей ваших, хотя бы какое и оклеветание, якобы о противных ваших намерениях здесь в получении было, но оные к приятию нами места иметь не могут. И тако, по всем вышеописанным окрестностям, помянутое ваше прошение с собственною вашею пользою сходственно быть не может; того ради, я о сем е. и. в-ву доносить за благо не разсудил, а от себя писал к губернатору астраханскому г. т. с. Татищеву, чтоб он сына вашего содержал в собственном его и добром призрении, и допустил его присутствовать, как выше написано, в суде между росси-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ян, калмык и татар происходимом, а со временем можете и желание ваше получить, чем я вас и обнадеживаю" [109]).

Конечно, доводы Бестужева-Рюмина не удовлетворили Дондок-Даши. Они лишь убедили его в невозможности добиться возвращения сына легальным путем. Дондок-Даши делает попытку выкрасть Асарая из русской неволи, но и в этом случае не имеет успеха,—его сына бдительно стерегли [110]). В 1744 году Асарай умер в Астрахани. Он не перенес чуждых для степняка условий городской и тепличной жизни, в которые его насильственно поставили. Смерть единственного сына весьма повлияла на изменение отношений Дондок-Даши к русскому правительству. Он начал питать к нему враждебные чувства в душе, так как видел в нем причину смерти сына. Наместник не забывает личного горя и не находит утешения в том, что русское правительство в других отношениях идет к нему навстречу, удовлетворяет его ходатайства и дает движение докладам. Там, например, правительство строит ему „крепостцу" и дом в урочище „Енотаевская Лука" (где теперь г. Енотаевск) для проживания в зимнюю пору; строит крепости на реке Яике и в Индерских горах для защиты от нападения киргизов [111]); по донесениям наместника о неправильных действиях астраханского губернатора В. Н. Татищева, увольняет его от должности, и т. д. К 20 ноября 1744 года относится первое известие в Коллегию Иностранных Дел от полковника Спицина, находившегося при наместнике в качестве представителя русского правительства, что Дондок-Даши и с ними владельцы Бодонг и Замьянг находятся „во вредительных замыслах". 29 мая 1745 года тот же Спицын доносит, что Дондок Даши намеревается перейти на сторону Персии, с которой тогда воевала Россия. И эти „вредительные замыслы" Дондок-Даши, и это намерение его открыто изменить России Спицин ставит в связь с потерей Дондок-Даши сына Асарая. Вообще, в 1745 году настроение у калмыков было не в пользу Росси [112]). Чересчур рьяное преследование „русских интересов" в калмыцких делах В. Н. Татищевым, несомненно, сыграло свою роль. Калмыцкие вожди вырабатывают план ухода калмыков из России. В 1745 году были обнаружены тайные сношения Дарма-Балы с Джунгарией, куда она тянула калмыцкий народ. В этом же

[109]) Там же, лл. 60—61.
[110]) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 211.
[111]) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 29.
[112]) Там же, стр. 30—31.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

году преемник Татищева, астраханский губернатор Брылкин доносил в Коллегию Иностранных Дел, что наместник калмыцкого ханства, кочуя в Рын-Песках, намерен перейти с калмыками реку Урал, разбить киргизов и тем открыть себе путь в Бухару, Персию, или же в Джунгарию, и что все владельцы собираются к нему по ночам для совещаний. Что касается до простых калмыков, то, заражаясь от своих владельцев враждебным настроением к России, они увеличивают грабежи по Волге, препятствуя торговым и служебным сношениям с Астраханью. Калмыки искусно скрывают свои лодки между островов и в кустарниках, выжидая удобной минуты для нападения на проезжих русских людей, а сами остаются неуловимыми [113]). Изобличить преступный замысел Дондок-Даши русскому правительству не удалось. Но относительно Дарма-Балы сомнений не было: ее компрометировала переписка с братом, Гоманг-ламою, находившимся в Джунгарии. Дарма-Балу выселяют в Воронеж, откуда она, впрочем, в 1747 году возвращается в Калмыцкую степь, в виду старости и по просьбе наместника Дондок-Даши, тем более, что известиям о готовящемся уходе калмыков в Джунгарию русское правительство не придавало серьезного значения. Наоборот, как раз оттуда, из Джунгарии наблюдалась в то время тяга к России. В 1749 г. оттуда пришел улус Хойтского нойона Дэтжита, умершего в дороге и оставившего после себя жену Ользой Орошиху с малолетним сыном Тюменем. После, Ользой Орошиху вышла замуж за Хошеутовского владельца Замьяна, при чем тогда произошло об'единение Хойтов и Хошеутов в один улус под управлением одного князя, и улус стал носить одно название Хошеутовского [114]).

К 1752 году относится столкновение наместника с русскими властями из-за одного кабардинского князя, по имени Арсламбека, у которого укрылись два сына крымского хана после того, как хан, их отец, был разбит русскими. Давший приют крымским беглецам, Арсламбек был выдан сородичами и отправлен в Кизляр, где содержался русскими под стражей. Хамза, сын Арсламбека, обратился к Дондок-Даши с просьбой

---

[113]) *И. Нефедьев*—цит. соч., стр. 65—66.

[114]) Дату 1749 года ставит Торгоутовский владелец Боджа в жалобе на владельца Сербеджана Тюменя, поданной 23 октября 1827 года в Астрахани сенатору Ф. И. Энгелю, ревизовавшему тогда Калмыцкую степь. АКА. Связка 103, л. 30. *А. Попов*—„Краткие замечания о Приволжских калмыках".—„Журнал М. Нар. Просв." за 1839 г., № 4, отд. II, стр. 22.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

походатайствовать об освобождении Арсламбека. Дондок-Даши взялся за дело и написал резкую бумагу по этому поводу астраханскому губернатору, доказывая несправедливость отношения русских властей к Арсламбеку [115]).

Желая досадить русским, Дондок-Даши в том же 1752 году отдал распоряжение, чтобы калмыки никому из русских не платили своих долгов и чтобы нанявшиеся в работники на русские рыбные промыслы и на ватаги немедленно возвратились в улусы до начала лова. Не помогло здесь и вмешательство губернатора Брылкина, к которому обратились с жалобою рыбопромышленники, пользовавшиеся по преимуществу калмыцкою рабочею силою на своих ватагах и промыслах. Лов был сорван, и владельцы промыслов понесли большие убытки [116]).

Все такие и подобные выступления Дондок-Даши против русских служили причиною того, что он утвержден был ханом только в 1758 году, т. е. спустя 16½ лет по назначении в наместники (31 июля 1741 года—20 февраля 1758 года). Ему была пожалована тогда высочайшая грамота и с нею были присланы знаки ханской власти: знамя, сабля, собольи шапка и шуба, крытые парчей. Наместником ханства утверждался сын его—Убуши, родившийся по смерти Асарая и живший все время при отце. 30 апреля 1758 года вблизи Черного-Яра, в Соленом Займище, состоялось торжественное об'явление Дондок-Даши калмыцким ханом, а сына его Убуши—наместником ханства [117]).

Последние годы правления Дондок-Даши протекли мирно. Он умер 21 января 1761 года. В „Истории Калмыцких Ханов" Дондок-Даши называется «лучшим из ханов» [118]). Несомненно, он приложил много стараний к упорядочению калмыцкой жизни. Изданные им законы служат памятником его административных способностей, понимания условий времени и стремления удовлетворить насущным нуждам и потребностям народа.

VIII.

Законы, изданные при Дондок-Даши.

К сожалению, неизвестно, когда именно, т. е. в каком году изданы законы Дондок-Даши для калмыцкого народа. В предисловии к тексту законов говорится лишь о том, что в составлении

---

[115]) АКА. Дело 1752 года, № 231, вязка 56, лл. 31—32.
[116]) Там же, л. 52.
[117]) Описание торжества см. у *Н. Нефедьева*—цит. соч., стр. 77—78.
[118]) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 215.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

законов принимали участие наиболее выдающиеся лица из среды калмыцкой знати, и что выработанные ими законы подвергались обсуждению и получили окончательное утверждение на собрании всех светских и духовных властей с Дондок-Даши во главе [119]). Отсутствие ханского титула при имени Дондок-Даши в предисловии к тексту законов дает некоторое основание предполагать, что законы были составлены и утверждены ранее 1758 года, когда Дондок-Даши был возведен в ханское достоинство.

Повод к составлению законов указывается в «Истории Калмыцких Ханов», где мы читаем: «Имея в виду, что великое уложение сорока (т. е. Монголов) и четырех (т. е. Ойратов) хотя и было пригодно для Монголов и Ойратов, но как у Калмыков, много лет тому назад отделившихся от них и живущих среди многочисленного и чуждого народа, изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде у них не бывшие, то настояла надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондок-Даши признал необходимым написать новые законы и поправить старое уложение» [120]). „Таким образом", говорит проф. К. Ф. Голстунский, «составление для Волжских калмыков новых законов и пополнение законов 1640 года было вызвано обстоятельствами и условиями жизни калмыков и изменившимся отношением к ним русского правительства, которое распространило в то время свое влияние на внутренние дела этого народа и подчинило его своей власти» [121]). В качестве мер взыскания, в этих законах, кроме штрафа скотом, назначаются уже и телесные наказания. Уложение 1640 года не знает телесных наказаний, и так как в законах Дондок-Даши они появляются впервые, то влияние русского законодательства в данном случае несомненно. Трем ударам по щеке и штраф в 15 копеек подвергается светский человек, известный многим, в случае, если он, давши обет поститься три дня в месяц, нарушит этот свой обет; пяти ударам по щеке и штрафу в 10 копеек подвергается за тот же проступок человек низкого сословия [122]). Пятнадцатью ударами и штрафом в виде четырех-годовалого верблюда наказывается укрыватель вора [123]). Ударом по скуле шесть раз наказывается посланный по делу и не исполнивший данного ему поручения [124]).

[119]) Проф. *К. Ф. Голстунский*—цит. исслед., стр. 60—61.
[120]) Там же, стр. 13.
[121]) Там же.
[122]) Там же, стр. 61.
[123]) Там же, стр. 64.
[124]) Там же, стр. 67.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Пятнадцать ударов нагайкою получает лжесвидетель, при чем его обнажают при публике [125]). Вор наказывается пятьюдесятью ударами, в течение месяца на него надевают деревянную колодку и ставят клеймо на щеках; во второй раз попавшегося в краже наказывают тем же; за третью кражу продают в Крым и на Кубань. Но вообще говоря, телесные наказания применяются, сравнительно, в редких случаях по законам Дондок-Даши. Вышеприведенными исчерпываются почти все случаи таких наказаний. Общая тенденция законов Дондок-Даши—поднять, а не унизить достоинство человека, кто бы он ни был по своему социальному положению.

Заметно, что законодатель озабочен дать образование не только духовенству и знати, но и простолюдинам. „Если которые духовные лица будут старательно учиться наукам",—читаем в законах,—„то таковых по мере (усердия к наукам и успехов) награждать и уважать" [127]). „Если сыновья знатных людей не будут обучаться монгольской грамоте, то с отцов таковых взыскивать по трехгодовалой лошади, сыновей же отдавать для обучения учителю; с многим известных людей взыскивать по трехгодовалому барану, а с людей низкого звания брать по пятнадцати копеек, и детей их отдавать по прежнему для обучения учителю. Если чей либо сын не будет учиться до пятнадцати лет, то таковых штрафовать" [128]).

В законах Дондок-Даши обращается серьезное внимание на моральную добропорядочность духовенства и на соблюдение достоинства привилегированным сословием владельцев. Так, на духовных лиц налагаются большие штрафы скотом, в случае нарушения ими обетов целомудрия и трезвой жизни. „Если же кто из духовных женится, то должен развестись; если не оставит жены, то не дозволять ему ходить в храм, не допускать до исполнения обрядов и включить в податное сословие" [129]). Гелюнгам и другим должностным лицам при хуруле разрешается пить вино с дозволения ламы, князя и общества, в котором они находятся в данный момент [130]).—Князь должен давать всем прочим смертным пример строгости по части исполнения законов и соблюдения своего до-

---

[125]) Там же, стр. 68.
[126]) Там же, стр. 63.
[127]) Там же, стр. 61.
[128]) Там же, стр. 62.
[129]) Там же, стр. 61.
[130]) Там же, стр. 71.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

стоинства. „Если какой князь, вступив в спор во время обыска, нечаянной ссоры, или при даче подвод будет побит, то штрафу не полагается, так как такой поступок неприличен князю и есть самоунижение“ [131]). То же и относительно зайсангов. „Если зайсанг без суда будет защищать каким-нибудь образом вора, то, вызвавши, осмеять и пристыдить его при обществе; вторично—поступить так-же; в третий раз водить его в одних только штанах вокруг княжеской юрты“ [132]). Бесспорно, законы о князьях и зайсангах направлены были к тому, чтобы смирить их надменность и ограничить их своевлие по отношению к подвластным [133]).

Законы Дондок-Даши составлены частью в изменение, частью в пополнение Ойратского уложения 1640 года. Самым наглядным примером изменения, последовавшего в законах Дондок-Даши, служат меры пресечения преступлений в виде телесных наказаний, принятые в законодательстве Дондок-Даши. Их, как мы говорили, Ойратское право не знало, довольствуясь одними штрафами. Примером пополнения и дальнейшего развития законодательства Дондок-Даши являются хотя бы, например, законы о ночлеге. Ойратское уложение ограничивается в данном случае одною статьею: «Если кто не даст ночлега, с того взять трехлетнюю кобылу; если не даст ночлега бездетная женщина, за то взять с нее безрукавный камзол, а буде станет приводить отговорки, привести к присяге [134]). Закон не предусматривает того случая, чтооставшийся на ночлег может оказаться недобрым человеком и отплатить злом за добро. Законодательство Дондок-Даши серьезно считается с этою возможностью и редактирует статью «О ночлеге» так: «Когда отпускают после ночлега заезжего человека из Дербетов, или других людей, имеющих дома близ русских селений, то все родственники или знакомые должны отпустить такого заезжего человека, или записавши его, или заявивши о нем какому-либо знатному человеку; если не будет так поступлено, и в следующую ночь в соседстве того человека (у которого ночевал проезжий) пропадет несколько скота, то тот, у кого ночевал, должен дать трехлетнюю лошадь на княжескую ставку; хотя бы и не пропало скота, всетаки взыскать в штраф трехлетнюю лошадь за необ'явление. Если ночевавший уведет у кого-либо скот, то того, у кого он ночевал, оштрафовать; и этот скот свой, отдан-

---

[131]) Там же, стр. 63.
[132]) Там же.
[133]) Там же, стр. 14.
[134]) Там же, стр. 40.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ный в штраф, должен сам искать с того ночлежника». Затем дается указание кому именно следует сообщать о заезжем на ночлег человеке [135]). Очевидно, изменение к худшему добрых патриархальных нравов в калмыцком народе повлекло за собою и соответствующее дополнение в законах Дондок-Даши. Точно также более подробную формулировку получает архаический закон о „приводе следов", при чем в тексте определенно указывается, что, „о других следах, кроме этих, должно решать по древнему уложению" [136]).

Законы Дондок-Даши применялись в судебной практике у калмыков до позднейшего времени. В суде *Зарго*, сохранившемся и по уничтожении ханства в 1803 году, суд и расправа чинились по этим именно законам, ибо они соответствовали нравам и обычаям калмыцкого народа. Это же обстоятельство послужило причиною того, что законы Дондок-Даши (вместе с уложением 1640 года) были взяты в основу „Зинзилинских постановлений", выработанных на с'езде калмыцких владельцев в 1822 году, о чем речь будет ниже.

IX.

Убуши, наместник калмыцкого ханства.

12 августа 1762 года русское правительство подтвердило права сына Дондок Даши Убуши на наместничество, а 29 октября того же года астраханский губернатор Неронов на собрании калмыцких владельцев и зайсангов в урочище Цаган-Амане при реке Волге, об'явил Убуши наместником калмыцкого ханства [137]).

Одновременно с этим, было обнародовано положение о суде Зарго, в состав которого должно было входить восемь советников, по числу восьми главных калмыцких родов, из зайсангов, выбранных улусами. Суд Зарго существовал у калмыков и раньше, но его составляли владельцы одного только ханского улуса, по избранию хана. Теперь советники избирались в Зарго из всех улусов и получали утверждение в должности от русского правительства. При новом порядке, когда всякие дела стали решаться в Зарго судьями по большинству голосов, Зарго становился уже не ханским, а народным учреждением, ослаблявшим в значительной мере силу ханской и владельческой

[135]) Там же, стр. 65—66.
[136]) Там же, стр. 69; ср. стр. 48.
[137]) АКА. Дело 1763 года, № 30[illegible], вязка 75, л. 41 и л. 147.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

власти. Проф. А. М. Позднеев прав, говоря, что демократизация Зарго была настоятельно необходимою, так как ханская и владельческая власть, тяготевшая над народом, была одною из главных причин непрекращавшихся волнений в калмыцкой степи; проводя в жизнь положение о калмыцком Зарго, русское правительство делало верный шаг [138]). Первые выборы в Зарго были произведены при об'явлении положения о Зарго,— тогда образовался почти полный комплект заседателей—советников народного калмыцкого суда, с председателем наместником Убуши во главе.

Новому наместнику было всего 18 лет, когда он вступил в управление калмыцким народом. Молодость Убуши смущала многих, и начавшиеся против него интриги имели успех. Цебек-Дорджи, внук Дондок-Омбо от сына его Галдан Нормы, первый начинает строить козни против наместника Убуши. Он распускает слух, что наместник хочет умертвить его, чтобы воспользоваться улусами, некогда принадлежавшими Дондок-Омбо и затем переданными во временное пользование Дондок-Даши Со смертию Дондок-Даши, улусы должны были бы перейти во владение к Цебек-Дорджи, но этого не хочет допустить Убуши,—он предполагает учинить кровавую расправу с Цебек-Дорджи, чтобы сохранить за собою улусы. Распространив такую молву среди калмыков, Цебек-Дорджи бежит из степи на Дон, а отсюда направляется в Петербург, где предпринимает хлопоты по возвращению ему дедовских улусов. Но бывшая ханша Джан, теперь княгиня Вера Дондукова, предупредила Цебек-Дорджи. Ссылаясь на старость и постоянную болезненность, а также на то, что она «от здешнего климата, как неприродного, чувствует тягость», Дондукова выхлопотала увольнение себе из столицы в крепость Енотаевск, при чем добилась того, что ее детям передан был во владение Богоцохуровский улус. При отпуске в Енотаевск в 1762 году, княгине было об'явлено, что находясь там, в близости калмыцких улусов, она должна «поступки свои так располагать, дабы из того никакого сомнения и причины к беспокойству в сем народе не задавалось, и для того и отдаваемый во владение детям ее Богацохуров улус, который из общаго калмыцкого народа правления не исключается, не отводить от повиновения оному правительству, и в дела других улусов отнюдь не вмешиваться, и ни о чем с Кубанскими татарами, Кабардинцами,

[138]) Проф. *А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 166.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Кумыками и Киргис-Кайсаками переписок и пересылок не иметь, а о случающихся потребностях своих представлять бригадиру Бехтееву и ожидать отсюда резолюции [139]). Цебек-Дорджи возвратился из Петербурга ни с чем. Неудача поездки еще больше озлобила его, а между тем Эркетени, а за ними Баруны, Багуты и, наконец, часть Багацахуров перешли на его сторону, вполне доверившись слуху, что Убуши долго не будет наместником, его убьют, и во главе Калмыцкого народа станет он, Цебек-Дорджи. Действительность же говорила о другом. Все видели, что русское правительство поддерживает наместника Убуши, и с разрешения правительства княгиня Дондукова, вернувшись в степь, вступила в управление Багацохурами. Получалась какая-то путаница представлений. Калмыки оказались безсильны разобраться в том, что творилось. С приездом Дондуковых, княгини Веры и ее сына Алексея пошла новая молва, имевшая местом происхождения Енотаевскую крепость, как об'яснял бригадир Бехтеев в донесении от 31 марта 1763 года в Коллегию Иностранных Дел: «В Калмыцком народе разглашается»,—писал он,—„яко бы она, княгиня, имеет быть в сем народе главною правительницею, а сын ее, князь Алексей—ханом с тем, что хотя они из крепости Енотаевской неисходны будут, но степное улусное правление поручится владельцу Цебек-Дордже, хана Дондук-Омбы внуку, а наместник ханства Убаша при наследном токмо своем улусе останется". Результатом таких слухов явилось то, прибавляет Бехтеев, что „отлучившиеся от наместника ханства калмыцкие улусы, называемые Эркетени, Бароны и Баготы кочевьем к Волге медлят, или и совсем через оную и переходить не хотят" [140]). Эти улусы считали уже Цебек-Дорджи своим повелителем. Одновременно с слухом о переменах в калмыцком правительстве был пущен в народ слух, что княгиня Дондукова, сделавшись главою правительства Калмыцкого народа, будет обращать всех калмыков в христианство силою. Конечно, этот слух местом происхождения имел не Енотаевскую крепость, откуда исходил слух («эхо», по выражению Бехтеева) о переменах в правительстве. Княгиня Дондукова мало была заинтересована христианством. Бехтеев докладывал, что с начала прибытия в крепость Енотаевскую княгини Дондуковой, „калмыцкие попы не редко к ней приезжают, дол-

---

[139]) АКА. Дело 1763 года, № 305, вязка 75, л. 143.
[140]) Там же, л. 139.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

говременно бывая при ней, а иные и с самого ее прибытия тут живут, почему, и по происходимым в доме ее калмыцким обрядам, и что всегда ест она мясо, сумнительно, едва ли уже христианскую веру содержит" [141]). Магометанка по рождению и христианкою ставшая случайно, княгиня Дондукова, действительно, вряд ли вообще была заинтересована религией. Внимание к себе калмыцкого духовенства она имела в виду использовать в своих личных видах; она искала поддержку в калмыцком духовенстве, потому что не расставалась с честолюбивой мечтой получить так, или иначе власть над Калмыцким народом. Слух о христианстве обязан происхождением партии, враждебной Дондуковым. Скорее всего, его пустил в оборот Цебек-Дорджи.

Волнения в калмыцком народе вследствие носившихся по степи сансационных слухов стали принимать такие громадные размеры, что русское правительство оказалось вынужденным предпринять особые меры к их прекращению в целях успокоения как самих владельцев, так и народа. 15 января 1763 года к наместнику Убуши, Цебек-Дорджи, Галдан-Цереню, Бамбару и др. были посланы грамоты, в которых об'яснялась истинная причина приезда княгини и князя Дондуковых в Енотаевскую крепость и рассеевались вздорные слухи о том, яко бы русское правительство „намеревается насильственно всех калмыков привести в христианский закон" [142]). „Такое происшедшее в Калмыцком народе произношение", — писалось в грамоте на имя Убуши,—„совсем ложное, и вымышлено, повидимому, от недоброжелателей Калмыцкому народу покоя, ибо известно, что в державе нашего императорского величества не только калмыки, но и многие другие разные народы находятся, и каждый народ содержит свой закон, и никто из них к принятию христианского закона как доныне принуждаем не был, так и впредь ни под каким видом принуждения в том не будет" [143]). От 7 мая того-же 1763 года последовали новые грамоты и указы на имя наместника, княгини Веры Дондуковой, князя Алексея Дондукова, Цебек-Дорджи, Яндыка, Бусурман—тайши, Табун Отокова Бамбара, Хошеутовых Эремпеля и Замьяна, Шааренга „с протчими Торгоутскими, Зенгорскими и Хойтовыми владельцы, пришедшими из Зенгари", а также владельцев Икицохуровского Асархи и Хошеутовского Тукче и

---

[141]) Там же.
[142]) Там же, лл. 56—64.
[143]) Там же, л. 56 и об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

зайсангов Эркетеневского улуса, отошедших от наместника Убуши [144]). В этих грамотах и указах высказывалось неудовольствие императрицы по поводу самочинного захвата владельцами непринадлежащих им улусов и вообще своеволия владельцев, не желавших считаться с учрежденным в калмыцком народе судом Зарго, который должен разбирать споры между владельцами, руководясь порядком в распределении улусов, установившимся с 1742 года, когда в наместники ханства был поставлен Дондок-Даши. Особенное неудовольствие императрица выражала Дондуковым. В грамоте на имя княгини Веры Дондуковой было написано: „Мы с неудовольствием уведомились, что подвластные ваши калмыки, захватя тебе не малое число людей из принадлежащих наместнику ханства Убаше и не хотя оных отдать, остались кочевать на нагорной стороне, а между тем, из под улусов его-ж. наместника ханства, столь много лошадей отогнали, что отправляя оные, в противность наших указов, на продажу в Кабарду, отдают там за половинную цену; сверх того, от тех же калмык и разные развратные разглашения к предосуждению оного учрежденного от нас наместника ханства происходят, и что ты и сын твой, князь Алексей Дондуков, не только воздержать их от того не старались, но и захваченных калмыками вашими людей возвратить не хотите, предъявляя с своей стороны, будто принадлежат они вам по суду, и что сверх того есть и еще между наместниковыми улусами отданных ханом Аюкою мужу твоему, Дондук-Омбе, до трех тысяч кибиток, с которыми всеми должно детям твоим получить до пяти тысяч кибиток; а при том при всем еще и татар, называемых Томуты, себе принадлежащими почитаете, и которых несколько уже при вас и содержится и наместнику ханства не отдаются, на что смотря и прочие калмыцкие владельцы подобные сему претензии свои производят, и калмыцкой народ колеблется. Таковые поступки ни мало сходствовать не могут с тем высочайшим нашим намерением, в каковом ты на житье в крепость Енотаевскую, яко внутри самых калмыцких улусов находящуюся, отпущена, и учинена отдача во владение детям твоим Багацахурова улуса, из которого они, как тебе при отпуске из С. Петербурга нашим императорским указом об'явлено, больше требовать не могут, как только им по разделу досталось, а именно 1816 кибиток". Грамота заканчивается подтверждением, чтобы княгиня

---

[144]) Там же, лл. 143—144.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Дондукова немедленно отпустила незаконно захваченных ею людей, разобралась бы в спорных вопросах о лошадях и прочем имуществе и вообще жила бы спокойно в Енотаевской крепости, не позволяя себе вмешиваться в калмыцкие дела и довольствуясь положенною податью с Багацахуровского улуса, которую должны собирать зайсанги, нарочито выбранные к тому и ответственные пред судом Зарго. „В противном же тому случае"—прибавляется в грамоте,—„ежели ты не успокоишься, предварительно тебе дается знать, что ты и с сыном можешь обратно сюда взята быть" [145]).

Угроза императрицы Дондуковым возвратить их снова на жительство в столицу показывает, что русское правительство считало их главными виновниками, да, пожалуй, и единственными виновниками происходивших в Калмыцком народе смут и непорядков. На Цебек-Дорджи правительство не обращало особенного внимания. И действительно, хотя Цебек-Дорджи интриговал далеко не меньше Дондуковых, но свои дела он вел так тонко и осторожно, скрываясь за спиною других, что не было оснований уличить его в чем-либо предосудительном. Напротив, он приблизился к наместнику и держал его сторону с такою наружною добросовестностью, что грамотою от 8 мая 1765 года Цебек-Дорджи, как „надежное" лицо из калмыцких владельцев, получил назначение присутствовать в Зарго с двойным против прочих членов жалованьем,—ему определили 200 рублей в год, при чем Цебек-Дорджи было указано всегда находиться при наместнике и действовать „при наставлении" его [146]). Конечно, серьезного „наставления" наместник Убуши не в состоянии был преподать Цебек-Дорджи,—умственно тот стоял несравненно выше Убуши. Но новая должность позволяла Цебек-Дорджи с большим удобством осуществлять задуманный им план удаления Убуши от наместничества и достижения заветной мечты—получить власть над калмыцким народом. Презирая в душе малоспособного наместника и коварно прикрываясь дружбою с ним, Цебек-Дорджи задался целью дискредитировать его в глазах высшей русской

---

[145]) Там же, лл. 143—144.

[146]) АКА. Дело 1765 года, № 319, вязка 78, лл. 59—60. *М. Новолетов*—цит. ст., стр. 39,—и проф. *А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 167,—почему то говорят, что Цебек-Дорджи был назначен *первоприсутствующим* в Зарго. В грамоте на имя наместника Убуши,—цит. дело, лл. 59—60,—и в грамоте на имя самого Цебек-Дорджи,—там же, лл. 64 и 65,—он называется только присутствующим.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

власти, для чего, прежде всего, стал вооружать его против всех мероприятий и распоряжений правительства, как направленных, якобы, к вреду калмыцкого народа и к умалению наместнического достоинства. Учреждение „общенародного" суда Зарго было встречено несочувствием наместника и калмыцких владельцев. По положению о Зарго, из назначенных в нем 8 зайсангов трое должны были быть избраны от ханского улуса, один от Шабинеров—духовного калмыцкого сословия и четверо от улусов, принадлежащих владельцам. Обиженные тем, что в Зарго заседают только зайсанги, а владельцев там нет никого, последние решили не являться по делам на суд. Кроме того, обижало калмыков распоряжение правительства о включении в состав Зарго русского офицера „для напоминания о непродолжительном дел производстве" [147]). Хотя этот офицер оффициально трактовался „яко экзекутор для понуждения судей к непродолжительному дел производству", при чем состоявшему при калмыцких делах бригадиру Бехтееву предписывалось ввести „одного из россиян из команды калмыцких дел" лишь „со временем" и „при верном случае", „дабы калмыкам не возомнилось, будто намерение есть древний порядок их правительства совсем переменить" [148]), но именно в таком смысле калмыки и стали толковать назначение в Зарго русского чиновника с правами экзекутора, а о самом Зарго говорили, что при прежних ханах такого учреждения не бывало, и оно создано не в пользу, но во вред калмыкам. Глазами владельцев смотрел на Зарго и наместник Убуши, особенно инспирируемый, конечно, в данном случае Цебек-Дорджею, который обращал внимание наместника на то, что Зарго весьма ограничивает личную власть наместника. Затем, несочувственно была встречена перепись калмыцких кибиток, предпринятая в 1765 году с целью предотвратить на будущее время захват чужих улусов владельцами. Несочувственно же отнеслись калмыки к заведению казачьих станиц на правом берегу Волги и к усиленному заселению русскими жителями левого берега реки Волги от Саратова до Царицына в том же 1765 году. Кроме того, владельцы остались недовольны распоряжением русского правительства заключать торговые договоры и разного рода обязательства между калмыками и русскими непременно на русском языке и в русских

---

[147]) То же дело, лл. 59—60.
[148]) Там же, лл. 57—58.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

присутственных местах, минуя калмыцкие власти [149]). Возбуждала неудовольствие владельцев незаслуженная, на их взгляд, милость правительства к Замьяну, ездившему на поклон к императрице в 1766 году и сумевшему так хорошо повести свои дела в Петербурге, что ему построили в улусе на казенный счет дом, а усыновленного Замьяном девятилетнего Тюменя приказано было учить в Астрахани русскому закону и грамоте [150]).

И крупные и мелкие события в калмыцкой жизни складывались так, что в результате их переживания у калмыков создавалось настроение, далекое от сочувствия к России, и когда в 1768 году по случаю войны России с Турцией был об'явлен набор калмыков в армию, мобилизация проходила вяло. Отчасти и по причине суровой зимы, Убуши только в апреле 1769 года смог отправить в Крым в армию Румянцева 20 тысяч калмыков, а сам с другим отрядом калмыков пошел в поход на Кубань, для совместного действия с корпусом генерала де-Медема против Кубанских татар. Военная обстановка пробудила исконный воинский пыл у калмыков. При первой же встрече с неприятелем у реки Калауса, калмыки одержали блестящую победу 29 апреля и захватили большую военную добычу [151]). Но после того как войска Убуши соединились с корпусом де-Медема у подножья горы Бештау, и начались совместные операции калмыцких и русских войск против кабардинцев, а затем против татар в ущельях между реками Кубанью и Тебердой, де-Медем испортил дело безтактностью в обращении с наместником Убуши. Несмотря на данное ему предписание вести себя в отношении к калмыцкому наместнику так, чтобы он даже не чувствовал своей подчиненности русскому командованию, де Медем позволил себе делать резкие замечания и даже выговоры наместнику. Тот разобиделся и оставил Предкавказье, чем привел слабый корпус де-Медема в состояние бездействия. По уходе калмыков, де-Медем простоял около трех лет на линии, будучи не в силах препринять что-нибудь серьезное против неприятеля, а тем временем Порта послала на Кубань войска под начальством крымского хана Девлет-Гирея, который, заняв Тамань и укрепившись в ней, в начале 1774 года повел наступление против преданных России татар Ногайцев. Хотя по Кучук-Кайнарджинскому миру 1774 года Ку-

[149]) *М. Новольтов*—цит. соч., стр. 39.

[150]) «Сказание о Дербен-Ойратах» в «Астрах. Губернских Ведомостях» за 1860 год, ч. неоффиц., № 13, стр. 75—78.

[151]) Подробности см. у *Е. Чонова*—цит. соч., стр. 22—25.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

бань была признана границей России на Кавказе, но русские военные силы были в тех местах настолько незначительны, что новые поселенцы на Кубани—казаки должны были постоянно держать себя на стороже и в боевой готовности, так как кабардинцы, чеченцы, черкесы и другие горцы вечно беспокоили русских своими налетами, грабежами и угоном скота [152]).

В Калмыцком народе Россия перестала иметь оплот для себя на юге. Калмыки в это время были уже далеко от России,—их увел отсюда Убуши в Джунгарию, увел не на свободное и привольное житье, о котором мечтали калмыки, а под крепкую власть Китайского богдыхана.

X.

Уход большей части Калмыков из России под власть Китая в 1771 году.

Когда русские власти спрашивали отдельных калмыков, которым удалось бежать от сородичей, направлявшихся к границам Китая, и вернуться в Россию обратно: знал ли народ заранее, что наместник с владельцами собирается уйти из России в Джунгарию, все те калмыки отвечали, что этого народ не знал. На допросе 17 ноября 1775 года Араслан Аракбеев из владения полковника князя Дондукова, из аймака зайсанга Шарапа, Лоузан Тюменев из владения наместника Убуши, Алькитова рода, из аймака зайсанга Доджа, и др. показали, что находившимся на луговой стороне Волги калмыкам было приказано кочевать к Уралу в виду, яко бы, угрожающей опасности от Кубанских татар, которые пришли—де к Волге и разорили все калмыцкие улусы, какие находились на нагорной стороне реки [153]). Калмыкам же, кочевавшим на нагорной стороне Волги и интересовавшимся причиной подготовки калмыцкого войска, об'ясняли, что ожидается нападение от Киргиз-Кайсаков, и надо иметь против них надежную защиту: так показали на допросе 30 июня 1771 года одиннадцать калмыков с Бердю Габунгом во главе, из владения наместника Убуши, из Хабучинова улуса, из ведомства зайсанга Омбы [154]). Сбор калмыцких войск, конечно, не мог остаться незамеченным и для пред-

---

[152]) *Г. Н. Прозрителев*—„1812—1912. Военное прошлое наших Калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 г. Ставрополь. 1912", стр. 34—36.

[153]) АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 42 и 45 об.

[154]) АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 64.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ставителей русского правительства при наместнике. Но полковник И. А. Кишенской, состоявший при калмыцких делах настолько далек был от мысли серьезно считаться с возможностью ухода калмыков из России, что когда наместник Убуши написал ему письмо из урочища Айраш-Тонрое, от 26 декабря 1770 года, о признаках наступательных действий Киргиз-Кайсаков против русских и калмыков [155]), чем в глазах Кишенского, могли оправдываться военные приготовления наместника, то в ответном письме, от 3-го января 1771 года, Кишенской ограничился замечанием: „токмо, чтоб Кайсаки совсем в противности к нашей стороне остались и от подданства е. и. в-ства отложились, основательным сие уведомление почесть невозможно“[156]), а сам об'яснял военные приготовления калмыков намерением их напасть на Киргиз-Кайсаков и в этом духе, того же 3 января, дал приказ капитану Дудину, находившемуся при Убуши, „пристойным образом представлять наместнику, дабы он в близость к Яицкой дороге не удалялся и ни малейше к тому, якобы намерен вновь Кайсакам зделать задоры или нападения, не подавал виду“[157]). А на другой день, 4-го января, наместник Убуши всенародно открыл истинные свои намерения, об'явив поход из России на Дальний Восток.

Поход подготовлялся в величайшей тайне. В нее были посвящены наместником только несколько самых надежных лиц, именно: Цебек-Дорджи, Бамбар, Шааренг, лама Лозан Джалчин и зайсанг Даши-Дондук. Большая часть владельцев, не говоря уже о зайсангах, а тем более о простом народе, совершенно не была осведомлена относительно намерения наместника и его друзей. Многие из способных рассуждать были поставлены в крайнее недоумение, когда был об'явлен поход из России. Бежавший от калмыков коллежский комиссар команды калмыцких дел М. Веселев, которого калмыки при уходе захватили с собою и некоторое время держали в плену, как русского чиновника, 6 июня 1771 года, между прочим, показал со слов Тогмутского старшины Анифея, что зайсанг Ондон имел в пути разговор с наместником по поводу ухода калмыков из России. Ондон говорил наместнику, что они „весьма напрасно из протекции е. и. в-ства, где пользовались

---

[155]) АКА. Дело 1771 года, № 355, вязка 88, л. 22 об. Письмо Убуши датирует я месяца Бара 21 днем, что соответствует нашему 26 декабря.

[156]) АКА. Дело 1771 года, № 354, вязка 88, л. 20.

[157]) То же дело, л. 21 и об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

великим благоденствием, бегут, и во отвращение того, лучше бы им было возвратиться на прежние места". Наместник ответил Ондоку в том смысле, что „опасаясь прочих калмыцких владельцев, он сам собою учинить того не может, а если бы они к возвращению согласились, то и он, наместник, охотно на то поступить мог[158]). И, конечно, инициатива ухода из России принадлежала не наместнику; слабохарактерный и недалекий Убуши был весь в руках Цебек-Дорджи и таких сочувствующих Цебек-Дордже владельцев, как Шааренг и Бамбар. Он шел по их указке, не соображая, чем может кончиться вся эта история. Что же касается до Цебек-Дорджи, то он соображал так: если замысел будет открыт, то Убуши будет несомненно обвинен в измене и низвергнут; если же последнему удастся бежать, то он не выдержит трудности пути, и тогда он, Цебек-Дорджи, постарается перенять власть у своего слабоумного и неопытного соперника, и от русского правительства ему ничего не будет [159]). Цебек Дорджи тоже ошибся расчетами. Случилось то, чего Цебек-Дорджи, вероятно, не ожидал, — уход удался калмыкам, и они, несмотря на трудности, лишения и большие потери людьми и имуществом, добрались до границ Китая. Лично Цебек-Дорджи от этого проиграл мало; ему пришлось лишь навсегда отказаться от мечты от власти, но, ведь, и в России она оставалась для него под сомнением: почти десять лет русское правительство поддерживало Убуши, снисходя к недочетам его правления,—оно даже не привлекало наместника к ответственности за такой вопиющий поступок, как самовольный уход с боевых позиций на Кубани в 1769 г., когда Цебек-Дорджи, быть может, думал, что песня наместника совсем спета. Какие гарантии имел Цебек-Дорджи, что в будущем Русское правительство изменит свое благоволительное отношение к Убуши, сместит его с должности и сделает наместником его, Цебек-Дорджи?—Равно никаких. Цебек-Дорджи оставалось поставить последнюю карту—рискнуть судьбой всего калмыцкого народа, и Цебек-Дорджи не остановился пред этим. Для Цебек-Дорджи, захваченного идеей во что бы то ни стало добиться власти над народом, не существовало вопроса, какие последствия могут выпасть на долю этого народа при исполнении основанного на властолюбивых замыслах одного че-

---

[158]) АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 19 об.

[159]) Проф. *А. М. Поздеев* – цит. ст., стр. 167. *М. Новолетов*— цит. соч., стр. 38.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ловека плана ухода калмыков из России. Авантюра Цебек-Дорджи обошлась дорого калмыцкому народу, и едва ли будет ошибочен приговор историка, который стал бы снимать с наместника Убуши большую часть ответственности за страдания калмыцкого народа, перенесенные им с момента ухода из России, и возложил бы вину на Цебек-Дорджи. Ведь *он* был идейным вдохновителем наместника; *он* был коварным его руководителем. Ведь с *его* именем соединяются пламенные речи в народных собраниях, с образцом которых знакомит нас *Бергман*: „Смотрите", — говорил Цебек-Дорджи на одном собрании: — „ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделать из вас землепашцев. Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот и северные окрайны степей заселены немцами; еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек, и Кума, а вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования. Уже приказано представить в заложники сына Убуши и определено, чтобы 300 человек из лучших калмыков жили в столице. Вам очевидно теперь ваше положение, и в будущем остается одно из двух — или нести на себе тяжолое бремя рабства, или удалиться из России и, таким образом, положить конец всем бедствиям. Известно, что сам Далай-лама указал два года, в которые можно совершить переход в Джунгарию. Эти два года теперь настали. Так ваше настоящее решение должно определить то, что с вами будет"[160]).

Несомненно, в 60-х годах XVIII столетия в калмыцкой степи собралось много горячаго материала, и при наличности отрицательных явлений в калмыцкой жизни агитация против России имела большой успех. Слухи распускались чудовищные, и народ им верил. То содержание речей Цебек-Дорджи, которое записал Бергман, не только совпадает с показаниями возвратившихся в Россию калмыков, но эти последние передают даже большее. Ончин, из владенья Замьяна, из Багахошеутова улуса, 24 августа 1771 года сообщил, что сам наместник, по приходе калмыков на реку Яик, «об'явил, будто его сына и владельческих детей велено взять в аманаты, а подлых

---

160) B. Bergnann—„Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga, 1804", s. 181; по проф. *А. М. Позднееву*—цит. ст., стр. 167—168.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

калмыков до десяти тысяч—в солдаты» [161]). Шарап Цой Даржаев, из владения наместника Убуши, передавал циркулировавший в народе слух, „будто малолетних ребят требовано, а для чего и куда не знает"; и только уже после калмыки дознались, „что разглашение о требовании малолетних ребят произошло ложно, единственно вымышлено для того, дабы тем больше побудить подлых калмык к побегу" [162]). Киргиз-Кайсацкому хану Нурали, прося его пропустить чрез его владения калмыцкий народ, наместник Убуши писал, что „издревле Торгоутам таких налогов, как ныне, не бывало, от которых весь народ пришел в колебленность и безпокойствие, почему и не возжелали над собою иметь российского начальства, а желая видеть своих единозаконцев и прежние свои места, покочевали от России" [163]). Не обошлось, наконец, дело и без Китая, как удостоверяет в своем показании вышеназванный комиссар М. Везелев, слышавший об этом от „многих" калмыков. Он считал даже, что уход калмыков из России произошел не столько по „неудовольствию" калмыков на русское правительство, сколько „по подзыву боготворимого ими духовного Далай-ламы, который де (по словам калмыков) еще в то время, когда от бывшаго хана Дондук-Даши и вообще от всего калмыцкого народа отправлены были к нему, Далай ламе, для поклонения калмыцкие посланцы, прислал к ним без оных подзывную свою грамоту, которою, обещая их к себе принять, дал им знать, что по его пророчеству не прежде им сие намерение в действо произвесть надлежит, как в 1770 или 1771 годах, для того, якобы, оное время к побегу их счастливым быть может, чем будучи калмыцкие владельцы уверены, хотя и прежде его, хана, по возвращении тех посланцев к побегу склоняли, но он, признав оное за неполезное, в том с ними не согласился" [164]).

Идея ухода из России в Джунгарию, можно сказать, никогда не умирала в сознании калмыцких ханов и владельцев. По словам Замьяна, хан Аюка два раза собирался откочевать туда. Дарма-Бале пришлось поплатиться за то, что она вела переписку с Джунгарским владетелем о переходе к нему по-

---

161) АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 119 об. То же самое говорит и комиссар М. Везелев, л. 16, но прибавляет, что такие речи слышались еще до ухода калмыков от Волги.

162 Там же, л. 87.

163) Там же, л. 53.

164) Там же, л. 19.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

волжских калмыков. Дондок-Омбо в свое время тоже пустил молву о своем уходе в Джунгарию и обманул тем князя Барятинского. Дондок-Даши считался с этою же идеей. Но Дондок-Даши, по примеру Аюки, имел благоразумие отказаться от соблазна уйти из России. Оба они, и Аюка, и Дондок-Даши, предпочли остаться под „протекцией" России, правильно сообразив, что Россия дает им гораздо больше того, на что они могут разсчитывать, подчинившись власти Китая.

Пример отца и прадеда могли бы вразумить наместника Убуши, если бы он был способен на серьезные размышления, но в том-то и была беда, что Убуши не был способен самостоятельно разсуждать,—он слушал и повторял чужие речи, речи тех, кто строил против него козни. Правда, в числе его ближайших „друзей" находился лама Лозан-Джалчин, вероятно, искренно доверявший „пророчеству" верховного Далай ламы о „счастливых" для калмыцкого народа 1770 – 1771 годах и и потому особенно удобных для удаления из России; но едва ли Цебек-Дорджи был настолько прост, чтобы „пророчеству" Далай-ламы придавать серьезное значение. Едва ли он, бесспорно, умный человек мог слепо доверяться „пророчеству". Он мог воспользоваться им в зажигательных своих речах пред темной массой, как одним из аргументов в пользу ухода из России, который нужен был ему только для того, чтобы дискредитировать наместника в глазах русской власти... В виду этого, нельзя, конечно, считать „подзыв" тибетского Далай-ламы за главный и решающий импульс к шагу, сделанному калмыками в 1771 году. Разгадку этого шага надо искать в непомерном властолюбии Цебек-Дорджи и в том, что наместником калмыцкого ханства был тогда бездарный Убуши.

Цебек-Дорджи и его единомышленникам удалось создать в калмыцком народе и среди многих владельцев настроение, враждебное к России. К 1767 году оно настолько окрепло, что руководители движения считали возможным тогда же двинуть калмыков в поход из России. 2 марта 1767 года астраханский губернатор Н. А. Бекетов получил первое известие от заклятого врага наместника Убуши, владельца Замьяна, что наместник с некоторыми владельцами решил удалиться из России под протекторат Китая и послал нарочных к Оренбургу для разведки более удобной дороги на Дальний Восток [165]). О том же Замьян писал Бекетову несколько раз в 1768 и 1769 годах. Сна-

165) АКА. Дело 1769 года, № 352, вязка 87, лл. 24--25.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

чала Бекетов не особенно доверял донесениям Замьяна и не давал им движения, тем более, что с 1767 года он был устранен от заведывания калмыцкими делами, вследствие ссоры с полковником И. А. Кишенским. Но потом и Бекетов стал подозрительно относиться к калмыкам. В марте 1769 года он счел нужным препроводить к Кишенскому, для его сведения, доставленное ему письмо из Джунгарии к калмыцкому бодокчею (судье), проживавшему в Астрахани, от его родной сестры Гельдеевой дочери, состоявшей в замужестве за Джунгарским владельцем. В переводе письмо гласило следующее: «Старшему брату, Цой Лозон гецюлю Джюлжин пишу. Здесь носится слух от Табун-Отоковых калмык, яко бы Торгоуты, Дербеты, Шеаренг и Табун-Отоки вознамерились отойти к Алтаю. А сколько мне разсуждается, может такое намерение есть, только — Шеаренгово. А Торгоуты примешаны к тому не напрасно ли? Что я за секрет вам и даю знать. Ежели я такою догадкою ошибаюсь, а заподлинно от Табун-Отоков произносящей(ся) слух правильной, то прошу сие не разглашать, ибо я за достоверное ни от кого не слыхала. О сем деле податель сего письма не знает, и вы ему не открывайтесь. Також и Зюнгарским калмыкам о сем, что я писала, не сказывать и содержать про себя. А прошу об обстоятельстве оного, ежели вам что известно, ко мне отписать. Может статься, что сей пронесший(ся) от Табун-Отоковых калмык слух и в посмеяние Шеаренгу сделан. Однако, со всем тем могу и ошибится [166]).

Бекетов придал серьезное значение и оставлению калмыками боевых позиций на Кубани. Он понимал, что здесь действовала более глубокая причина, чем недовольство Убуши де-Медемом, и что это необнаруженная причина чревата последствиями. Бекетов как будто бы прочитал то, что наместник таил в душе и высказал открыто только в самую последнюю минуту пребывания в России. „Он, наместник", во время употребления калмыцкого войска против Кубанских татар с досадою то видеть принужден был, когда кто из калмык, не щадя живота своего, к службе верность оказывал",—доложи комиссар Везелев русским властям со слов калмыков, с которыми ему приходилось разговаривать, находясь в плену [167]). По

---

[166]) АКА. Дело 1769 года, № 350, вязка 86, л. 397.
[167]) АКА. Дело 1771 года, № 353, вязка 88, л. 19.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

этому, Бекетов решил уведомить Коллегию Иностранных Дел об умысле калмыков уйти из России. В докладе своем от 15 апреля 1770 года он рекомендовал, в качестве главной меры против ухода калмыков, вызвать в Петербург наместника Убуши и владельцев: Еремпеля, Бамбара, Шеаренга, Цебек-Дорджи, Лоузанг-Джалчина и Даши-Дондука, как главных злоумышленников, и предлагал через них произвести дознание. Но Коллегия Иностранных Дел, руководившаяся успокоительными докладами Кишенского, признала подозрения Бекетова ошибочными. В рескрипте от 3 августа подробно разобраны основания Бекетова и показана неосновательность всех его подозрений, при чем в заключение ему дается ряд предписаний, которыми он должен руководиться в отношениях своих к калмыкам. „Все сии предписания, как составляют самые нужные правила вашего поведения, то мы уповаем, что вы с должным вниманием во оные и вникнете и всегда тщательно сообразоваться им не преминете",—так заканчивался рескрипт, давший Кишенскому богатый материал к злоречию и насмешкам по адресу Бекетова [168]).

4 января 1771 года наместник Убуши в ухвостье Рын-Песков, в урочище Белту, пред войском и владельцами об'явил свое решение уйти из России. „Наместник, собрав владельцев и бывшее при нем войско", докладывал Кишенской в Оренбург г.-м. Давыдову от 10 февраля того же года, „выехал сам к оному и об'явил не только с прискорбностью, но и с великими слезами, что он получил повеление от всемилостивейшей государыни, которым яко бы повелено ему своего сына, также пяти знатных владельцев и у ста зайсангов взяв, отправить в Петербург, а при том из калмыцкого народа, собрав десять тысяч человек, отправить в Россию для определения в службу, примолвя при том, что он как к соблюдению своего закона, так и к сохранению своего калмыцкого народа не находит никакого другого способа, как только удалиться от здешней протекции, прося всех, чтоб следовали его намерению". Услышав такую речь наместника, „калмыки,—сей ветренной народ",—не стали вдаваться в рассуждения, насколько справедливо содержание речи наместника; они возмутились, бросились к своим жилищам и начали быстро собираться в поход [169]). Куда поведет их наместник, этого

---

168) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 20—30 и 155.
169) АКА. Дело 1771 года, № 354, вязка 88, л. 258.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

почти никто из них не знал за достоверное, да и никого серьезно не интересовал вопрос о конечном пункте похода. Народ доверчиво шел за своим вождем. Русский лагерь, в котором находился капитан Дудин, был разбит калмыками, и никому не было известно, что сталось с Дудиным. На нагорную сторону Волги были посланы гонцы об'явить находившимся там калмыкам о выступлении в поход, и 5 января калмыцкий народ чуть ли не бегом устремился от берегов Волги в направлении к востоку. За наместником Убаши последовало 30909 кибиток. 11198 кибиток осталось у Волги частию потому, что начавшийся на реке ледоход помешал многим калмыкам перейти на луговую сторону реки с нагорной и присоединиться к главной массе калмыцкого народа, частию же потому, что на нагорной стороне были улусы, владельцы которых, как Замьян, Яндык и князь Алексей Дондуков состояли в ссоре с наместником и потому не позволяли своим людям итти за Убуши[170]).

„Первые дни побега были для калмыков днями празднества", — пишет Н. Нефедьев в своих „Исторических сведениях" о калмыцком народе, — „ибо они, захватив с собою множество армянских и других купцов с товарами, вином и съестными припасами, не имели недостатка в наслаждениях. Во время ночлегов, необозримое пространство их стана, охраняемое пикетами, озарялось бесчисленным множеством огней и оглашалось шумным весельем народа, который в жалком заблуждении стремился к бедствиям"[171]). Только уже перейдя через реку Урал, калмыки узнали, что им лежит впереди далекий путь, — Убуши ведет их к границам Китая[172]). У реки Эмбы последовало нападение на калмыков, киргиз-кайсацкого отряда под предводительством Яман-Кары. Нападение было отбито с уроном для киргиз-кайсаков, но впереди ожидались новые нападения со стороны тех же киргиз-кайсаков. Поэтому Убуши счел нужным написать письмо киргиз-кайсацкому Нурали

---

170) *М. Новолетов* — цит. соч., стр. 46, примеч. 32, и стр. 47—48.

171) *Н. Нефедьев* — цит. соч., стр. 70.

172) Так показали русским властям вернувшиеся обратно калмыки, например — Араслан Аракбеев. АКА. Дело 1774 года, № 452, вязка 96, л. 42. Путь калмыков в Китай шел на Урал, Эмбу, чрез Могульджарские (Могульзурские, Мугульярские) горы, на Иргиз, Сары-Торгой и Терсаккань. От Терсаккани, минуя Сибирскую линию, калмыки круто повернули на юго-восток и взяли направление к озеру Балхаш; от Балхаша они пошли чрез Кецыс-Юйдзыские степи и Халаторскую землю к реке Или. Всего они шли до Китая семь месяцев. *М. Новолетов* — цит. соч., стр. 50.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

хану с заявлением протеста против враждебных действий его подданных. Об'ясняя в своем письме от 15 апреля 1771 года причину ухода из России и указывая, что до сих пор он не писал Нурали хану „будучи в большой печали", Убуши обращает внимание Нурали хана на враждебный, ничем не вызванный со стороны калмыков, поступок Яман-Кары, за который Яман-Каре пришлось поплатиться некоторым числом людей и скота, доставившимся в добычу калмыкам, и выражает надежду, что дальнейшее движение калмыков через ханские владения будет беспрепятственно. Убуши напоминал Нурали хану, что и при отце Убуши, хане Дондок-Даши, и при нем, Убуши, „калмыки с киргиз-кайсаками вообще жили в согласии,— не должны они и теперь обижать калмыков"[173]). Но у Нурали хана Убуши не встретил ни сочувствия, ни поддержки. Нурали хан осудил поступок наместника Убуши. Действуя совместно с оренбургскими войсками, отправленными под командою генерала фон-Траубенберга преследовать калмыков, Нурали хан определенно ответил наместнику: „Вы, оставя свое место, нарушя присягу и мне причиня вред, куда хотите уйти? Мы положили за вами, хоть шесть месяцев, намерение, сообщась с российскими войсками, т. е. казаками, драгунами, башкирами и три орды кайсацкие итти, которые со всех сторон вас с артиллериею окружать не оставят, и до места гнать не оставим". Нурали хан подавал наместнику такой свой совет: „Ежели вы меня почитаете большим своим братом и требуете от меня совета, то возвратитесь в Россию паки; а ежели опасаяся России, то я беру на себя преступление твое упросить, и верьте мне, что вам за то ничего не воспоследует"[174]). Наместник не внял голосу благоразумия. Он вел вперед калмыцкий народ, более или менее удачно отбиваясь от киргиз-кайсаков малой и средней орды, которые не переставали донимать калмыков своими набегами. Траубенберг, начавший было преследовать калмыков, скоро прекратил преследование. Хотя он соединился с Нурали ханом у реки Терсаккани 12 мая, но увидев, что калмыки ушли уже далеко, а у него не хватает провианта для войска, заблагорассудил двинуться в обратный путь к Оренбургу. Тщетно Нурали хан убеждал Трауберберга ос-

---

173) АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 49 и л. 52. Письмо наместника было отправлено к Нурали хану с Шарапом Цой Дарджаевым, которого Нурали хан задержал у себя, а потом передал в распоряжение генерала Траубенберга; см. л. 85-а об.

174) Там же, лл. 55 об.—56.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

таться, тщетно просил у него дать ему хоть три пушки и 1000, даже 500 человек русской конницы, которую обязывался довольствовать на свой счет,—генерал остался непреклонен в своем решении и отказал Нурали хану в его просьбе о пушках и коннице[175]). Нурали хан принужден был действовать против калмыков один. У Ушун-Кунрада Нурали соединился с киргизами средней и отчасти большой орды,—силы его увеличились. При реке Ширин-Шилике он вступил в большое сражение с калмыками, нанес им значительный урон, а затем стал тревожить их постоянными нападениями с тыла, при чем захватывал в плен калмыков и отбивал у них вьюки и гурты скота. „От скорых и трудных переходов", какие приходилось делать калмыкам, спасаясь от киргиз-кайсаков, калмыцкий народ „ослабел",—рассказывали на допросе у русских властей Араслан и Баранг. Положение калмыков становилось тем труднее, чем дальше они продвигались вперед. Корму для скота оказывалось недостаточно; скот пришел „в крайнюю худобу и упадок". Испытывался острый недостаток в воде. Когда калмыки достигли озера Балхаш и бросились пить воду из этого озера, то „от горькой того озера воды приключились разные болезни, от чего в великое изнеможение подвергнулись калмыки". В это именно тяжелое время «кайсаки, разбивая их, многим числом брали в плен». Преследование калмыков неприятелем продолжалось до реки Или-Усун и даже дальше: «По приходе на оную реку",—рассказывали калмыки,—„и в дальнейшем по оной вверх переходе как кайсаки, так и татары, называемые буруты, множественным числом их, калмыков, захватывали". Только у границ Китая неприятели перестали тревожить калмыков. Они „отстали и возвратились в свои места". Велики были потери калмыков. Араслан слышал, что из всех калмыков, последовавших за Убаши,—„едваль третья часть дошла" до Китайских пределов[176]).

Столкнувшись с нуждой и лишениями, испытывая страдания и ни на минуту не чувствуя себя в безопасности, так как враг подстерегал на каждом шагу, калмыки вспомнили при-

---

175) Письмо Нурали хана к Н. А. Бекетову, полученное им 15 июля 1771 года; там же, л. 94 об. У *М. Поволетова*,—цит. соч., стр. 50,—просьба Нурали о числе пушек и количестве войска передается не вполне точно.

176) АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 17 об. и л. 42 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

вольные степи Поволжья и затосковали о них. Шарап Цой Даржаев говорил: „калмыки охотно желают все возвратиться по прежнему, только на то способов не находят". Отдельные смельчаки из среди калмыков решаются, на свой страх и риск, обмануть бдительность начальства и учиняют побег в русскую сторону. Но не всем удается туда уйти. Беглецы нередко опять попадают в руки своих владельцев, так как не знают дороги и принуждены бывают возвращаться обратно. Часто захватывают беглецов в плен киргиз-кайсаки, и благословляет судьбу тот, на долю кого выпадает счастливый случай, миновав все опасности, напасть на верный путь к русским[177]). Бердю-Габунг заявлял, что он, как человек низкого происхождения, не знает, каково настроение у владельцев, но ему известно, что калмыки — простолюдины „об отлучении их из протекции российской и от реки Волги великое имеют сожаление и на своих начальников негодование, и ко возвращению в здешние пределы ревностное намерение имеют". Но опять-таки, как говорил и Шарап, они „не находят удобных к тому способов, а паче"—рассуждает Бердю-Габун, — „боятся кайсак, дабы при возвратнем побеге не могли подвержены быть им жертвою". Действительно, с опасностью от кайсаков даже массе народа приходилось серьезнее считаться, чем с владельцами. Калмыки не знали обратной дороги в Россию и могли попасть в еще худшее положение, натолкнувшись на киргиз-кайсаков, которые не давали пощады тем, за нем гнались с таким упорством. „Если бы сведали (калмыки) о приближении к ним российских войск, то непременно весь подлой (простой) народ к ним бы уклонился [178]). Да, пожалуй, и сам наместник Убуши не отстал бы в этом случае от простого народа. По словам Шарапа, „наместник ханства Убуша о учиненном им побеге крайне сожалеет и приносит жалобу на владельцев Бамбура, Шеаренга, Цебека, которые на то его склонили[179])". Увещательное письмо И. А. Бекетова, посланное им чрез посредство Нурали хана к владельцу Бамбару[180]), могло давать основание и наместнику Убуши надеяться на прощение его вины русским правительством, и он всегда мог бы вернуться с дороги. Но наместник был в руках Цебек-

177) АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 85-а об.
178) Там же, л. 64 об.
179) Там же, л. 85-а об.
180) Там же, л. 101. Текст письма см. в деле 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 159 об.—169 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Дорджи и его единомышленников, которые теперь уже не могли разсчитывать на снисхождение к ним русских властей и разрешали наместнику ограничиться одним сетованием на его собственное безсилие.

У границы Китая, не переходя ее, калмыки простояли месяца два. Затем, разсказывает Баранг, калмыки переправились через реку Или и „пошли паки в поход. Наместник, Цебек-Дорджи, Эмеґень-Убаши, Моомут-Убаши, Еремпель, Шара-Кукень, Бамбаров сын, и тецюль Лозон-Джалчин отправились к китайскому двору для засвидетельствования о своей верности и поднесения своего поклона, где, как известно, были приняты благосклонно, и находились тамо с восемь месяцев и возвратились в домы". Переговоры наместника и владельцев с китайским правительством привели к тому, что им пришлось отказаться от фактической власти над калмыками. Власть над ними переходила к Китаю. „Владельцев и зайсангов должность состоит токмо в подаче ведомостей о выбылых людях", передает Араслан. Владельцы не имеют права собирать подать с калмыцкого народа,—вместо нее „производится им пропитание от китайцев", сообщает тот же Араслан. Из слов Баранга и других выходцев—калмыков видно, что китайское правительство положило определенное годичное жалованье наместнику и владельцам, именно: наместнику—три тысячи пятьсот рублей (на русский счет), Цебек-Дорджи три тысячи сто десять рублей; „а прочим владельцам какое жалованье определенно ль, или нет,—он, Баранг, не знает". Относительно жалованья наместнику упоминает в своем показании и Иши Болотов, из Дербетова владения, умершего владельца Цебек-Убуши, из аймака зайсанга Тогмида; он приводит цифру жалованья в „пятьдесят эмбю в год китайскими серебряными слитками",—каковая сумма, очевидно, соответствовала 3500 рублям по тогдашнему денежному курсу, — и прибавляет, что кроме денежного жалованья наместник получает „на платье шелковых товаров по пятидесяти кусков"[181]). Баранг говорит, что китайское правительство распорядилось поменять наместника Убуши и владельца Цебек-Дорджи улусами, так что улус Убуши перешел и Цебек-Дорджи, а его улус—к Убуши. Пришлось и прочим владельцам поменяться улусами. Что за причина была такой принудительной обмены улусами, Баранг не знает. Можно догадываться, что это было

[181]) АКА. Дело 1774 года, № 425, вязка 96, л. 44.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

сделано в целях ослабить влияние наместника и владельцев на калмыцкий народ, а также и как внешнее показание перехода верховной власти над калмыками к китайскому правительству. „Кочевье имеют наместник и владельцы друг от друга расстоянием верховой езды дни по два и по три", прибавляет тот же расскащик, давая тем знать, что китайское правительство сразу же приняло меры к разъединению улусов, дабы легче можно было справиться с калмыками в случае возмущения, для которого являлось не мало поводов. Кочевать разрешено было не всем, а только более состоятельным калмыкам. Беднейших калмыков, рассказывает Араслан, китайцы оставили при своих городах и начали обучать хлебопашеству, при посредстве особых инструкторов, „от китайцев нарочно приставленных к ним", добавляет Баранг и констатирует, что из калмыков „многие уже обучились" земледелию. Так китайское правительство стало постепенно переводить калмыков с кочевого образа жизни на оседлый.

Наместник и владельцы, потеряв власть над калмыцким народом в Китае, все же прилично устроились в материальном отношении. Простой народ потерпел ущерб во всех отношениях. Под бдительным надзором китайских чиновников, контролировавших каждый шаг калмыков, они лишились той свободы, какою пользовались в России, кочуя со стадами по широким степям Поволжья. Материальное благосостояние калмыков было разрушено. Трудная дорога в Китай унесла у них много жертв. Погибло громадное количество людей и скота. Большинство калмыков лишилось последнего имущества. В состоянии крайней нищеты пришли они в Китай. „Видя их крайнюю бедность",—рассказывает Араслан, — „от китайской стороны дано было на первый случай подлым калмыкам на пропитание по барану на человека, потом на два человека по барану ж, коею дачею питались не более (как) с два месяца, а на последок дача баранов кончилась, и производилось (выдачи) на три человека по мешку муки пшеничной мерою против здешней в два четверика, да сверх того в один раз на рубашки и порты дано каждому человеку по два конца бязи". В Китае калмыки стали кормиться несравненно хуже, чем в России. Особенно трудно стало жить калмыкам, переведенным на оседлый, земледельческий быт. Араслан прожил среди этих калмыков три года и видел, что калмыкам — земледельцам „на пропитание дается на каждого человека в

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

день по небольшой чашечке муки пшеничной»,—в этом и состоит все их питание. Вследствие голода, калмыки вынуждены бывали наниматься в работники к китайским мандарикам, или уходить, в поисках пропитания, в улусы к сородичам, предлагая свои услуги наместнику и владельцам. Впрочем, и улусные калмыки не могли похвалиться материальным довольством. Араслан говорит на основании личных наблюдений, что „к содержанию скота и к довольному прокормлению оного, удобных и способных в тамошней стороне мест весьма недостаточно, а по большей части—гористые и каменистые", вследствие чего „калмыки скотом еще и не обзаводились; да и овцы у китайцев не калмыцкой природы, а черкасской,—очень мелки" [182]).

Калмыки сильно страдают в Китае,—вот общий голос выходцов и Китая. Они уже оставили думать о нападениях на русские земли, смежные с Китаем, бросили замысл прийти в Россию и увести с собою оставшихся там братьев, о чем так горячо говорили в первые дни по уходе из России [183]). Они сами теперь „весьма сожалеют" и раскаиваются, что покинули Россию. Они готовы были бы возвратиться к приволью Поволжских степей, если бы представилась малейшая возможность к тому. Но китайские пристава зорко следят за калмыками и пресекают их попытки к бегству. Зайсанги Балдон, Дорджа гецюль, Собок и Бодогой,—рассказывает Иши Болотов,—составили было план бегства в Россию со своими аймаками и с другими калмыками. Но заговор зайсангов был открыт китайцами, и их с аймаками перевели в глубь Китая, в горы. Тоже самое „и с наместником учинено", - прибавляет Иши Болотов, давая тем основание предполагать, что и наместник был причастен к заговору зайсангов [184]). Отдельным лицам удается устроить побег и, благополучно миновав китайские заставы, уйти от преследования. Но горе тому, кого поймают Китайцы. „По поимке", говорит Араслан, Китайцы „казнят смертью" беглецов. Да и киргиз—кайсаки их ловят, при чем если киргиз-кайсакам попадется значительная партия беглецов—калмыков, они препровождают ее китайцам для расправы, а отдельных беглецов продают русским и другим лю-

---

182) Там же, л. 17 об.—18 и л. 42 об.—43.

183) Показание комиссара М. Безелева. АКА. Дело 1771 года, № 359, вязка 88, л. 19 об.

184) АКА. Дело 1774 года, № 452, вязка 96, л. 44.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

дям за деньги [185]). Ишп Болотов слышал разговоры между калмыками: „Если б",—говорили калмыки,—„хотя небольшое число российских войск приближено было к китайским границам, то они все меры употребили (бы) к побегу обратно в Россию" [186]). Калмыки, в данном случае, повторяли то же самое, что говорили они по пути в Китай, когда отбивались от киргиз-кайсаков и несли тяжелые потери.

Но тщетно они дожидались помощи от России. Помощь не пришла к ним тогда, не проходила она и теперь. Из за властолюбия одного человека (Цебек-Дорджи) и по слабоумию другого (наместника Убуши), калмыцкий народ попал в тяжелую китайскую неволю и остался в ней навсегда.

XI.

Попытки оставшихся в России калмыков удалиться к сородичам в Китай.

Вести о том, как живется калмыкам под китайским владычеством, дошли до Волги не так то скоро. Первые сведения об этом поступили сюда через посредство киргиз-кайсаков в 1773 году. Затем, но уже позже, начали появляться на Волге калмыки—беглецы из Китая, испытавшие на личном опыте тяжесть китайской неволи. Рассказы о ней Араслана, Баранга, Ишп Болотова и других относятся к 1775 году. Эти рассказы имели вразумляющее значение для приволжских калмыков. До тех пор они питали уверенность, что их сородичи нашли под властью Китая те лучшие условия существования, о которых мечтали калмыки, удаляясь из России. Мысль об этом волновала приволжских калмыков и создавала в них настроение, весьма благоприятное для успеха агитаторов, действовавших письмами с китайской стороны, а иногда даже приезжавших оттуда с определенной целью поднять эту небольшую оставшуюся группу калмыков и увести ее в Китай. Но русские власти получили в недалеком прошлом хороший урок. Они принялись бдительно следить за тем, что говорится среди калмыков и что делается вокруг их. Н. А. Бекетов, получив точные указания относительно волнений в Дербетовском улу-

---

185) Там же, л. 43 об.
186) Там же, л. 44.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

се и, особенно, в Эркетеневском и узнав, что главными виновниками волнений являются владельцы, зайсанги и духовенство этих улусов, подбивающие престолюдинов бросить Россию и итти к Китаю, в 1771 году отдает распоряжение о переводе на правую нагорную сторону Волги калмыков, кочевавших на левой луговой стороне реки, а владельцев Асарху, Маши, Замьяна, Яндыка, правителя Дербетовского улуса Баахан гелюнга, с наиболее видными зайсангами этого улуса, и зайсангов Эркетеневского улуса командирует в отряд из русских и калмыцких войск, назначенный на „поиск" против кубанских татар, под начальством полковника князя Алексея Дондукова. Отделив, таким образом, владельцев и зайсангов от их улусов, Бекетов парализует вредное влияние сильных людей на простой народ. Дербетовский улус, лишившийся правителя, сам по себе не внушал особых опасений, — там стало спокойнее, чем где бы то ни было; поэтому Бекетов сначала нашел возможным оставить улус на луговой стороне Волги[187]). В 1772 году стали получаться тревожные известия и относительно Дербетовского улуса. 17-го марта этого года коллежский коммиссар М. Везелев доложил Бекетову со слов одного зайсанга, что будто бы „Дербетов улус принял точное намерение к побегу вслед за изменниками калмыками и к тому приготовляется[188])". Это известие, а также полученное 22 марта сообщение из Омской крепости от генерала де-Колонга (от 29 января 1772 года), что по сведениям, доставленным ему киргизами, волжские калмыки намереваются последовать примеру своих сородичей и итти в Китай, куда их приглашает владелец Шеареиг, и что китайское правительство вошло в переговоры с султаном Средней орды Аблаем о пропуске волжских калмыков через Киргиз-Кайсацкие земли[189]), заставили Бекетова принять экстренные меры. 24 марта он выехал в Царицын и, вызвав туда Дербетовского владельца Цебек-Убаши, незадолго пред тем вернувшагося с Кубани, а также наиболее видных представителей калмыцкого духовенства и знатных зайсангов, предложил им остаться на правой стороне Волги и жить отдельно от улуса, на что они вынуждены были согласиться. Для охраны Дербетовского улуса, оставленного на луговой стороне Волги, от всяких сношений с Китаем чрез посредство Киргиз-Кайсаков, Бекетов

---

187) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 11—14.
188) Там же, л. 15 и об.
189) АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, лл. 144—146.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

учредил заставу из двухсот человек калмыков и ста человек казаков Моздокского полка. Потом, в подкрепление этой сторожевой части, был командирован отряд в тысячу человек из калмыков Икицохуровского и Эркетеневского улусов, которые возвратились с реки Янка из побега, не последовав за наместником Убуши. Сторожевая команда стояла при Дербетовском улусе все лето 1772 года [190]). 14 августа Бекетовым было получено сообщение Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, от 24 июля 1772 года, что возвратившийся из средней Киргиз-Кайсацкой орды верный России башкирский старшина Казанкул Казанбаев об'явил Рейнсдорпу, что „до приезду его тоя орды к Аблай солтану за пять дней был у него, Аблая, от китайского двора посол в числе пятидесяти человек, и посольство его состояло в том, чтобы ожидаемых в китайскую сторону из России оставшихся калмыков безбедно пропустили и в потребном случае оным всякое вспоможение учинили, а о сем бы самом и Нурали, хан Кайсацкой, от него, Аблая, уведомлен был". Рейнсдорп придавал большое значение словам башкирского старшины Казанкула Казанбаева. В том обстоятельстве, что «на сих днях»,—как он пишет,—„между Бударина и Кожехарова, и других форпостов киргиз-кайсаки не малым числом перелезли через реку Яик на здешнюю сторону и пошли прямо в степь по реке Кушуму к калмыцкой стороне, где они на вершинах речки Узени и с отправленною от г.г.-м. Фреймана для сыску яицких беглецов командою с'ехались", а затем „путь свой взяли к гурьевской стороне", Рейнсдорп усматривал, что „они, киргиз-кайсаки, отправились для поднятия их калмыков, во удовлетворение китайского двора" [191]). Хотя и де-Колонг, и Рейнсдорп, и сам Бекетов приняли уже все необходимые меры военного характера на случай попытки калмыков уйти с берегов Волги по проторенной их сородичами дороге в Китай, но Бекетов не желал допустить самого начала новой и могущей быть особенно для него лично неприятной истории с калмыками, так как за недавний побег калмыков он возлагал вину всецело на Кишенского, которого в докладе к императрице от 17 февраля 1771 года, сравнивал с Иудой, потерявшим разум вследствие сребролюбия [192]). Он не захотел попасть в просак, и 27 августа

190) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 16 об.—17 об.
191) АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, л. 240.
192) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, л. 154-и л. 156.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

написал к графу Н. И. Панину представление о необходимости отдалить от калмыков трех ненадежных владельцев: Цебек-Убуши, Яндыка и Асарху, которые способны повести за собою народ, и предлагал названных владельцев „под каким нибудь приличным, однако милостивым видом отозвать в Петербург и продержать их тамо, доколе мысль сия в них исчезнет“[193]). Предложение Бекетова было принято, и 18 октября последовал из Коллегии Иностранных Дел вызов Дербетовского Цебек-Убуши и Торгоутовских Яндыка и Асархи владельцев в Петербург, куда они и выехали зимою. Дорогою Яндык умер в Островской станице на Дону 15 декабря 1772 года; Цебек-Убуши и Асарха двое прибыли в Петербург и там жили до смерти, последовавшей в 1774 году. Так как они умерли почти одновременно, то у калмыков явилось подозрение, что смерть их владельцев была насильственною. Калмыки взволновались и хотели отомстить за Цебек-Убуши и Асарху убийством пристава М. Веселева, но тому удалось скрыться и тем спасти свою жизнь[194]).

Еще ранее вызова владельцев в Петербург, Дербетовский улус был переведен, по распоряжению Бекетова, с луговой на нагорную сторону Волги, и так как опасности от киргиз-кайсаков для улуса не предвиделось, то военная охрана с него была снята, и тысячная калмыцкая команда распущена по домам[195]). Поползновений к уходу из России среди калмыков не стало заметно. Калмыки успокоились и оставили мысль итти в Китай частию вследствие принятых Бекетовым мер предосторожности, частию же потому, что до калмыков начали доходить слухи о бедственном положении их сородичей на новых местах жительства. 30 апреля 1773 года в Астрахани было получено из Оренбурга от губернатора Рейнсдорпа известие, как живут калмыки под властью Китая и в каком положении находятся теперь вообще „разные азиатские обстоятельства“[196]). Старшина средней киргиз-кайсацкой орды Худайменда Бабалыков 17 января 1773 года об'явил в оренбургской губернской канцелярии следующее: „Беглые из здешней протекции волжские калмыки в области китайской ни малого благополучия не получили“. С ними там поступлено таким

193) АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, л. 244 об.
194) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 58.
195) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, л. 18.
196) АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, л. 263.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

образом: сперва, по „приходе их в зенгорскую землю, приняты они (были) с китайской стороны ласково и некоторое время трактованы были хорошим удовольствием. А как потом сия ласковость и удовольствие умалена, и по нужде стали они, калмыки, делать воровства и разного рода злодейства, то по причине того все они, калмыки, разобраны и рассеяны на житье внутрь всей китайской области, при чем из владельцев их Шерену (Шеаренгу) за прежнее его злодейство, учиненное войску китайскому во время проходу его в здешнюю сторону, глаза выколоты[197]).

Сообщение Худайменды Бабалыкова о судьбе владельца Шеаренга очень интересно. Дело в том, что Шеаренг, прибывший в Россию из Джунгарии за несколько лет до ухода калмыков в Китай, пользовался дурной репутацией у китайского правительства. Прежде всего, он вывел с собою из Джунгарии не только принадлежавших ему калмыков, но и многих, какие ему не принадлежали. По пути в Россию, до Сибирской границы, Шеаренг имел неоднократные столкновения с китайскими военными отрядами, которые посылались, чтобы воспрепятствовать его уходу в Россию. Одни отряды он уничтожил оружием, другие—обезвредил обманом. Китайское правительство посылало к нему требования возвратиться обратно, но он не шел назад, потому что знал, что в Китае ждет его жестокое наказание. Присоединившись к волжским калмыкам и находясь в войсках наместника Убуши, Шеаренг отличился в войне с Кубанцами и был награжден золотою медалью за храбрость. Бекетов всегда относился к Шеаренгу с особенною подозрительностью; он принимал во внимание, что Шеаренгу лучше, чем кому бы то ни было из владельцев, знакома дорога в Джунгарию, и заключал отсюда, что именно он, Шеаренг, будет показывать путь калмыкам, если они когда нибудь решатся уйти из России под китайский протекторат. В этом смысле Бекетов докладывал о Шеаренге и в Коллегию Иностранных Дел в 1770 году, предлагая отделить Шеаренга от калмыков, вызвав его в Петербург вместе с другими опасными лицами из среды калмыцкой знати. Но в Коллегии держались иного взгляда,—там признавали, что „владелец Шеаренг—еще меньше всех желать долженствует зависеть от китайского произволения[198])". Когда Шеаренг снова появился в Ки-

---

197) Там же, л. 264 и об.

198) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, лл. 24 и об.; 21 об. и 167.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

тае, то китайское правительство выделило его из ряда прочих калмыцких владельцев особенным благоволительным вниманием. Киргизский старшина Мамбеть Батырь сообщил генералу Скалону в Усть-Каменогорской крепости 20 января 1772 года, что, не в пример прочим владельцам, Шеаренгу „дозволено жить, где он по обретению своему пожелает", и что вообще Шеаренг—„У китайского Булдыхана находится в великой милости". Очевидно, китайское правительство возлагало на Шеаренга большие надежды в деле перевода в Китай калмыков, оставшихся при Волге. Вероятно, и сам Шеаренг, взявший на себя миссию посредника между теми и другими калмыками и, по словам Мамбеть Батыря, сносившийся с приволжскими калмыками посредство писем, в которых „подзывал" калмыков переходить к сородичам в Китай, с своей стороны доказывал китайскому правительству, что дело перехода оставшихся при Волге калмыков в Китай—верное дело, и что скоро весь калмыцкий народ окажется под властью китайского Богдыхана. Расчеты Шеаренга не оправдались. Переманить калмыков с Волги в Катай ему не удалось. И он, еще недавно пользовавшийся милостями китайского императора, жестоко платился за свою неудачу. Китайцы припомнили ему те злодейства, какие он учинил давно, выходя из Джунгарии в Россию, и лишили его зрения.

Мамбеть Батырь рассказывает и о судьбе наместника Убаши; его жены, а также владельца Бамбара „с прочими". Они, по словам рассказчика, „учинили утечку и нынешнею осенью, прибежав не более, как в шестидесяти человеках, находятся теперь в средней их орде, в крайнем от китайской стороны Уисунском роде, куда Аблай салтан отправил сына своего Чингиза, для призыву к себе, которой де кочевье свое имеет при горе Куктетау, состоящей против Красноярской Сибирских линий крепости".

Чем было вызвано бегство Убуши, Бамбара и прочих владельцев из Китая в Среднюю киргиз-кайсацкую орду? —Ишпи Болотов, как мы видели, проговорился на допросе в 1775 году о каком то заговоре калмыцких зайсангов бежать в Россию и намекал на прикосновенность к этому заговору наместника Убуши. Но Ишпи Болотов ни словом не обмолвился о Бамбаре, который фигурирует в разсказе Мамбеть-Батыря рядом с наместником Убуши, как не упомянул и о трагической судьбе Шеаренга. Вероятно, заговор зайсангов предшествовал событиям,

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

о которых разсказывает Мамбеть-Батырь, и о судьбе Шеаренга, Убуши, Бамбара и прочих владельцев Иши Болотов или хорошенько незнал, убежав из Китая раньше, чем случилась новая история с калмыцкими вождями, или, по каким нибудь соображениям, подробно не распространялся о ней. Скорее всего, Иши Болотов еще не знал об этом, как не знал и о том, что наместник Убуши вскоре после разсказываемой Мамбеть Батырем истории умер, в 1774 году. Надо думать, что жестокая расправа с Шеаренгом, учиненная китайскими властями в конце 1772 года, или в самом начале 1773 года, привела в такой ужас Убуши, Бамбара и других, что они сочли небезопасным оставаться дольше в Китае и убежали оттуда к киргизам средней орды под защиту султана Аблая, с которым китайское правительство, как видно из показаний Мамбеть Батыря, уже прекратило переговоры о пропуске волжских калмыков чрез Киргиз-Кайсацкие земли, так как убедилось, что волжские калмыки не пойдут в Китай. „От китайского двора ныне у Аблая султана никого присланных нет, а прошедшим де летом были присланы человек со сто по причине того, что известно при этом дворе было, яко бы и оставшиеся за Волгою калмыки бежали, с таким требованием, чтоб им свободный и безбедственный путь доставить; но как при том уведомились, что они, калмыки, находятся в своих местах неподвижны, то тогда ж и возвратились“[199]) Китайцам пришлось разочароваться в надежде видеть у себя подвластным весь калмыцкий народ, и не потому ли так жестоко был наказан Шеаренг, что он подавал китайскому правительству ложные сведения, будто приволжские калмыки уже выступили в поход, и что де остается только помочь им благополучно добраться до границ Китая, при содействии султана Аблая? Проживши известное время у султана, китайские посланцы убедились, что дело обстоит совсем не так, как изобразил Шеаренг; они доложили об этом своим властям, и те расправились с Шеаренгом по обычаям своей страны.

Разумеется, Бекетов не оставлял приволжских калмыков без известий о том, что творилось в Китае с ушедшими туда калмыками и их владельцами. Широкое оповещение необходимо было в целях отбить охоту у владельцев и народа итти в Китай. Возвращавшиеся из Китая калмыки обрисовывали печальное положение там своих сородичей яркими красками, и живые рассказы о лишениях и страданиях калмыков в китайской не-

199) АКА. Дело 1771 года, № 372, вязка 90, л. 264. об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

воле оставляли глубокое впечатление. Народ перестал стремиться в Китай,—напротив, он начал сожалеть о своих бежавших сородичах. У него сложилась даже песня, которая сохранилась и до нашего времени. Ее распевают калмыки самым заунывным голосом:

„Наш князь Убуши, ездивший верхом на своей савраске, прежде принадлежавшей Манию, а на завтра приказавший вывести свою серую (лошадь), неужели ты оставил нас на произвол"?

„Между Иргенями и Моцагами не видно ничего выдающагося (т. е. юрт). Куда ушли Торгоуты, откочевавшие тайком"?

„Бывало ты скачешь около трех озер Самур, пока не утомится твой рыжий иноходец. Куда ушли Торгоуты, откочевавшие как ветер"?

„Народный предводитель Убуши-хан на своей длинохвостой лошади откочевал с своим улусом, имея красно-пестрый флаг. Убуши-хан, сидя на своем сером и имеющем журавливую шею (коне), с полосато-пестрым флагом увел своих Торгоутов".

„Куда ушли Торгоуты, отважно отправившиеся с предводителем князем Шеренгом на своих рыжих лошадях, заклейменных тавром шабинеров? Разве не хороши были водопои на реке Уруслане? Народный владыка Убуши-хан шумно откочевал к востоку. Разве слышалось недовольство, что на речке Нарын не хороши осенние кочевья? Народный владыка Убуши-хан ушел, почитая киргизов за родственников".

„Бывало, ты выведешь свою савраску и заставляешь ее делать скачки. Кроткий Убуши-хан, шумно и торопливо ушел ты к своему учению"![200]).

В народном представлении, Убуши — не злодей, но „кроткий", т. е. умственно ограниченный и слабовольный правитель. И если Н. А. Бекетов, в своем докладе императрице, писал, что „владельцы огорчались много данною наместнику над ними властью, кою он во зло употребляя, многих обижал"[201]), то вина в том больше падает на злых и коварных советников Убуши, которых Бекетов, в пылу гнева, клеймит названием „извергов рода человеческого"[202]).

---

200) Проф. *А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 169.
201) АКА. Дело 1771 года, № 373, вязка 91, л. 151 об.
202) Там же, л. 161

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Печальная эпопея ухода калмыков из России, рассказываемая участниками ухода, дала богатый материал и составителю „Истории калмыцких ханов", описывающему плачевный переход калмыков в Китай с большими подробностями[203]).

Заканчивая речь о калмыках, ушедших из России в Китай, необходимо еще упомянуть о двух событиях 1791 и 1826—1827 годов, имеющих значение для характеристики настроения калмыков под властью Китая. В 1791 году калмыки сделали попытку уйти из Китая опять в Россию, но эта попытка не сопровождалась успехом[204]). В 1826 году, вместе с прочим населением Илийской провинции, куда калмыки были определены на жительство, они подняли целое возмущение против китайского правительства, продолжавшееся не малое время и подавленное едва только к концу 1827 года[205]). Как попытки уйти из Китая в Россию, так и возмущение против китайского правительства об'ясняются одним и тем же: недовольством калмыков новой обстановкой жизни в Китае, не дававшей им простора для проявления индивидуальных особенностей натуры, в связи с теми притеснениями, какие позволяли себе китайские мандарины по отношению к калмыкам и всему населению Илийской провинции.

XII.

Положение калмыцкого народа после 1771 года и важнейшие события в его жизни до утверждения владельца Чучея Тундутова наместником калмыцкого народа.

После ухода из России большей части калмыцкого народа в Джунгарию под протекторат Китая и вследствие происшедших в связи с этим уходом волнений среди оставшихся в Астраханской степи калмыков, по рескрипту императрицы Екатерины II-й на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова от 19 октября 1771 года, ханская власть в калмыцком народе была уничтоже-

---

203) Проф.-архим. *Гурий*—цит. исслед., стр. 222.

204) Там же, стр. 224.

205) *К. Риттер*—«Землеведение Азии (с дополнениями *П. Семенова*). Т. II. СПБ. 1859», стр. 167—171.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

на навсегда, а владельцы были поставлены в независимое положение один от другого, с предоставлением им прав по управлению каждому в своем улусе под русским правительственным надзором. Владельческие права над улусами переходили от отца к сыну, и при отсутствии прямого наследника улус поступал в казенное ведомство. Калмыцкими делами стала ведать особая экспедиция при губернской канцелярии в Астрахани, под высшим наблюдением губернатора, на местах же к владельцам были назначены пристава из русских чиновников, обязанность которых состояла в наблюдении за порядками в улусах. В 1772 году при экспедиции учрежден был суд Зарго из трех представителей от остатков трех главных калмыцких родов: Торгоутовского, Дербетовского и Хошеутовского, причем дела в Зарго, по прежнему, разбирались на основании древних калмыцких законов и уложения, решения же суда утверждались губернатором [206]). 1772 год, как мы видели, не прошел спокойно для калмыков. Приподнятое настроение их, правда, несколько улеглось после того как главные из владельцев, будировавшие в народе: Яндык, Асарха и Цебек-Убуши были вызваны в Петербург, но скор постижная и одновременная смерть двух последних владельцев в начале 1774 года снова взволновала калмыцкий народ и настроила его недружелюбно в отношении к русской власти, как и вообще к русским. Этим, между прочим, об'ясняется сочувствие калмыков, особенно — Дербетовцев, к Пугачевскому движению.

По приказанию астраханских властей, Дербетовский владелец Ценден-Дорджи должен был действовать против Пугачева вместе с князем А. Дондуковым. Для совместных военных операций оба калмыцких владельца соединились 15 августа 1774 г., но, вступив в сражение с Пугачевцами, потерпели неудачу. Тогда Ценден-Дорджи решил переменить фронт. По занятии Пугачевым Дубовки 17 августа, Ценден-Дорджи явился к Пугачеву с почетными стариками и выборными от улуса, засвидетельствовал солидарность с ним во взглядах и из'явил готовность служить ему своими войсками. Получив жалованье от Пугачева деньгами и одеждой, калмыки начали свою службу разорением русского населения возле Царицына, Черного Яра и Енотаевска; они отнимали имущество у русских и забирали в плен детей. Преследование Пугачева полковником Михельсоном, начавшееся с Царицына, а также опасность от нападения Киргиз-Кайсаков, изменили настроение Цен-

---

206) АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 172.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ден-Дорджи и калмыков. За два дня до окончательного поражения Пугачевцев Михельсоном около Черного Яра 25 августа, калмыки оставили Пугачева, а спустя несколько дней, 29 августа, Ценден-Дорджи посылает письмо астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову в объяснение причин, почему он перешел на сторону Пугачева. Он сделал это, говорит Ценден-Дорджи: «чтобы сохранить от сего злодея улусы наши, кочевавшие тогда при Волге в урочище Табун Бура (Поповицкий остров) на самой дороге; в рассуждении том, что он и сильнейших нас людей разоряет, выдумав за способ поддаться, и 20 числа того же месяца с обманом ему и поддался, и, по учинении сего, улусы с того места в другие, от дороги дальние места перевел; а по проминовании злодея Сарпинской колонии вниз версты с две, 23-го от него скрывшись, бежал» [207]). Оправдание Ценден-Дорджи было признано резонным; он ничем не поплатился за свой поступок, а в 1783 году даже получил утверждение во всех владельческих правах на Дербетовский улус, которого считался до тех пор только правителем по смерти прежнего владельца, бездетного Цебек-Убуши [208]). С Ценден-Дорджи заметно начинает обозначаться доминирующее значение Дербетовского улуса среди остальных калмыцких улусов, и в нем создаются условия, благоприятствовавшие восстановлению наместничества в 1800 году, хотя и на короткое время, как это будет видно из дальнейшего рассказа.

В 1786 году последовало распоряжение астраханского генерал-губернатора П. С. Потемкина о закрытии в Астрахани калмыцкого суда Зарго и о передаче калмыцких тяжебных дел в уездные суды. В Астрахани тогда же была учреждена Калмыцкая Войсковая канцелярия в составе членов: одного—русского, трех калмыцких владельцев и трех зайсангов. Учреждение названной канцелярии стояло в связи с проектом Потемкина привлечь калмыков к поголовному отбыванию воинской повинности. Проект Потемкина не нашел практического осуществления, Военная канцелярия была закрыта, и вместо нее в 1788 году была открыта просто Калмыцкая канцелярия, переведенная скоро опять в Астрахань, где она действовала до 1797 года, когда вместо нее учреждено было Калмыцкое правление [209]).

В 1784 году Дербетовский владелец Ценден-Дорджи умер. Власть над Дербетовским улусом не могла перейти к кому-либо

---

207) АКА. Дело 1774 года, № 426, вязка 96, л. 78 и об.

208) АКА. Дело 1799 года, №1841, вязка 119, л. 2.

209) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 67. *Г. Н. Прозрителев*—цит. соч., стр. 36—37.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

из шести сыновей Ценден-Дорджи, так как сам он, приходясь родственником умершему в Петербурге в 1774 году Дербетовскому владельцу Цебек-Убуши, пользовался властью только в силу прав, лично ему предоставленных русским правительством. Улус должен был перейти в казенное ведомство, и вдова Ценден-Дорджи Тарза стала уже получать ежегодную пенсию в размере 500 рублей по смерти мужа. По ходу дела было ясно, что на этот раз правительство не остановится пред проведением закона 1771 года во всей его силе, а так как Дербетовцам не улыбалась перспектива попасть в казенное ведомство, то одна часть Дербетов поднялась с своих кочевий и отошла на Дон. У Волги осталась другая часть Дербетов. Дербеты разделились, таким образом, на Большие и Малые. Донские Дербеты получили название Больших, Волжские—Малых. Это произошло в 1788 году. Тщетно правительство пыталось склонить Большедербетовцев к возвращению с Дона назад,—они не уходили оттуда. Чрез посредство графа Салтыкова, они добились у правительства признания владельческих прав над своим улусом за Екремом Хапчуковым, а в 1798 году правительство дало согласие на прикрепление Больших Дербетов к Задонским степям и на причисление Большедербетовцев к Донскому казачьему войску. Однако, самим калмыкам не понравилось их новое кочевье; со стороны Донского войскового начальства они стали испытывать разного рода притеснения, а от казаков—терпеть обиды. В 1799 году владелец Екрем умер, а в мае 1800 года Большедербетовский улус вернулся к прежним кочевьям в пределы астраханской губернии [210]).

Между тем, оставшиеся при Волге Малые Дербеты после смерти Ценден-Дорджи признали своим правителем его сына Бабула. Учитывая начавшееся осложнение дел в Дербетах, русская власть не протестовала против поступка Малодербетовцев,—она оценила в них то, что они вообще не вышли из ее повиновения, и Бабул, таким образом, стал во главе Малодербетовского улуса. Своим правителем Малодербетовцы были довольны, и когда он умер, то они 23 сентября 1799 года писали о нем астраханскому военному губернатору К. Ф. Кнорринту, что Бабул „на основании сущей правды, руководствуя нами, входил даже и в распоряжение кочевных зимою, летом, весною и осенью мест, доставлял единственно только выгоды, стараясь при всем том по насылаемым из Калмыцкого правления повелениям возможное и скорое чинить

---

210) См. подробности у *Е. Чонова*—цит. соч., стр. 26—27.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

исполнение»[211]). Есть полное основание доверять справедливости этой оценки деятельности Бабула. Его отец оставил улус в состоянии крайнего расстройства. 10 августа 1800 года, в связи с делом об утверждении Чучея правителем Малодербетовского улуса, улусный пристав П. Бочкарев докладывал Калмыцкому правлению, между прочим, что Ценден-Дорджи, правивший Дербетом, „не оставил по себе в сем улусе доброго порядка, кроме что привел сей улус в неоплатной долг, от которого и поднесь калмыки избавиться не могут. Осталось после смерти его на улусе Дербетовом долгу более пятидесяти тысяч рублев»[212]). Бабул, сколько мог, приводил в порядок улусные дела, но, разумеется, для полной ликвидации улусных долгов требовалось значительное время. Бабул не дожил до вожделенного момента их ликвидации. Для нас важно то обстоятельство, что Бочкарев в своем докладе ни словом не задел Бабула. Очевидно, деятельность его не давала материала для осуждения.

Когда Бабула не стало, Малодербетовцы при выборах правителя себе остановились на двоюродном брате Бабула—Чучее и 23 сентября 1799 года вошли к К. Ф. Кнорринту с просьбою об утверждении Чучея в должности правителя Малодербетовского улуса. Дело потребовало разных справок и затянулось на целый год. Только в августе месяце 1800 года оно получило решение в благоприятном смысле для Чучея,—он оффициально был признан правителем Малодербетовского улуса[213]). Это случилось, можно сказать, накануне утверждения императором Павлом I Чучея в звании наместника калмыцкого народа.

XIII.

Чучей Тундутов, наместник Калмыцкого народа.

Пока в астраханских канцеляриях тянулось дело о признании Чучея правителем Малодербетовского улуса, произошли новые осложнения с Большедербетовским улусом. В мае 1800 года этот улус, как сказано, перекочевал с Дона в астраханские степи. Он сделал это своевольно, не испросив раз-

---

211) АКА. Дело 1799 года, № 841, вязка 119, л. 2 об.
212) Там же, л. 21 об.
213) Там же, лл. 2, 11, 23 и 24.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

решения у властей. Донской атаман, генерал Орлов доложил об этом императору Павлу I. Тот вспылил и, отнеся уход калмыков с Дона на счет вообще безпорядочности в управлении Донского войска, 13 июня приказал Орлову „уговорить калмыков возвратиться на прежнее кочевье". Уговоры, однако, не привели ни к чему,—калмыки не хотели возвращаться на Дон. Они боялись обид и притеснений со стороны озлобленного казачества и донской власти, на которых невольно навлекли гнев императора, взявшего калмыков под свое покровительство. По поводу нового доклада Орлова, Павел от 19 июня писал: «Как вверенное вам войско лишилось оных калмыков глупостью и корыстолюбием своим, то и не намерен я теперь принуждать их соединиться опять к войску Донскому". 22 июня Павел послал в калмыцкую орду подполковника Сухарникова с „листом", в котором выражал свою волю: „Не видя (в уходе калмыков с донских кочевий) ничего противного подданству их престолу моему и не сумневаяся в в верности их, тем более, что самопроизвольно вошли в мое подданство,—во всех случаях покровительствовать им буду и позволяю оставаться кочевать в Малом Дербете, или в другом каком либо месте, где заблагоразсудят себе выгоднее". Покровительственное отношение Павла заставило калмыков вновь перерешить вопрос о месте постоянного кочевья. Ясно выразившееся благоволение к ним Павла склонило их возвратиться на Дон. Когда Орлов доложил императору о готовности калмыков вернуться на Дон, он 15 июля повелел Орлову „Иметь наистрожайшее смотрение, чтобы по злобе за их уход отнюдь никто не смел делать никакой обиды оным калмыкам; если же хотя малейшее притеснение им сделано будет не только вами самими, но кем бы то ни было из войска Донского, то вы мне за оное отвечать будете, под опасением лишения вашего места и состояния". Столь же решительная угроза звучит и в повелении Павла Орлову от 1 августа 1800 года: „Не вмешиваться никак в дела калмыцких орд, поелику хочу я, чтобы оные зависели от меня непосредственно, под опасением для вас в противном случае лишения чинов и всего моего гнева[214]).

Заступником калмыков пред императором был владелец Чучей, вызванный в Петербург вместе с ламою Собином и

---

214) *Е. Чонов*—цит. соч., стр. 27—28. *Г. Н. Прозрителев*—цит. соч., стр. 55—61.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

представителями от Больших Дербетов, для об'яснения по поводу происходящих нестроений в калмыцких делах. На основании сведений, данных Чучеем, Собином и другими калмыцкими депутатами об истинном положении вещей, Павел и писал свои грозные письма Орлову на Дон. 9 августа Большедербетовцы получили привиллегии: 1) избрать себе начальника, 2) быть независимыми от Донцов, 3) зависеть прямо от государя, 4) переписываться прямо с ним, 5) по делам же иметь соглашение с Иностранной коллегией, как то прежде бывало, и 6) по землям и сего рода сношениям—с генерал-прокурором"[215]).

Надо сказать, что вопрос о „начальнике" был уже разрешен для Большедербетовцев несколько раньше. По смерти их правителя Екрема Хапчукова, 1 го июля 1800 года Большедербетовцы остановили выбор на младшем брате Екрема Габун-Шарапе, и он был утвержден грамотою императора Павла I от 18 июля того же года[216]). Грамотою от 14 октября 1800 года, на имя владельца Малых Дербетов Чучея—тайши Тундутова, жаловались «Калмыцкому народу во владение его все те земли, от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся, и другие места, по коим предки их кочевья имели, опричь тех, кои именными указами уже пожалованы". Сам Чучей назначался наместником калмыцкого народа и других единоплеменных ему орд, а Собин лама утверждался первенствующим ламою калмыцкого народа, при чем Чучею были пожалованы: знамя, сабля, панцырь и собольи шуба и шапка, а лама Собин получил шубу и посох. Тою же грамотою возстановлялся калмыцкий суд Зарго при наместнике из восьми народных представителей-зайсангов, а калмыцкому духовенству особым указом предоставлялась свобода в отправлении религиозных обрядов. Права и преймущества, дарованные Чучею и калмыцкому народу были подтверждены грамотою императора Александра I, от 26 октября 1801 года, на имя наместника Чучея, но он был поставлен уже в зависимость от астраханского военного губернато-

[215]) АКА. Дело 1800 года, № 867, л. 2 и об.

[216]) АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133. Т. III, л. 210. Здесь приводится засвидетельствованная генералом Орловым копия с рескрипта Павла I на имя Орлова, от 18 июля 1800 года, которым Габун-Шарап утверждался „владельцем калмыцкой орды Большого Дербета". Поэтому, надо считать ошибочным показание зайсанга Никмара, из Туктунова рода, будто Габун-Шарап утвержден владельцем Большого Дербета 18 июля 1801 года. АКА. Дело 1822 года, № 1050, вязка 132. Т. I, л 220 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ра, хотя последнему, впрочем, предписывалось вступать в калмыцкие дела только тогда, когда того требует польза службы. В качестве руководителя калмыками в их делах, защитника интересов всего калмыцкого народа и ходатая за него пред русскими властями, назначался главный пристав калмыцкого народа, в подчинении которому должны были состоять частные пристава по улусам с функциями блюстителей порядка. Первым приставом был назначен Макаров, но в 1802 году он был заменен Н. И. Страховым, согласно избранию самого Чучея[217]).

13 июля 1802 года на речке Зельме состоялось торжественное об'явление калмыцкому народу грамоты Александра I от 26 октября 1801 года. По прочтении грамоты, Н. И. Страхов обратился к наместнику Чучею, владельцам, зайсангам, ламам, духовенству и народу с особою речью, выяснявшею права наместника и обязанности его под'властных, а также—круг деятельности суда Зарго и роль главного пристава калмыцкого народа, как посредника между калмыцким народом и русским правительством. Речь Страхова, только что прибывшего из Петербурга с инструкцией из Коллегии Иностранных Дел относительно политики в калмыцких делах, составлена в духе этой инструкции и, являясь, поэтому, важным историческим документом, заслуживает того, чтобы с нею ближе познакомиться. Указывая на то, что императорская грамота оставляет права калмыцкого народа во всей силе, Страхов внушал, что „первейшая обязанность" владельцев, зайсангов, духовенства и народа в отношении к наместнику есть „уважение достоинства и власти его", а затем „повиновение предписаниям наместника, поелику вверена ему вся исполнительная власть,— отношение к нему в делах и просьбах собственных своих и народных, ибо о нуждах каждого и всех удостоен он позволением писать прямо на имя в. и. в-ства". „Наместнику вверено смотреть за поведением обще всех и каждого человека, калмыцкий народ составляющих, — наблюдать, чтобы никто из зайсангов, принадлежащих владельцам, не выходил из должного повиновения и своевольно кочевья не пере-

---

217) *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 73—75. *М. Новолетов*—цит соч., стр. 60. *Г. Н. Презрителев*—цит. соч., стр. 37—38. Н. И. Страхов известен, между прочим, как автор издания: „Новейшее состояние Калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитв, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПБ. 1810».

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

менял; ему препоручается наряд и расчисление, сколько с каждого улуса поставить должно калмыцкого войска на службу в случае, когда о том предписано будет от Государственной Коллегии Иностранных Дел; чтобы дела, взносимые в Зарго, решены были без промедления; чтобы решения по делам тяжебным основаны были на беспристрастии, а уголовные—на строгом изыскании истины и гласе законов; равно предоставлено его власти содержание под стражею обвиняемых и отсылка осужденных по уголовным делам в российские правительства". По высокому и ответственному положению в народе, наместнику „надлежит уклоняться от утеснения народа, не приступать ни к каким насильственным налогам, но для содержания своего довольствоваться доходом с родового Дербетова улуса; буде же попечительностью своею заслуживает благодарность прочих владельцев, зайсангов, духовенства и народа, то добровольно, от искренности сердца даваемое принимать не возбраняется". „Судная расправа" и „присмотр за благочинием" предоставляются правительством наместнику в надежде, что „собственность и личная свобода каждого от своевольного употребления оной ни мало терпеть не будет, и что он, начальствуя и управляя на изъясненных основаниях, отнюдь не будет вмешиваться во власть и права, принадлежащие каждому владельцу над подвластною ему ордою". Говоря о своей роли быть „ходатаем", „руководителем" и „заступником" калмыцкого народа, Страхов предупреждает: „Если последует с чьей либо стороны присвоение непринадлежащих прав или неповиновение оным, тогда я, будучи свидетелем и посредником дел и происшествий, не оставлю каждого защищать и удовлетворять посредством дружеского соглашения к примирению, а в противном случае—за обиженного предстательствовать на основании наставления, данного мне по воле е. и. в-ства. Но о старых и недавно возродившихся враждах искренно открою, что они ни к чему другому послужить не могут, как к неприятным для спокойствия и чести следствиям, к похищению трудов, потребных для благоустройства подвластных своих, к нарушению дружества и согласия, необходимых для взаимного настояния об общенародных пользах, в которых надлежит заняться соединенными мыслями и советами". Страхов рекомендует „оставить и предать вечному забвению" все прежние жалобы и ссоры. В заключение, он обращается к духовенству с просьбою—содействовать укреплению между владельцами и зайсан-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

гами „миролюбия и дружества", а между народом — „братской друг к другу любви", предостерегая духовных лиц от вмешательства „в светские обстоятельства", „яко дело не только им неприличное, но и предосудительное"[218]).

С возведением Чучея в звание наместника, калмыцкий народ еще раз об'единился около своего национального вождя. Но это об'единение было больше внешним, чем внутренним. Утверждая Чучея наместником, правительство не вручало ему той полноты власти, какою пользовались прежние калмыцкие ханы. Пожалованные Чучею инсигнии наместнического достоинства относились к наружному декоруму, но не свидетельствовали об юридических правах, которые обозначались ими в свое время. Чучей, владельцы и калмыцкий народ были окружены штатом русских чиновников и без участия их не могли предпринять ни одного более или менее значительного шага ни в политическом, ни в административном отношении. Справедливо выражаются, что наместничество Чучея явилось только как тень старины[219]) и оказалось лишь слабым напоминанием о былом ханском величии. Естественно, что поставленный в ограниченные рамки деятельности, Чучей не мог ознаменовать своего правления чем либо выдающимся[220]), тем более, что правление Чучея было кратковременно и все, можно сказать, ушло на упорядочение дел по Дербетовскому улусу, сколько это позволяла возможность.

XIV.

Реформы в управлении Калмыцким народом по смерти наместника Чучея.

Наместник Чучей Тундутов умер 23 мая 1803 года В своем духовном завещании, подписанном 13 мая 1803 года, за

---

218) АКА. Дело 1802 года, № 892, вязка 122, лл. 35—37. В письме к графу Кочубею, от 21 июля 1802 года, сообщая о торжестве 13 июля, Н. И. Страхов, между прочим, говорит: «Духовенство Дербетевское чрез ламу вручило мне 500 рублей за доставление высочайшей грамоты, а зайсанги от всего народа поднесли 500 рублей, которые мною были приняты с из'яенением, что о таковом от народа из'явлении всеобщей радости донесено от меня будет вышнему начальству», л. 34 об.

219) *М. Новолетов*—цит. соч., стр. 60 и примеч. 37.

220) В память милостей императора Павла I калмыцкому народу, Чучей построил в Дербетовском улусе хурул и обязался материально поддерживать его до своей смерти. Проф. *А. М. Позднеев*—цит. ст., стр. 170.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

десять дней до смерти, Чучей отказывал „достоинство и звание“ наместника калмыцкого народа старшему сыну Эрдени тайши. Ему же он передавал две жалованные грамоты, знамя, медаль, соболью шубу и шапку, панцырь, саблю и карету. «Малый и Большой Дербет»,—писал наместник,—„оставляю в наследие детям моим на основании наших калмыцких прав и законов“[221]). 24 мая 1803 года Эрдени-тайши подал прошение главному калмыцкому приставу Н. И. Страхову об исходатайствовании надлежащего утверждения завещания, а до того времени, пока не последует это утверждение, просил Страхова об'явить завещание всему Дербетовскому улусу, „дабы всяк мог сие ведать и оказывать к нам, как к законным и и наследственным владельцам, должное повиновение“[222]).

Эрдени-тайши не напрасно хлопотал о немедленном об'явлении воли отца в Дербетах. На Большие Дербеты имел законное притязание владелец Габун-Шарап, по силе вышеуказанного рескрипта Павла I от 18 июля 1800 г. Чучей, составляя свое завещание, очевидно, не считался с правами Габун-Шарапа на Большие Дербеты. Разделение Дербетов на Большие и Малые Чучей, вероятно, признавал случайным явлением и, надо сказать, что с исторической точки зрения он имел основание так рассуждать, ибо до 1788 года Дербеты управлялись одним владельцем по преемственности от первого выходца из Джунгарии, владельца Солом Церена тайши[223]). Получив звание наместника калмыцкого народа, Чучей укрепился в мысли, что владельцем Больших и Малых Дербетов должен быть только он один. В этом духе Чучей и вел свою политику. Конечно, Габун-Шарап был недоволен поведением Чучея, лишавшего его возможности осуществлять власть над Большими Дербетами, и, имея себе сторонников, не стеснялся подчеркивать свое недовольство Чучеем. На торжество 13 июля 1802 года Габун Шарап не явился. Посланный к нему от главного калмыцкого пристава с приглашением на это торжество частный пристав, сотник И. Трухменцов 12 июля, накануне торжества, возвратил адресованный Габун-Шарапу конверт обратно Н. И. Страхову доложил, что Габун-Шарапа „по многому отысканию в доме его и в Торгоутовых улусах, нигде не отыскал, а по распрашиванию уведомился от калмык, что владелец Габун-Шарап назад тому нес-

221) АКА. Дело 1803 года, № 904, вязка 122, л. 9.
222) Там же, л. 8.
223) АКА. Дело 1822 года, № 1050, вязка 132. Т. II, л. 306.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

колько месяцев уехал в С.-Петербург[224]). Если калмыки говорили правду, значит Габун-Шарап стал искать в Петербурге защиты своих прав на Большедербетовский улус. Весною 1803 года Габун-Шарап находился в Георгиевске, откуда вел агитацию среди калмыков против Тундутовых и, как видно, небезуспешно, потому что в самый день смерти Чучея, 23 мая Страхов поспешил написать инспектору кавказской кавалерии генералу Шепелеву и главноначальствующему в астраханском крае, князю П. Д. Цицианову: „По известным из донесений моих обстоятельствам, улус Дербетовский остался в беспорядочном состоянии; по случаю же смерти наместника, неустройства и возмущения могут иметь опасные последствия, если не принято будет нужных мер к удержанию владельца Габун-Шарапа в Георгиевске и уничтожению распутств тех калмык, которые находятся под его предводительством“[225]). Что касается до ближайших мер к сохранению порядка по производству дел в суде Зарго, то Страхов того же 23 мая распорядился, чтобы важные дела в Зарго не решались без его ведома и утверждения. Относительно же устройства административной части у калмыков в будущем, Страхов имел свой особый взгляд, не совпадавший с надеждою Эрдени-тайши унаследовать наместничество и власть после отца.

За год пребывания в Калмыцкой степи, Н. И. Страхов имел возможность близко ознакомиться с положением калмыцких дел. Он вынес убеждение, что титул наместника для упорядочения калмыцкой жизни не имеет положительного значения, а скорее имеет значение отрицательное, так как внешняя помпа, окружающая наместника, вызывает зависть у других владельцев. Не достигает своей цели и суд Зарго, учрежденный при наместнике в степи, перекочевывающий с места на место и представленный судьями-зайсангами, неподготовленными к судебному делу и зачастую недобросовестными; самые законы калмыков устарели, и требуется уменье разбираться в них, как и применять их к изменившимся обстоятельствам времени. В этом духе Страхов написал доклад в Коллегию Иностранных Дел от 23 мая 1803 года. Свои соображения о необходимости реформы в суде Зарго Страхов еще раньше представлял государственному канцлеру, князю Куракину, от 12 ноября 1802 года, и князю П. Д. Цицианову от 29 ноября

224) АКА. Дело 1802 года. № 892, вязка 122. л. 18 и об.
225) АКА. Дело 1803 года, № 904, вязка 122, л. 10.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

того же года. Более подробно он развил свои взгляды теперь и свои соображения послал 11 декабря 1803 года Цицианову в виде доклада, под заглавием: „Сведения и мнения о калмыцком суде, именуемом Зарго".

Указав на беспорядки, вызываемые в Дербетовском улусе притязаниями Габун-Шарапа, и касаясь завещания умершего Чучея, Страхов в докладе от 23 мая 1803 года пишет: „Из дел известно Коллегии Иностранных Дел, что между калмыцкими владельцами, гордящимися славою бесславных своих предков и занятыми первенством поколений, об'являемых ими без всяких доказательств и письменных свидетельств, звание наместника калмыцкого народа производило зависть, вражду, докуки, разные клеветы и самые возмущения, которые до вступления моего в должность утруждали Государственную Коллегию Иностранных Дел. Из опытов и по местному пребыванию удостоверился я, что звание наместника калмыцкого не придает судной и полицейской расправе сего народа ни малейшей деятельности и совершенства, но напротив того, если бы случилось удостоиться сим званием владельцу, которого нрав и свойства не были бы очищены от свойственного сему народу упрямства, предразсудков, легкомыслия и сильного последования обычаям и вере своей, в таком случае совершенно невозможно будет определенному чиновнику исполнять полезные виды правительства, ибо калмыки признают в лице своего наместника уполномеченного и верховного исполнителя высочайшей воли е. и. в ства. Присоединенное к сему званию право иметь при своей ставке калмыцкий народный суд Зарго и обязанность моя повсюду вместе с оным странствовать заключает в себе многоразличные неудобства и вред: бедный народ по дальнему расстоянию лишается возможности отыскивать удовлетворение и защиту, прочие терпят убытки и находятся в великом затруднении, догоняя суд, беспрестанно с места на место передвигающийся. Зима останавливает судопроизводство, отчего происходит накопление тяжебных дел, упущения исследования уголовных, невинный же и страждущий от утеснения и насильств с горестью и сожалением видит, что в продолжение зимы не может он доказать своей правоты и прибегнуть к защите. Сверх описанных общественных неудобств и вреда, соединенных с званием наместника, происходят от оного и частные, потому что наместник почитает себя обязанным жить всех прочих владельцев пышнее и богаче, а от сего происходят налоги на

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

подвластных и неминуемое изнурение. Из'ясня о безполезности и вреде, происходящем от звания наместника"—прибавляет Страхов,—„признаю справедливостию, согласно духовному завещанию, пожаловать большому сыну Эрдени в потомственное владение высочайшие грамоты, медаль и прочие, означенные по духовной платья и вещи, чем, с одной стороны, исполнится последняя воля наместника и вознаградятся его заслуги, а с другой—отказ в утверждении наместником не столько будет огорчителен[226])".

В „Сведениях и мнениях", посланных Цицианову, Н. И. Страхов сначала приводит текст грамоты от 14 октября 1800 года о суде Зарго, затем характеризирует деятельность этого суда. „Зарго", говорит Страхов, „производит дела беспорядочно. Не имеет положенного времени к заседанию для рассмотрения жалоб; входящим и исходящим бумагам не ведет описи; редко, и не иначе, как по настоянию моему, делает письменные определения; дела хранит в небольшом сундучке на отчете безграмотных служителей, называемых яргачеями, отчего многие важные дела не только находятся в посторонних руках, но и совсем потеряны". И при наместнике, и без него за подсудимыми по уголовным делам нет надзора,—их отпускают, или они сами разбегаются до производства следствия; пересылка преступников для суда в присутственные места происходит „с величайшим затруднением и недостоверностью". „Судьи в Зарго избираются владельцами калмыцкими; они, будучи совершенно им подвластными, угождают прихотям и пристрастно держатся той стороны, которой благоприятствует владелец". Так как судьи—зайсанги материально зависят от владельцев, то „калмыцкий суд составлен из рабов, готовых решить участь, соображаясь гневу, или милости владельца своего. Столь безпредельное покорство воли и совести лишает народ правосудия, а судей и суд доверенности и уважения. Выбор в судьи людей безграмотных и склонных к пьянству довершает все прочие неустройства. Зарго не имеет в руководство и разрешение никаких законов, в доказательство чего, ежели благоугодно будет, доставлю самые те законы, известные под именем Прав. Они постановлены в диких степях под покровительством тогдашнего невежества, жестокосердия и безначалия. Число членов Зарго состоит ныне из восьми

---

226) Там же, лл. 14—15.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

человек. От сего излишества происходит одно только разномыслие и, следовательно, замедление в делах".

Изобразив печальное положение суда Зарго, Страхов предлагает Цицианову утвердить проект реформы Зарго, состоящий в следующем. Прежде всего, находит Страхов, суду Зарго необходимо быть в Астрахани. Затем, „необходимо нужно и полезно, чтобы судьи были не простые зайсанги и попы, а три владельца, избранные от каждой орды по одному только, а именно: от Дербетовской, Торгоутовской и Хошеутовской. От сего уничтожатся все злоупотребления и неправосудие, имеющие основанием безпредельное порабощение воли и совести. Владельцы по службе привыкнут к нашему судопроизводству, нравам и образу жизни, и правительство скорее получит успех в поселении калмык. Калмыцкие Права, составляющие закон их, необходимость требует переделать, применяясь настоящему состоянию сего народа, или написать совсем новый, в котором бы, удержав главнейшие основания калмыцких Прав, по всем прочим отношениям заимствовать существо из наших законов". На обязанности главного пристава, по мнению Страхова, должно лежать наблюдение, „чтобы решения суда основаны были на справедливости и законах, и дела производились без замедления". Кроме того, главный пристав должен быть облечен правом „смотрения за судьями и порядком в суде, или—сделать оный суд, при главном приставе, экспедицией при астраханском Губернском правлении". Далее Страхов говорит о составе канцелярии при суде Зарго и касается вопроса об источниках денежного содержания Зарго. „Владельцы, чаятельно",—находит Страхов,—„жалованья себе не потребуют", если они будут заседать в Зарго. „Наем дому и содержание оного для Зарго калмыцкие владельцы охотно бы приняли на свое попечение" [227]).

Доклад Страхова о безполезности наместничества возымел свое действие,—Эрдени тайши не был утвержден в звании, какое носил его отец. Дело о владении улусами несколько замедлилось решением. Габун-Шарапу правительство не могло отказать в удовлетворении его законных претензий на Большие Дербеты, но за годы управления Чучеем и после его смерти начавшийся процесс об'единения того и другого улусов привел к тому, что аймаки перемешались, и те, которые

---

227) Там же, лл. 21—24.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

раньше считались в составе одних Дербетов, теперь оказались в других. Трудно стало разграничить Большой и Малый Дербеты. Уже в 1805 году, при главном калмыцком приставе Крупинском, самим калмыкам было предоставлено добровольно решить, кому и к какому владельцу присоединиться: к Эрдени ли тайши, или к Габун Шарану. На основании свободного выбора и был тогда произведен раздел Больших и Малых Дербетов. Власть над Малыми Дербетами, в составе 3302 кибиток, получил Эрдени-тайши; на долю Габун-Шарапа пришлось 609 кибиток. Раздел окончательно был утвержден 14 июня 1809 года[228]). Суд Зарго остался в степи, в Малых Дербетах, но и он, и главный калмыцкий пристав были подчинены астраханскому военному губернатору. В 1816 году группа калмыцких владельцев стала хлопотать о переводе Зарго в Астрахань, но хлопоты не имели успеха. Сфера судебной деятельности Зарго стало суживаться. По распоряжению главного калмыцкого пристава Смолина, с 1818 года в суде Зарго стали рассматриваться одни гражданские дела, при том по искам не свыше 25 рублей, а в 1821 году, по указанию главнокомандующего астраханским краем А. П. Ермолова и по основанному на нем распоряжению астраханского губернатора И. И. Попова, компетенции Зарго были предоставлены дела по искам не свыше 5 рублей. Все более крупные гражданские дела, не говоря уже об уголовных, стали решаться в уездных и губернском русских судах по русским законам[229]). Эти стеснения не могли нравиться калмыкам; в действиях русской власти они справедливо усматривали нарушение своих коренных прав и старинных вольностей, утвержденных за калмыцким народом Павлом I и Александром I. С другой стороны, калмыки сознавали и то, что их древние законы в значительной степени устарели и не подходят к условиям нового времени. Еще наместник Чучей хлопотал о пересмотре и исправлении калмыцкого уложения и о приведении его „в согласность с потребностями народа", и в Коллегии Иностранных Дел с 1802 года принялись было за исправление калмыцких законов[230]). Ко-

---

228) АКА. Дело 1822 года, № 1050, вязка 132. Т. I, л. 220 об. и л. 233. Дело 1823 года, № 1055, вязка 134, л. 5 и об. (по второму счету).

229) АКА. Дело 1822, года, № 1049, вязка 132, лл. 1–3. Также *И. Черкасов* — «Краткий очерк административного устройства Астраханских Калмыков» в „Астрах. Губ. Ведом." за 1860 год, № 45, ч. неоффиц., стр. 280.

230) Проф. *Ф. И. Леонтович* — цит. исслед., стр. 31.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

нечно, Н. И. Страхов был осведомлен в этом и потому так настойчиво писал о реформе Зарго. Теперь распоряжения А. П. Ермолова и И. И. Попова, ограничивающие права Зарго, снова подняли на ноги калмыков. В Петербург полетели жалобы и прошения от наиболее энергичных и видных калмыцких владельцев, обратившие на себя внимание правительственных сфер, и там создалась почва, удобная для серьезных мероприятий по упорядочению административно-судебной части в калмыцкой степи, начало которым было положено в 1822 году.

XV.

Зинзилинское собрание 1822 года.

В привлечении внимания русского правительства к калмыцким делам в 20-х годах XIX столетия видную роль сыграли два владельца: Хошеутовский, князь Сербеджап Тюменев и Мало-Дербетовский Эрдени-тайши Тундутов, сын наместника Чучея. Оба они отличились в войну 1812 года[231]), и их голоса о нуждах калмыцкого народа имели вес в правительственных сферах. Эрдени-тайши особенно успешно работал в Петербурге по калмыцким делам. Астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову было известно,—и он писал о том главноначальствующему в астраханском крае А. П. Ермолову 10 апреля 1822 года,—что „Эрдени-тайши, по возвращении из С.-Петербурга, старался внушить владельцам, особенно родственникам своим, высокие мысли о сделанном ему там приеме и уверить, что ему обещано восстановить права суда Зарго и сделать их (калмыков) независимыми от местного начальства“[232]). Попов был сторонником руссификации калмыков и подчинения их в административно-судебном отношении русской власти. Он, видимо, с недоверием относился к дошедшему до него слуху о том сочувствии, которое сумел снискать себе Эрдени-тайши в Петербурге. Но это было так.

Назначенный 9 июня 1821 года к калмыкам в главные приставы А. В. Каханов, зарекомендовавший себя по службе на Кавказе в должности тифлисского полицеймейстера[233]), прежде-

231) Об этом *Е. Чонов*—цит. соч., стр. 37 и дал. *Г. Н. Прозрителев*—цит. соч., стр. 86—88. Сербеджап Тюменев участвовал в нескольких сражениях с французами. Эрдени Тундутов сам на войне не был, но снарядил из своих калмыков полк в 500 человек, команду над которым принял Джамбо, брат Эрдени.

232) АКА Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 50.

233) АКА. Дело 1821 года, № 1041, вязка 133, л. 1.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

де, чем вступить в отправление своих новых обязанностей, ездил в Петербург и ознакомился там с настроением правящих сфер в калмыцком вопросе. Отражая веяния этих сфер, Каханов, „не обинуясь“,—как пишет Попов Ермолову,—„открыл мне (Попову) свои мысли, что находит права калмыков и, особливо, суда Зарго потерянными, и что потому нужно их восстановить“[234]). Из Азиатского Департамента Министерства Иностранных Дел Каханов получил список „Древних калмыцких постановлений“, с указанием удостовериться на месте: „точно ли в нем содержатся законы, коими издревле калмыки руководствовались“, а также озаботиться, „чтобы уложение это приставом и судом Зарго, при первейших владельцах и ламах, было исправлено и потом внесено в министерство“[235]).

Очевидно, в Петербурге дело калмыков становилось серьезно и принимало благоприятный оборот для них. Это не нравилось губернатору Попову, и он ополчился против Каханова, в котором видел лицо, неправшее в руку калмыкам. Попов воспользовался тем обстоятельством, что среди калмыцких владельцов не оказалось единомыслия во взгляде на устройство суда Зарго, и против сторонников восстановления Зарго во всей прежней его силе и значимости образовалась партия владельцев, не сочувствовавших этому. Попов стал раздувать конфликт, возникший между калмыцкими владельцами, и это удалось ему сделать тем легче, что между Эрдени-тайши, главным поборником национального калмыцкого возрождения, и Большедербетовским владельцем Очиром-Ванджин-Убуши Ханчуковым была семейная вражда из за прав владения Большими Дербетами.

Дело в том, что когда в 1809 году владелец Больших Дербетов Габун-Шарап умер, то Эрдени-тайши показал начальству, что у Габун-Шарапа не осталось близких родственников, которые могли бы претендовать на Большие Дербеты, и на этом основании сам стал владеть ими. Между тем, у Габун-Шарапа оказался малолетний племянник от брата, по имени Очир. За его права вступилась мать—Бакбуш, стала хлопотать об улусе и добилась своего. В 1818 году главный калмыцкий пристав Смолин распорядился передать Большие Дербеты, в числе 491 кибитки, Очиру Ханчукову, но так как Смолин, по словам Эрдени-тайши, „не об'явил никакого повеления или воли вышнего начальства“, то Эрдени-тайши остался весьма обижен действиями Смолина,

---

234) АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 52.
235) Проф. *Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 32.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

а к новому владельцу улуса и к его матери возымел враждебные чувства. Да и многие зайсанги были озлоблены „непомерными поборами“ Очира с кибиток, в чем, впрочем, больше винили мать Очира, „распутную“ Бакбуш, под влиянием которой находился Очир[236]). Эрдени-тайши был озабочен возвращением в свое владение Большедербетовского улуса, и когда познакомился в Петербурге с только что назначенным в главные пристава Кахановым и рассказал ему свою „обиду“, то сумел так повлиять на Каханова, что тот склонился на его сторону и пообещал вернуть ему владения, находящиеся в роде Хапчуковых[237]). Вражда между Эрдени-тайши и Хапчуковыми приняла особенно резкие формы с момента Зинзилинского собрания, когда личные счеты владельцев и идейные расхождения двух партий по принципиальному вопросу о калмыцком законодательстве переплелись друг с другом. Каханов не сумел удержаться на нейтральной позиции чиновника, облеченного от министерства определенными заданиями оффициального характера, вмешался в личный спор Эрдени-тайши с Хапчуковыми и, приняв сторону Эрдени-тайши, до такой степени запутался в делах, что в конце концов поплатился увольнением от должности главного пристава.

События сложились так:

Каханов, по силе данного ему азиатским департаментом поручения—собрать калмыцких владельцев, лам и судей Зарго, чтобы совместно с ними рассмотреть и исправить древнее калмыцкое Уложение, 29 декабря 1821 года оповестил всех, наиболее значительных лиц из калмыков относительно полученного им распоряжения высшего начальства, а членам суда Зарго словесно предложил высказаться по поводу желательных изменений вообще в постановке судебного дела у калмыков. Пять членов Зарго в своем ответе, от 15 января 1822 года, нарисовали Каханову неприглядную картину царящих в степи судебных непорядков, происходящих, по их мнению, вследствие того, что калмыцкий народ лишен возможности судиться в Зарго на основании „коренных“ своих законов и по случающимся делам привлекается к русскому суду, где калмыков мало понимают и жестоко с ними обращаются. Прежде, когда калмыки могли судиться по своим законам в Зарго, таких

---

236) АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133. Т. I, л. 67; т. III, л. 211 об. и л. 216.

237) АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133. Т. II, л. 9.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

страданий, какие теперь приходится испытывать калмыкам на русском суде, не бывало. Прошедшие времена,—говорят члены Зарго,—вспоминаются теперь как „приятная мечта, виденная в сонном затмении", теперь настала „адская жизнь", и мы не знаем,—прибавляют судьи Зарго,—как избавиться от ужасной жизни. Несколько раз уже и прежде члены Зарго указывали своим главным приставам на бедственное положение калмыцкого народа и просили избавления, но те не обращали на эти указания и просьбы никакого внимания. Не калмыки виноваты, а начальство довело дело „до видимого теперешнего положения". „Что положение суда Зарго ныне в таком виде",—пишут члены Зарго Каханову,—то это произошло „ по непопечению к образованию его бывших прежде вас начальников, от коих мы, кочующий народ, не видали никогда ни малейшей к тому склонности, почему никакого порядка и знать не можем. А хотя и желаем всеми мерами соблюсти точность прежнего обыкновения нашего, но вероятна пословица, что (если) быть около белого, будешь бел, а около сажи—чорен". Члены Зарго обращаются теперь с просьбою к Каханову похлопотать о возвращении калмыцкому народу его прежних прав: тогда,—утверждают судьи, калмыцкий народ будет „извлечен из недр жесточайших мучений", для него настанет снова время благоденствия, и он „всеми мерами будет стараться наблюдать коренной свой закон"[238]).

16 февраля Каханов послал приглашение владельцам, ламам и членам Зарго собраться к 20 марта в селение Зинзили на берегу Каспийского моря, в 100 верстах от Астрахани к югу, для обсуждения важного дела по пересмотру калмыцких законов. Перед этим Каханов ездил к владельцу Сербеджапу Тюменеву, наиболее образованному и осведомленному лицу из калмыков по части древней их письменности, и совместно с ним и с его родственником, Эрдени-тайши Тундутовым, в течение месяца занимался подготовкой юридических материалов к предстоящему собранию в Зинзилях и организацией самого собрания. В целях привлечь больше внимания и сочувствия петербургских сфер к Зинзилинскому собранию, в азиатский департамент было отправлено составленное в доме Тюменева прошение, в котором указывалось на противозаконность распоряжений губернатора И. И. Попова о подсудности калмыцкому Зарго дел только по искам на сумму не свыше 5 рублей

238) АКА. Дело 1821 года, № 1045, вязка 131, лл. 7—10.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

и о передаче прочих дел в уездные суды, чем «беспричинно» нарушаются „коренные права и узаконения", пожалованные калмыцкому народу по высочайшим грамотам, и от чего весь народ „повергнутся может в крайнее убожество и совершенное бедствие". Противозаконные распоряжения губернатора Попова вынудили нас, — говорилось в прошении, — „всепокорнейше представить вам справедливую нашу жалобу и нижайше просить благосклонного принятия оной и внимательного рассмотрения вышеписанных обстоятельств, уничтожающих наши привиллегии, предоставить нашему Зарго руководствоваться всеми теми правами, высочайшими грамотами утвержденными. По основанию сих узаконений и собственных прав наших, рассматривать судебные дела и по оным чинить свои решения: важные же дела, по которым преступники заслуживают тяжкого наказания, рассмотрев по прежнему постановлению, преступников отсылать в российское судебное место для дальнейшего распоряжения и должного наказания. Г. астраханскому гражданскому губернатору и кавалеру Попову и прочим начальникам губернии предписать, чтобы они не дерзали самовольно, в отмену высочайшими грамотами утвержденных прав, делать новых постановлений и не могли нарушать решений, Заргом учиненных, входя в дела, непосредственно ему принадлежащие; те только бы решения, кои с их мнением не согласны, отсылали государственной коллегии иностранных дел в азиатский департамент, а сей бы, изъясня найденные в решениях упущения, представлял в прозорливое рассмотрение ваше. Таким то порядком, буде подтвердится право наших узаконений, весь народ восчувствует полное благоденствие, а противники сему уничтожат вредные свои мнения; после чего, Зарго, обращая внимание свое на коренные законы и распорядок, будет иметь попечительное действие по всему своему судопроизводству, изыскивая полезные способы к тишине и спокойствию народа". Под прошением подписались: хошеутовский князь, полковник Сербеджап Тюменев, дербетовский владелец, капитан Эрдени-тайши, владелица Яндыкова улуса Надмит, торгоутовский владелец Очир, хошеутовский владелец Батыр-Убуши, торгоутовский владелец Амха, торгоутовский владелец Мокусень, Яндыкова улуса лама Эрдени бакша, Гунзут-Молом гелюнг, Гепку-Замба гелюнг, зайсанги: Батур, Бадба, Убуши, Зодба, Замба и демичей Баксар, — всего 16 человек[239]).

239) АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, лл. 1—7 (по второму счету).

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Копия с этого прошения была доставлена И. И. Попову 9 марта 1822 года торгоутовским владельцем Церен-Убуши через посредство, как говорит Попов, одного русского торговца и была доведена Поповым до сведения А. П. Ермолова с пояснением, между прочим, что „распоряжение об отсылании калмык в русские судебные места по делам выше 5 рублей относится до одних дел уголовных и следственных“[240]).

Между тем, Ермолов уже получил из Министерства Иностранных Дел соображения и предположения по существу вышеизложенного прошения калмыцких владельцев. Спрашивая у Ермолова мнения по поводу этих своих соображений и предположений о производстве судебных дел у калмыков, министерство, с своей стороны, находило резонною жалобу на стеснение судебной деятельности калмыцкого Заргo разбором исков на сумму не свыше 5 рублей. Это распоряжение,—пишет Министерство,—„будет крайне обременительно для калмык, ибо известно, что они почитают себе даже за тягость давать лошадей для проезда главного пристава с несколькими чиновниками до места пребывания суда Заргo и для осмотра кочевья их, а равно для разъездов частных приставов; ныне же постановляется, дабы не только по открытым обстоятельствам в краже и отгоне скота, но по одному подозрению, следствия производились земскими судами, и чтобы все дела свыше пяти рублей подлежали рассмотрению оных; а как таковые дела случаются весьма часто,—ибо цена и одному барану выше пяти рублей,—то из сего следует, что будут беспрестанные наряды лошадей, один—для извещения земскую полицию о происшествии, а другие—для под'ема и провоза чиновников, иногда за 200 и 300 верст отстоящих от кочевья, где должно следствие производить. Таковой неминуемый чрезмерный и беспрерывный расход лошадей, хотя бы и не возбудил ропот в калмыцком народе, но не менее того не может не обратить внимание высшего правительства“[241]). Министерство, не касаясь на этот раз вопроса о пересмотре калмыцкого уложения, ясно определяет свою точку зрения на устройство административно-судебной части в Калмыцкой степи. Оно находит „приличнейшим“ тот порядок, по которому частный пристав, произведя следствие о совершенном в улусе преступлении, немедленно докладывает о том

240) Там же, лл. 16.
241) Там же, л. 1 и лл. 3 об.—4 (по первому счету).

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

главному приставу, „который уже изобличенных уголовных преступников с произведенным следствием отсылает куда следует в российское присутственное место для суждения, а вины, подлежащие полицейскому надзору, как равно дела тяжебные, предоставляет решению калмыцкого суда Зарго". Намечая далее порядок судопроизводства над калмыками по делам, вчиняемым русскими судебными учреждениями, и по преступлениям, совершонным калмыками вне территории калмыцких владений, министерство считает необходимым присутствие частного улусного пристава при всяком допросе обвиняемого калмыка, а суд над ним указывает производить по основному порядку, в зависимости от характера преступления, т. е. за уголовное преступление—передавать его русскому присутственному месту, за другие же вины—калмыцкому Зарго. Что касается до свидетелей из калмыков, или же калмыков, только подозреваемых в преступлении, то,—пишет министерство,—„не высылать их отнюдь в города для допроса, а чинить таковой допрос в кочевьях, и калмыка ни под каким предлогом не заключать в тюрьму, доколе преступление его законным порядком не обнаружится". „Сии суть примечания",—прибавляет министерство,—„которые представляются по настоящему положению дел в калмыцких улусах и которые основаны на духе народа, на пользе, от оного извлекаемой, и на правах, ему дарованных"[242]).

Имея столь ясно выраженное сочувствие к себе правящих сфер, калмыцкие владельцы могли работать на Зинзилинском собрании с энергией и верой в благоприятные результаты и в успех дела. Но губернатору, который очевидно, не разделял взглядов петербургского начальства, удалось раздуть несогласие, возникшее между двумя калмыцкими партиями, и повести, в сущности, на смарку всю работу Зинзилинского собрания Как видно из „Записки по предмету собрания калмыцких владельцев для исправления калмыцкого Уложения"[243]), составленной А. В. Каханов ым, собрание было открыто 19-го марта при весьма торжественной обстановке. Настроение членов собрания было восторженно—приподнятое. Они,—как сами выражаются,—приняли данную им правительством

---

242) Там же, лл. 4 об—5 (по первому счету).
243) Там же, лл. 83—86 (по второму счету)

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

задачу - пересмотреть калмыцкое Уложение — „за знаменитое поручение, с неизъяснимым восторгом и с живейшими чувствами благодарности". „По обряду и правил своих, от чистого усердия", все владельцы, за исключением Церен-Убуши, в ознаменование важного исторического момента сделали пожертвование в казну лошадьми, в числе 343 голов[244]). На другой день, 20 марта, — пишет Каханов, — „владельцы, ламы и члены Зарго, в присутствии моем начали рассматривать древнее их Уложение, на калмыцком языке писанное, а я — на российском, и, первую статью прочтя, об'явили все согласно, чтоб им было отсрочено на три дня для общего их совещания по родам их. Хотя я убеждал их, чтоб совещание то совершаемо было при моем присутствии в общем собрании, но успеть в том не мог и, по необходимости, должен был удовлетворить желанию их отсрочкою на три дня с тем, чтоб по истечении оных приступить к действию безостановочно и с большею основательностью".

25 марта занятия общего собрания возобновились. Члены собрания заявили Каханову, „что они калмыцкое Уложение по родам составили уже по своему соображению, которые и читали в общем присутствии одно после другого, а потом просили предоставить им несколько времени, дабы они могли между собою сии три новые произведения разсмотреть и составить едино Уложение. Хотя и в сем случае старался я", — поясняет Каханов, — „с своей стороны таковое намерение отклонить и убедить к общему совещанию в присутствии моем с принаровлением к данному мне от начальства Уложению, как о предмете, требующем основательных суждений и заключений, но за всеми настояниями вынужден был уважить собрание, предоставив, согласно желанию присутствовавших, сообразить сделанные ими начертания закона на том основании, чтоб оное совершено было в возможной скорости и потом бы приведенное ими в единообразие в общем присутствии, при бытности моей, разсмотреть и положить конец сему делу". Собрание осталось довольно решением Каханова.

31 марта состоялось последнее заседание, сопровождавшееся демонстративной выходкой некоторых владельцев, разросшейся потом в крупный скандал. Владельцы Церен-Убуши и Тапка совсем не явились на это заседание. Первый — сослался на

244) АКА. Дело 1821 года, № 1045, вязка 131, лл. 21—22. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 37.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

болезнь. Шурин Церен-Убуши, Очир Хапчуков и тесть последнего, зайсанг Онкор своим приходом заставили собрание дожидаться их несколько часов, и за ними Каханову пришлось посылать два раза. Когда они, наконец, явились, то собрание встретило их упреками, а Каханов сделал им оффициальное замечание за неисправность. «Потом",—пишет Каханов в своей Записке,—„начали читать составленное Уложение при совершенном спокойствии. По окончании чтения, уничтожили два пункта,—содержание какого, я не знаю,—по настоянию ламы владельца Эрдени Цыган Кичикова, и после стали прикладывать руки и печати, а у кого не было печатей с собою, то присылали с оными поверенных уже после собрания[245])".

В Записке Каханова не упоминается о том, что произошло чрез три дня, когда владельцы имели собраться еще раз на заседание. В ночь на 3 апреля Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков откочевали из урочища, а на утро Джалцан гелюнг принес в собрание владельцев текст Уложения, составленного Церен-Убуши. Разсмотрев это Уложение, владельцы не нашли в чем никакой „основательности" и признали его составленным „без соображения с правилами законов"; тем не менее, владельцы сочли необходимым передать Каханову это Уложение, подписанное кроме Церен-Убуши некоторыми подвластными ему зайсангами, для представлении главному начальству, „вместе с выработанным Уложением[246])". Каханов как-то вскользь замечает об Уложении Церен-Убуши в рапорте от 12 апреля к губернатору Попову: „других мнений о узаконении",—пишет он,—„ко мне ни от кого не поступило, кроме того, что при от'езде Церен-Убуши, при просьбе владельцев, представлен ко мне составленный ими закон, который еще не переведен[247])". Задачею рапорта Каханова было доказать Попову, что ничего особенного на Зинзилинском собрании, в смысле крупных столкновений между его участниками, не произошло, и что дошедшие до Попова сведения о каком то, якобы, принуждении владельцев Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова подписать Уложение, которому они не сочувствовали, совершенно не соответствуют действительности. Поэтому, недовольство Попова собранием и резкое осуждение собрания за «взаимную»,„будто бы, „вражду" и за „беспокойство", как писал Попов членам со-

245) АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, лл. 84—86.
246) Там же, лл. 70 об.—71.
247) Там же, л. 81 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

брания в письме от 9 апреля[248]), не имеют основания. когда было прочтено это письмо губернатора к владельцам, то все их собрание „об'явило мне",—рапортует Каханов, — „что между ними никаких неудовольствий нет", и что уже если следует кому сделать внушение, то тем, „кои из собрания уехали необыкновенным порядком"[249]).

Эти, „необыкновенным порядком" покинувшие собрание члены его были вышеназванные три владельца, из которых двое: торгоутовский владелец Церен-Убуши и дербетовский владелец Очир-Заиджин-Убуши Хапчуков приехали в Астрахань и здесь 5 апреля подали жалобу губернатору на Каханова, что тот, якобы, не захотел принять Уложения, выработанного ими совместно с багацахуровским правителем Онкором, багацехуровским ламою, эркеетеневским ламою и ламою торгоутовского владельца Эрдени Цаган Кичиковым. Не дав себе труда даже рассмотреть это уложение, Каханов, по словам Церен-Убуши и Очира Хапчукова, собрал составителей Уложения „нечаянно ночью" к себе, „многоразличными средствами" стал их „стращать" и „отменил" ту бумагу, на которой было написано Уложение[250]). Пред этим накануне, 4 апреля, губернатор получил посланное с места донесение владельцев Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова об отправке калмыцкими владельцами Тюменем и Тундутовым прошения в азиатский департамент, под каковым прошением они трое, несмотря на принуждение, отказались подписаться. Представляя губернатору копию неподписанного ими прошения, названные три владельца заявляли: „как мы, к оному прошению не учинив рукоприкладства, посему опасаясь, (то) полагаем так, чтоб из недоброжелательства и злобы к нам тот возмутитель, владелец Эрдени-тайши, не соединился бы с главным приставом Кахановым, (и оба они) не причинили (бы) нам каких либо из донесений своих начальству и на предбудущее время неудовольствий"[251]). Очир Хапчуков в своем особом прошении заявлял, что он считает Уложение, выработанное собранием в Зинзили, недопустимое „переменою" того старинного калмыцкого Уложения, которое составлено 82 года тому назад, и хотя он, Очир, подписался под ним и приложил свою печать, но сделал это не по доброй воле, а только по принуждению Каханова[252]).

248) Там же, лл. 43—44.
249) Там же, л. 82.
250) Там же, л. 21.
251) Там же, л. 17.
252) Там же, л. 19.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

6 апреля губернатор послал предложение Каханову приехать в Астрахань, по окончании дел на Зинзилинском собрании, для лйчной беседы с ним, губернатором, по поводу происшедшего. Губернатор предложил также приехать в Астрахань правителю Багацахуровского улуса Онкору и трем ламам, участвовавшим в составлении Уложения, забракованного на собрании[253]). Как видно, желая дискредитировать работу господствавшей на Зинзилинском собрании партии владельцев, губернатор выдвигал значение проекта Уложения, предложенного меньшинством, и, принимая под свою защиту это меньшинство, открывал поход, в сущности, почти против всего собрания калмыцких владельцев и солидарного с ними главного калмыцкого пристава Каханова.

Неожиданный от'езд Церена-Убуши и Очир-Занджина Хапчукова сразу же показал членам Зинзилинского собрания и Каханову, что дело принимает серьезный оборот, и что им предстоит борьба с губернатором. 6 апреля к И. И. Попову отправляется прошение, подписанное 39-ю участниками собрания, с изложением хода работ на собрании, причем в этом прошении значительное место отводится разсказу о неприличном поведении на собрании Церен-Убуши, Очир Занджина Хапчукова и их сторонников. Прежде, чем приступить к выработке Уложения, — пишут владельцы, — на первом заседании было решено, „чтобы всякий род из нас, а именно: Дербетовский, Хошеутовский и Торгоутовский составили на бумаге свои мысли и оные чрез три дня представили бы во втором собрании. 25 числа марта представили собранию всякий род свое положение. По прочтении же оных, признали мы основательными и сходственными положению и обстоятельствам калмыцкого народа мнение г.г. владельцев: Хошеутовского, полковника и кавалера Сербеджапа Тюменева и Дербетовского, капитана Эрдени-тайши Тундутова. Мнения их, по общему согласию, в некоторых пунктах мы исправили и составили один проект Уложения, который в третьем собрании ламов, владельцев, суда Зарго и зайсангов, по прочтении всенародно, согласясь утвердили"[254]). Церен-Убуши и Очир-Занджин Убуши Хапчуков не согласились с постановлением собрания, а Церен-Убуши внес в собрание, чрез бакшу гелюна, собственный проект Уложения. Однако, этот проект собрание не нашло годным и отвергло его. Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши

---

[253]) Там же, лл. 24—23.
[254]) Там же, лл. 29 об.— 30.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Хапчуков,—пишут владельцы, участники собрания, -„по молодости лет своих, будучи еще совершенно не опытны, к тому ж и научаемы от других, неблагомыслящих людей, а в особенности непостоянною и распутною в поведении владелицею Бакбушею, которая есть первому из них по жене теща, а последнему родная мать, к тому же и торговавший в улусе Церена-Убуши вином целовальник, отдающий ныне из процентов подвластным его калмыкам деньги, приводя их в разорение, грузин Семен Цимакуридзе, находясь также здесь при нем, Церен-Убуши, не оставлял преподавать обще с владелицею Бакбуш и свои советы к несогласию на признанное всеми нами полезным для калмыцкого народа Уложение, а как он всегда его слушает, то и советы те получили свое действие“[255]). Заявляя, что стремление Церен-Убуши заставить членов собрания принять его проект Уложения является свидетельством его „гордого мнения“ о себе, и что это—„чувствительная обида“ для членов собрания, „тем более, что по сей манере считает он нас не больше, как будто бы подвластными ему зайсангами“, самый же поступок его доказывает „презрение к дарованной от правительства милости“ и грозит поколебать общее „благоденствие“ калмыцкого народа, члены собрания просят астраханского губернатора подвергнуть Церен-Убуши и Очира Занджин-Убуши Хапчукова „для примера впредь прочим“ надлежащему взысканию, „чем“,—прибавляют просители,—„останемся весьма довольны“[256]) С своей стороны, и Каханов, рапортом от 6 апреля, просил губернатора „обратить действие закона“ на владельцев Церен-Убуши и Очира Занджин-Убуши Хапчукова, как на нарушителей „порядка и благопристойности“ своим поведением на собрании[257]). Но губернатор был на стороне двух этих владельцев, и 9 апреля послал вышеупомянутое обращение к членам собрания с упреками за нарушение порядка, тишины и спокойствия, а к Каханову пред'явил требование представить подробный отчет о деятельности собрания[258]).

Не дожидаясь ответа от Каханова, 10 апреля И. И. Попов отправил рапорт А. П. Ермолову о возникшем между участниками Зинзилинского собрания несогласии и о принятых им, как

---

[255]) Там же, лл. 30 об.—31 об.
[256]) Там же, л. 32 и об.
[257]) Там же, л. 41 об.
[258]) Там же, лл. 43—46.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

губернатором, мерах к прекращению дальнейших раздоров, главным виновником которых Попов считал Каханова, поддерживавшаго на собрании одну партию Эрдени-тайши и не дававшего возможности свободно действовать и высказываться другой партии Церен-Убуши и Очира Хапчукова. Не преминув упомянуть о 50 лошадях от Эрдени-тайши, 25 лошадях от Сербеджана Тюменева и о лошадях от прочих владельцев, предподнесенных Каханову на собрании, губернатор находил недопустимым дальнейшее пребывание Каханова в должности главного пристава калмыцкого народа,—он писал: „я не могу уже иметь о г. Каханове выгодного мнения и решительно заключаю, что он на настоящем его посте не заслуживает того доверия, которое начальство долженствовало бы иметь к нему, вверив попечению его целый народ, более нежели на 1000 верст обитающий“[259]). Рапорт Попова Ермолову от 10 апреля был не первый; 30 марта он секретно рапортовал Ермолову о нежелательном направлении, которое приняла деятельность представителей преобладающей партии на Зинзилинском собрании, поддерживаемой Кахановым[260]).

11 апреля Церен Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков подали губернатору ответы на данные им вопросы о ходе дел на Зинзилинском собрании, в которых, между прочим, указывали, что выработанное Эрдени-тайши Уложение, написанное на 30 листах, было прочитано на заседании все подряд, „без всякого понятия и истолкования“, и не рассматривалось по пунктам, вследствие чего не было возможности критически отнестись к нему. При быстром чтении Уложения, только торгоутовскому ламе удалось уловить два „противные пункта“ и заявить о несогласии с ними. Эрдени-тайши принял заявление ламы в резон и собственноручно вырвал из рукописи два листа, на которых было изложено содержание этих двух пунктов. „Если бы сие Уложение его позволено было читать с вероятным рассуждением“,—говорили Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши Хапчуков,—„то можно было бы извлечь из него и многие вредные и сумнительные пункты“. Вообще, это Уложение „малополезно“ для калмыцкого народа, — находили оба владельца. Разсказав, как их принуждали подписать Уложение, и каким обидам и угрозам подверглись они за отказ подписаться со стороны главного пристава Каханова, почему то здесь же выговаривавшего Очиру-Занджин-Убуши его женитьбу в 18-ти летнем возрасте,

---

[259]) Там же, л. 51.
[260]) Там же, л. 47.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

оба владельца представляли губернатору список выработанного ими Уложения и высказывали уверенность, что „если бы главный пристав руководствовался точно таковыми благоразумными правилами, каковые из'яснены в начале данного нам предписания в. п-ва и согласно с сими правилами препозировал бы нам свои мнения без всякого принуждения, оставя на власть и свободу каждого сочинять Уложение по своему образу мыслей, то бы окончено было оное в скорости лучшим и исправным порядком, без всяких споров и вражды между владельцами“[261]). Как видим, оба владельца, подобно губернатору, направляли свой удар тоже против Каханова. Отсутствие обсуждений при чтении Уложения на собрании, а также принуждение к подписи Уложения удостоверили и ламы, вызванные губернатором в Астрахань[262]).

12 апреля Каханов ответил И. И. Попову на его бумагу от 9 апреля. Понимая, какое значение имеет выходка владельца Церен-Убуши, Тапки и Очира Хапчукова для калмыцкого дела и лично для него, Каханов посвящает большую часть своего ответа изображению в неприглядном свете поведения этих владельцев на собрании, при чем проводит мысль, что предосудительное поведение их на собрании есть результат „предварительных подстреканий“ со стороны „неблагомыслящих людей“, и если теперь Церен-Убуши и Очир Хапчуков, приехав в Астрахань с жалобою, „навлекли тем неудовольствие, то источник сего зла должен проистекать от кого либо из Астрахани“[263]). Конечно, этими словами Каханов хотел сказать не то, что он считает приехавшего в Астрахань грузина Семена Цимакурадзе и владелицу Бакбуш главными подстрекателями Церен-Убуши и Очира Хапчукова; Каханов намекает Попову, что *его* он считает главным виновником калмыцкой смуты, и что чуть ли не по *его* директивам и указаниям работает Семен Цимакурадзе, и действует на сына и зятя владелица Бакбуш. В докладе Ермолову от 10 апреля Попов аттестует Каханова, как неблагонадежного чиновника; теперь, в своей бумаге от 12 апреля, Каханов как бы говорит Попову, что он знает, с кем имеет дело и принимает вызов на борьбу. Борьба между Поповым и Кахановым действительно тут же и началась, но беда Каханова была в том, что он оказался неисправен по службе с

---

[261]) Там же, л. 56 об.
[262]) Там же, лл. 145—146 и 149—150.
[263]) Там же, лл. 78 об. и 79 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

точки зрения формальных требований, и не безупречен в моральном отношении Это обеспечивало победу над ним губернатора, но, к сожалению, должно было печально отразиться на главном — на благополучном завершении важного дела по пересмотру калмыцкого Уложения. Из-за всех этих интриг, начатое дело остановилось на полдороге, и работа Зинзилинского собрания ни привела к тому благоприятному результату, которого можно было бы ожидать, если бы она прошла мирно и гладко...

Отвечая на требование губернатора представить ему текст Уложения, утвержденного в собрании, а также мнение по поводу этого Уложения, Каханов заявляет, что Уложение переводится сейчас на русский язык; по переводе, оно будет подвергнуто новому рассмотрению в общем собрании при участии его, Каханова, — „и тогда уже, по окончательном исправлении и утверждении разсматривавших лиц". — пишет Каханов, — „имеет быть представлено к в. п-ву с моим о нем мнением, а в настоящее время нельзя еще удовлетворительно выполнить вашего требования по предмету сведений о исправлении оного". Упомянув о проекте Уложения, поступившем от Церен-Убуши, Каханов говорит, что и этот проект еще не переведен на русский язык. Вообще, же заявляет Каханов, порученное ему дело по исправлению калмыцкого Уложения настолько сложно, что „оного привести в исполнение не иначе можно, как по долговременном испытании разных к тому относящихся сведений и по соображении оных существенно в отношении владельцев и народа и дойдя до истины основательным порядком, тогда уже можно будет составить положительное заключение, в каковом предмете, однакож, не так скоро можно успеть с достоверностию[264])".

16 апреля И. И. Попов получил донесение, подписанное четырьми владельцами, четырьми ламами, членами суда Зарго и зайсангами-участниками Зинзилинского собрания. В этом донесении, от 13 апреля, они отклоняют от себя обвинение в том, что их собрание „окончилось, яко бы, несогласием и раздором", как пишет губернатор в своей бумаге к ним от 9 апреля. Никакого раздора и несогласия на собрании не было. Наоборот, — пишут участники собрания — „с согласием, чистосердечием, ревностию и попечительностью о благе и пользе народной принялись мы за исправление своих законов, кото-

[264]) Там же, л. 81 и об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

рые общими советами, по мере познаний наших, исправили и утвердили своими печатьми и подписмом. Но, к совершенному сожалению и огорчению нашему, при всех тщательных стараниях в удержании всех в единодушии и кротости, открылись сердца, тлившиеся личною злобою и ненавистью у молодых и неопытных двух владельцев, Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши, руководимых распутною их матерью, владелицею Бакбуш и прочими неблагомыслящими людьми. Хотя с самого начала собрания нашего и приметна была на лицах их порочная гордость, зависить и злоба, даже самое невнимание к милостивым попечениям благонамеренного правительства, но насколько возможность позволяла, старались благовидными образами советов и внушений удержать их в границах дружества и согласия к обще-народной пользе Но, к несчастию нашему, они столь остались нечувственны и непреклонны к нашим советам, что не только презрели их, но даже искра разврата так сильно вкоренилась в сердца и умы их, что они, не могши скрыть далее своей личности, без спроса и позволения главного пристава оставили место собрания и уехали ночью в Астрахань, отколь уже чрез посланных своих зайсангов Дамбу и Самтана распустили здесь в народе такую молву, что они не только весьма благосклонно приняты в. п-вом, но и уверены во всяком покровительстве в несправедливом их деле противу всех нас, желая тем посеять разврат и в нашем согласном обществе не для чего более, как только к прикрытию самовольства и непослушания своего и к помрачению понятия нашего о благоволении правительства". Не доверяя разным слухам, члены собрания надеялись, что губернатор отнесется к ним сочувственно, а тех владельцев, которые явились к нему с жалобой в Астрахань, вернет обратно и заставит продолжать участие в заседаниях собрания. Но вышло не то. Мы,—пишут члены собрания,—„к пущему нашему сожалению, получили выговор, которого ни мало не заслужили, и посему чувствуем себя и более обиженными. О чем об'являя в. п-ву во оправдание свое, честь имеем донести, что до сего времени между нами никакого разстройства и несогласия не было, но как были, так и есть мы все единодушны и согласны. —А что владельцы Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши не понимают и не исполняют соизволения правительства и от нас отделились в Астрахань, поселяя теперь раздор в народе, тому мы ни мало не виноваты. Да и если, против чаяния нашего, будут иметь в том

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

некоторый успех, то также покорнейше просим и в том виновными нас не почитать, потому что мы с своей стороны, сколько возможность дозволяет, печемся и стараемся о благе, пользе, тишине и спокойствии народном; забыв на сей раз все личности, следуем во всем благонамеренным к нам милостям правительства, которые и пребудут памятником в душах наших потомственно. Поступки же владельцев Церен-Убуши и Очир-Занджин-Убуши предаем благоразсмотрению в. п-ва, и если за всем тем заслуживают они более всех нас доверия, то мы истинно несчастны, потому что не последовали их примеру"[265]).

22 апреля И. И. Попов послал доклад А. П. Ермолову о калмыцких делах. Сообщая о полученных донесениях от членов калмыцкого собрания, Попов говорит, что эти донесения „исполнены дерзкими выражениями и увертливостью", и автором их, „по всем вероятностям", является главный пристав Каханов; что же касается двух молодых владельцев, которых так осуждают члены собрания за их молодость, неопытность и неуважительное отношение к собранию, то „сии неопытные и развратные молодые владельцы",—пишет Попов,—„гораздо скромнее и уважительнее в своих выражениях даже и против тех самых, на кого жалуются. Я должен только присовокупить (очевидно, в виде комплимента молодым „благонамеренным" владельцам), что при двух личных свиданиях я советовал им отправиться в общее собрание, но они решительно отозвались, что им делать нечего, когда видят, что их голос не уважается, и при том слышат одни оскорбительные ругательства и угрозы". Главным виновником происходящих раздоров среди калмыцких владельцев губернатор по прежнему считает Каханова. Он, „пользуясь невежеством и слабостью калмыцких владельцев, возмущает дух их неуважительными к начальству внушениями и, заставляя их подписывать токмо сочиняемые им дерзости, сам,—и то наконец уже,—под сею эгидою принял вид как бы попечительного исполнителя предписаний моих. Предлагаю на собственный суд ваш, могу ли по моим правилам, по привычке к духу военной субординации, смотреть равнодушно на подобную дерзость?—Я вынужден покорнейше просить вас, дабы для блага службы и самого спокойствия вверенной мне губернии повелели кому-либо из известных вам чиновников произвесть строжайшее о поступках г. Каханова исследование и,

[265]) Там же, лл. 111—112.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

предав его строгой законной ответственности, тем избавили меня от сего беспокойного и вредного чиновника, ибо я могу удостоверить в. в-ству, что до его прибытия со стороны калмыков все было совершенно спокойно и тихо, и я кроме уважения и покорности к распоряжениям начальства ни от одного владельца ничего иного не замечал". Наконец, губернатор не считает возможным оставить без взыскания и членов собрания. Он ставит им в вину в особенности последнюю их резкую бумагу. „Что касается до последнего дерзновенного поступка хотя невежественных, но не менее хитрых калмыцких владельцев, которые, как из многих дел я усматриваю, всегда готовы во всем извинять себя своим азиатством, весьма, впрочем, понимая излишнее к ним снисхождение правительства, то"—пишет Попов,—„меру и образ взыскания с них, и особенно—с Эрдени-тайши, которое нужно для примера другим, я предаю собственному в. в-ства благоизволению"[266]).

В последних числах апреля месяца А. В. Каханов приехал в Астрахань. Но на требование губернатора представить ему список калмыцкого Уложения, составленного на Зинзилинском собрании, Каханов отозвался невозможностью сделать это в скором времени, так как перевод калмыцкого текста на русский язык еще не докончен, и самое дело составления Уложения еще не завершено. К выработанному Уложению,—докладывал Каханов Попову 15 мая,—требуется сделать дополнения, применительно к местным особенностям в укладе калмыцкой жизни по разным улусам, для чего калмыцкие владельцы должны будут снова с'ехаться на собрание, где заслушают и мнения главного пристава по отдельным статьям Уложения. Теперь участники собрания уехали в свои летние кочевья, где их ждут дела по хозяйству[267]). Из приложенной к рапорту Каханова записки на его имя от участников собрания видно, что пред от'ездом своим они вновь рассматривали Уложение в общем собрании, нашли некоторые статьи Уложения „недостаточными" и исправили их „на особых бумагах с пополнением, вдобавок к тому, других статей, не вписанных в том Уложении, числом 46 пунктов", что и утвердили печатями и рукоприкладством. Считая с своей стороны дело законченным, участники собрания, однако, оговариваются: „Ежели в исправленном нами законоположении еще найдены будут какие-ни-

---

[266]) Там же, лл. 135 об.—138.
[267]) Там же, лл. 189—190.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

будь недостатки, требующие пополнения к пользе народа, то мы доверяем вашему (Каханова) разсужденью и рассмотрению с тем, чтоб благоволили в свое время нам показать"[268]).

Собственно, в предписании министерства иностранных дел Каханову о пересмотре калмыцкого Уложения не указывалось срока, в течение которого должна была быть выполнена работа по этому большому и весьма сложному делу. Но губернатор, как видно, разсуждал иначе. Он находил, что коль скоро Уложение разсмотрено владельцами, скреплено их подписями и утверждено печатями, а в руках Каханова имеется текст старого Уложения на русском языке, то Каханову нечего отговариваться разными предлогами и оттягивать подачу документов губернатору,—он должен сделать это немедленно[269]). Очевидно, Попов и Каханов различно представляли себе задачу Зинзилинского собрания. Попов мыслил ее себе только как пересмотр старого калмыцкого Уложения, с оценкой каждой статьи его, в виду изменившихся условий времени. Каханов же и члены Зинзилинского собрания мыслили свою работу, как составление, в сущности, нового Уложения, диктуемого желанием обезпечить известную долю автономии за калмыцким народом и сохранить больше власти за владельцами, чем за русскими чиновниками. Попов рекомандовал Каханову „сознаться в ошибке"—признать данную им постановку дела на собрании неправильною. Он не отпускал Каханова в Калмыцкую степь под предлогом непредставления им Зинзилинского Уложения, но, кажется, держал его в Астрахани больше из-за опасения, как бы пребывание Каханова среди калмыков и дружба с Эрдени-тайши не подали повод к новым раздорам среди владельцев[270]). Каханов не спешил представлять Уложение, ссылаясь на переобремененность очередною работою переводчика Горшкова, и настаивал на разрешении губернатором от'езда его из Астрахани в степь. „Чему я должен следовать",—спрашивал Каханов Попова рапортом от 23 мая,—„данной мне от высшего начальства инструкции (постоянно находиться среди калмыцкого народа), или вашим повелениям"?[271]). Попов не внимал доводам Каханова и не отпускал его из Астрахани в степь. 29 августа и А. П. Ермолов потребовал от губернатора представить ему список нового калмыцкого Уложения. 10 сен-

---

[268]) Там же, л. 192 и об.
[269]) Там же, л. 195 и об.
[270]) Там же, л. 210.
[271]) Там же, л. 199.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

тября Попов ответил Ермолову, что „медленность в исполнении сего повеления происходит от уклонения главного калмыцкого пристава Каханова, который, за всем моим настоянием о исправлении русского перевода сего Уложения, до сего времени ко мне оного еще не представил, ссылаясь на неимение чиновников при Калмыцком управлении и времени по обширным его занятиям. Предписав еще ныне главному приставу о неотложном сего исполнении, я, по получении и рассмотрении оного, в тож время представлю в. в-ству с моим на все заключением“[272]).

Того же 29 августа А. П. Ермолов на основании полученного из Министерства Иностранных Дел указания, предписал И. И. Попову разрешить отъезд Каханову в Калмыцкую степь и вступить в отправление его обязанностей[273]). Теперь Попов уже не мог удерживать Каханова в Астрахани. Пред отпуском в степь, он, однако, „изъяснил“ Каханову, что „от поступков его будет зависеть совершенное спокойствие калмыцкого народа, и что всякие расстройства и беспорядки останутся на непосредственной его ответственности“. Соображая, что „источник“ ожидаемых в степи „расстройств“ и „беспорядков“ продолжает находиться в Астрахани, Каханов 22 сентября из степи задает Попову коварный вопрос: „Не дошли ли (до губернатора) сведения о замыслах между кочующими насчет умножения, или продолжения беспорядков?“—А в это время как раз приехала в Астрахань владелица Бакбуш, мать владельца Очир-Занджин-Убуши и остановилась сначала в доме капитана Потапова, а затем перешла на квартиру к грузину Семену Цимакуридзе[274]).

Пожив некоторое время в Астрахани, Бакбуш возвратилась в степь, а вскоре вслед затем в степи произошли крупные события. Подвластные Бакбуш калмыки напали на владения Эрдени-тайши и захватили его аймачных калмыков с лошадьми; когда же Каханов поехал на обследование дела в улус Очира Хапчукова, то в нескольких верстах от ставки владельца натолкнулся на целое калмыцкое войско в полной боевой готовности, с четырьмя знаменами, разделенное на три колонны, общею численностью в тысячу человек. „Избегая могущих случиться неприятностей“,—пишет Каханов в докладе А. П. Ермолову от 31 октября,—я „приказал канцелярии и экипажам поспешнее следовать назад, а сам со всеми бывшими при мне на лошадях прикрывал оные. Но как

[272]) Там же, лл. 208—209.
[273]) Там же, л. 210 и об.
[274]) АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133. Т. IV, л. 5 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

только поехали поспешнее, то толпа сих бунтовщиков бросилась за нами, оттерла нас, а канцелярию и экипажи с чиновниками захватили и тут же калмыка Меме, жестоко ранив, повергли на землю; прочие все со мной, видя неизбежную гибель от нападающих в великом множестве вооруженных и пьяных людей, приготовившихся к бою против незначительного числа не имеющих ни оружия (кроме бывших при владельце Джамботайши нескольких человек с ружьями, препровождавших его по их обыкновению, но и оным от меня строго воспрещено было не делать ни одного выстрела), и ни намерения вступить с ними в бой, убегая, будучи преследуемы сими разбойниками, которые вооружены были пиками, дубинами, ружьями, кинжалами и приделанными на длинных шестах кинжалами, каковое преследование продолжали более 40 верст. На сем пространстве переколото до 30 лошадей, а людей, на них бывших, изранили и избили жестоко, ограбив до нага, с остальными ж до 10 человек, видя из них в дальнем расстоянии по флангу старающихся пресечь путь, продолжая мы оный более 50 верст, прибыв ночью в аймак, подвластный владельцу Эрдени, несколько дав отдохнуть лошадям, пустились далее, опасаясь от преследования необузданного народа, поощряемого к буйственным поступкам владелицей Бакбуш, дающей повод им к воровствам и грабежам". Отъехав еще верст за 40, Каханов почувствовал себя в безопасности. Прибывшие на другой день чиновники доложили Каханову о разгроме калмыками дел канцелярии и имущества, находившихся на экипажах, и сообщили, что нападавшими калмыками командовала сама владелица Бакбуш. По соображениям Каханова, нападение на него не было делом какого-нибудь простого случая, но оно заранее было подготовлено владелицею Бакбуш. Члены суда Зарго сообщили Каханову, что Бакбуш, по возвращении из Астрахани, уверяла калмыков, будто губернатор приказал ей захватить Каханова, избить и представить к нему, канцелярию разграбить, а все экипажи сжечь. Такой сенсационный слух распространился тогда по всей степи[275]).

Докладывая о происшествии А. П. Ермолову, Каханов просил его назначить для расследования этого дела особого чиновника, только не из числа астраханских, или имеющих с ними родство, а человека постороннего[276]). Однако, почему то просьба Каханова не была удовлетворена Ермоловым. Прошел год, в течение которого страсти заинтересованных сторон разгоре-

[275]) Там же, лл. 3—4.
[276]) Там же, л. 6 об.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

лись еще больше, раздоры между владельцами увеличились, сам Каханов наделал ряд ошибок и запутался в делах, на него посыпались жалобы Ермолову, вследствие чего, приказом Ермолова от 25 октября 1823 года, он был удален от должности главного пристава калмыцкого народа „за разные беспорядки и расстройства, допущенные им в калмыцком народе", как сказано в оффициальной бумаге об удалении Каханова, с преданием суду[277]). И только тогда чиновники Коломийцев и Кишкин были назначены Ермоловым произвести „строжайшее и беспристрастное исследование" происшествий в калмыцкой степи[278]). Неисправность Каханова по службе была доказана, и он поплатился увольнением от службы; но не удалось вполне оправдаться и главным врагам Каханова, владелице Бакбуш с сыном ее Очиром. Впрочем, Очир остался недоволен следствием Коломийцева и 18 марта 1824 года написал ему такое обидное письмо[279]), что оба чиновника—Коломийцев и Кишкин нашли невозможным для себя дальнейшее производство следствия. 30 марта они послали прошение А. П. Ермолову об освобождении их от следовательских обязанностей, в виду заявленного Очиром подозрения в их пристрастности[280]).

Судебное следствие в Калмыцкой степи, производившееся в 1823 и 1824 годах, а также смерть 2 мая 1823 года Эрденитайши, самого главного деятеля по выработке калмыцкого Уложения, печально отразились на судьбе работ Зинзилинского собрания. 11 марта 1825 года были опубликованы „Правила для управления калмыцким народом", касающиеся административного устройства и управления калмыков. Общего Уложения правила не затрагивали. В §§ 57 и 58 этих Правил говорилось лишь, что «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому Уложению, обычаям и обрядам. На сей конец, законы сии, обычаи и обряды калмыцкие, быв приведены в известность, рассмотрены высшим начальством и утверждены, будут напечатаны на их языке с переводом и об'явлены для всеобщего между сими инородцами сведения». Действительно, учрежденная в 1825

[277]) АКА. Дело 1823 года № 1057, вязка 134, л. 1.
[278]) АКА. Дело 1822 года, № 1054, вязка 133. Т. III, л. 147.
[279]) Там же, т. IV, лл. 51—52.
[280]) Там же, лл. 44—45. Судебное дело о Каханове тянулось еще несколько лет, а затем было прекращено. В 30-х годах XIX столетия А. В. Каханов жил в своем имении близь г. Енотаевска в соседстве с Багацохуровским улусом и, между прочим, успешно занимался оспопрививанием у калмыков. *Н. Нефедьев*—цит. соч., стр. 129.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

году Комиссия калмыцких дел составила свод древнего устава 1640 года с постановлениями Зинзилинского собрания 1822 года, при чем исключила из проектировавшегося Уложения статьи старого устава, потерявшиеся силу, в особенности статьи по военным и уголовным делам, по которым калмыки стали подсудны русским законам. Составленный на этих основаниях „проект" нового калмыцкого Уложения был представлен Комиссией калмыцких дел высшему начальству в 1827 году, вместе с замечаниями Комиссии на отдельные статьи Зинзелинских постановлений. Работа комиссии 1827 года не имела, однако, практических результатов. „Положения" об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 годов тоже не касались общего калмыцкого Уложения, чем предоставлялась возможность калмыкам судиться и по русским общим законам, и по местным их обычаям и законам. На практике улусные суды Зарго лишены были возможности применять древние калмыцкие законы при разборе тяжебных дел между калмыками вследствие того, что эти законы почти никому не были известны. Древние калмыцкие законы, этот „источник калмыцкой мудрости", как отзывается о них К. И. Костенков только в конце 70-х годов прошедшего XIX столетия обратила на себя научное внимание проф. Ф. И. Леонтовича[281]), и в 1880 году он посвятил ему особое исследование[282]), оставляющее, впрочем, многие вопросы исторического и юридического характера не решенными.

XVI.

Несколько общих замечаний о Зинзилинских постановлениях.

На Зинзилинском собрании калмыцких владельцев, духовенства, членов суда Зарго и зайсангов образовались две партии. Одна, преобладавшая, имела своими представителями Эрдени-тайши Тундутова и Сербеджана Тюменева; другая пар-

[281]) Проф. *Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 31—34.

[282]) *Он же*—„К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть I. Одесса 1880". Вообще надо сказать, что даже при наличности ценных исследований проф. Ф. И. Леонтовича и проф. К. Ф. Голстунского, калмыцкое право остается недостаточно разработанным в науке. Западным историкам права оно еще меньше известно, чем русским. По крайней мере, в капитальном труде: I. Kohler und L. Wengler—„Allgemeine Rechtsgeschichte. I. 1914. Berlin und Leipzig", s. 55—56, ему отведено всего несколько строк, при чем здесь не обнаруживается знакомства с результатами исследований профф. Леонтовича и Голстунского.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

тия, более слабая, возглавлялась владельцами Цереном-Убуши и Очиром-Занджин-Убуши Хапчуковым. Та и другая партия выработала свой проект калмыцкого Уложения. Проект первой партии включал в себе 46 статей и первоначально был написан на 30 листах[283]). На сколько статей расделялся второй проект, и каков был размер его, по архивным данным не видно. Первый проект на самом собрании выдержал несколько редакций, при чем разъезжавшиеся в мае месяце 1822 года участники собрания в своем заявлении главному калмыцкому приставу А. В. Каханову указывали на возможность и новой редакции Уложения. В издании Зинзилинских постановлений проф. Ф. И. Леонтовичем, Уложение разделено на 224 статьи, но так как некоторые статьи повторяются, то в действительности их оказывается всего 162 статьи. Проф. Леонтович высказывает догадку, что Зинзилинское уложение первоначально имело иную *редакцию*, отличную от той, какую оно получило „в обработке комиссии 1825 года"[284]). Требуется конечно, специальное исследование, чтобы установить эту первоначальную редакцию Зинзилинских постановлений. Но, принимая во внимание цифру статей, указываемую для Уложения участниками собрания—46, можно думать, что они сочли необходимым сгруппировать в одно целое только те статьи, которые были выработаны ими самими, но не включили в свой сборник статьи Ойратского Устава 1640 года и статьи уложения Дондук-Даши. Соединила все это вместе Комиссия 1825 года. В распоряжении Комиссии были и статьи Уложения, выработанные другою партией на Зинзилинском собрании. Они фигурируют в издании проф. Ф. И. Леонтовича, как „мнения *двух владельцев*". Два владельца—это, очевидно, Очир-Занджин-Убуши Хапчуков и Церен-Убуши. С их именами в Уложении соединяется более 100 статей. Характерную черту этих „мнений" составляет заметная тенденция держаться старины, что не так заметно в статьях противной партии. Новые веяния, впрочем, отображаются и на них. Например, два владельца решительно высказываются против вмешательства духовенства в светские дела[285]), о чем, как мы видим, еще главный калмыцкий пристав Страхов поучал калмыцкое духовенство на собрании 1802 года[286]).

---

[283]) См. выше, примеч. 268 и 261.

[284]) Проф. *Ф. И. Леонтович*—цит. исслед. (в примеч. 282), стр. 172.

[285]) Там же, стр. 176—178.

[286]) См. выше, примеч. 217, и VIII отдел настоящего «Очерка».

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Интересно теперь установить, в чем же заключались принципиальные расхождения двух калмыцких партий, не позволившие им мирно обсуждать Уложение на Зинзилинском собрании?—Прежде всего, надо признать, что хотя вторая партия—„партия двух владельцев"—сильно тяготела к старине, но и относительно первой, преобладающей партии нельзя сказать, что она совершенно порывала связь с стариной и предпочитала ей новые русские порядки. Правда, два владельца заподазривали своих противников в намерении изменить законы, которые действуют у калмыков уже 82 года, т. е. со времени хана Дондок-Даши, как они докладывали астраханскому губернатору И. И. Попову[287]). Но и сами они разумели эту «измену» не в смысле предпочтения русских порядков калмыцким. С другой стороны, два владельца, при всей их консервативности, в вопросе о роли духовенства в политической жизни народа далеко ушли вперед, по сравнению с противниками, которые оказались в подчинении традиции. В чем же расхождения?—На это лучше всего ответит нам исторический документ—„Прошение калмыцкого народа владельцев, начальников, духовенства и всего общества", во главе с владельцами Цереном-Убуши, Тапкою, Очиром-Занджин-Убуши Ханчуковым и проч. в числе 60 человек, от 28 апреля 1822 года, поданное астраханскому губернатору И. И. Попову.

Прошение начинается исторической справкой относительно порядка в управлении калмыцким народом с момента, предшествевавшаго побегу калмыков из России в 1771 году. „До побегу калмыцкого наместника Убуши заграницу, число народа было более ста тысяч кибиток. Восемь главных родов имели право выбирать из среды своей одну почтенную особу для заседания в Зарго, составленное по числу родов из осьми членов, для защиты и удовольствия обиженных, подсудимых и вообще каждого и всех. Судопроизводство, решение дел и самое народоправление имело свое течение по древним правилам и узаконениям нашим",—пишут просители. После ухода калмыков в 1771 году, согласно повелению Екатерины II „правление наших дел из орды переведено было в Астрахань, где учрежден и суд Зарго не из восьми уже, а из трех только членов, определенных от оставшихся за побегом трех родов: Торгоутов, Хошеутов и Дербетей—по одному для того, что заседание осьми членов в Зарго не только было несовмест-

[287]) АКА. Дело 1822 года, № 1049, вязка 132, л. 19.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

но, но и обременительно народу, составляющему число не сто уже, а десять только тысяч кибиток; также по делам решения производились по древнему закону нашему и уложению, споры судей и несогласие в решении дел взносились на экспликацию к астраханскому г. губернатору и окончание свое имели по большинству голосов и по утверждении его, г. губернатора. Недовольные имели право простирать свои жалобы далее по установленному порядку, изображенному в высочайшем рескрипте, данном в 1771 году астраханскому губернатору Бекетову. В сие благополучное правление обиженных почти не было. Весь народ находился в устройстве и добром согласии. Но благоденствие наше, вместе с разделением улусов на уезды здешней губернии, прекратилось тем, что калмыки, лишась всего права, разбирались особливо каждый в судах своего уезда и, будучи под разноначалием, друг друга разоряли отгонами скота, и нигде почти, по неведению порядка и закона, удовольствия не находили. Сии неудобства заставили начальство, пекущееся о благоденствии, совокупить народ и, по высочайшей воле, учредить в Астрахани Калмыцкое правление, которое старалось несколько утвердить прежний вид и порядок, но расстроить вы успели — переменить и сего правления силу и действо тем, что Дербетевский улус, возмутясь переходами своими с астраханских земель на Донские и с донских на астраханские, в 1800 году побудил верховное правительство вызвать от Дербета депутатов к высочайшему двору для узнания причины расстройства". Далее в прошении рассказывается об учреждении должности главного пристава калмыцкого народа, о восстановлении суда Зарго из восьми членов и о пожаловании Дербетовского владельца Чучея званием наместника. Чучей, „по принятии на себя сего титула, служил не пользе народа",—говорят просители,—„а бременем, производя всякие угнетения и насилия, восстановил противу себя всех почти владельцев, принужденных приносить на него вышнему начальству свои жалобы, прекращенные уже его смертию. Суд Зарго по учреждению должен быть в средоточии калмыцкого народа, (но он) находится, по неизвестным нам причинам, особенно в Дербетовском улусе, кочующем в стороне Дона, расстоянием до 400 верст и более от Волги и Мочагов, где жительство имеют всех улусов бедные калмыки, которые, не имея у себя почти скота, не находят и средств о нуждах своих и обидах доносить Заргу. Нередко бываемые споры и разногласия между судьями, неправосудие и медлен-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ность в решении ввергают многих подсудимых в разорение, и мало кто из обиженных находит защиту по делам своим и у главных приставов. Все сии в правлении бывшие перемены народ наш лично испытал и из всех находит для себя лучшим, спокойным и к продолжению благоденственной жизни полезным учреждение по побеге наместника Убуши при Астрахани от трех родов из трех зайсангов суд Зарго. Мы, калмыцкие владельцы, духовные начальники, зайсанги и почтенные старики всем обществом приняли смелость покорнейше просить—оказать нам великое милосердие оставлением нас на вышеписанном, учрежденном по высочайшему именному повелению, положении". В качестве веского аргумента просители выставляют еще и то, что с подобною же просьбою обращались к начальству в 1802 году владельцы: майор Тюмень Мукусень-Санджи-Убуши, Нахоин Кюбень, Царалай и другие „калмыцкие вельможи, желавшие быть в непосредственной зависимости от местного начальства и в подсудимости суда Зарго, от трех родов из трех членов составленного", и ту же просьбу повторили многие владельцы и зайсанги в 1816 году. Прошение заканчивается такими словами: „По уважению сей покорнейшей просьбы нашей, если благоугодно будет учредить Зарго в Астрахани под непосредственным вашим (т. е. губернаторским) начальством, то мы надеемся без всякого сомнения восстановить прежнее наше благополучие, и, будучи под руководством вашим, уверены мы, что и Уложение калмыцкое, по воле правительства вновь нами составленное, примет лучшее действие к защите людей, бременем бедствий угнетенных, и, простирая сень свою на счастливую жизнь всего вообще верноподданного е. и. в-ства калмыцкого народа, утвердит вечно ненарушимое блаженство"[288]).

Из приведенного документа видно, что партия „двух владельцев" добивалась сосредоточения власти над калмыцким народом в суде Зарго, составленном из трех членов под высшим руководством астраханского губернатора, и находила необходимым учреждение суда Зарго в Астрахани, в резиденции губернатора. Другая же, преобладавшая на Зинзилинском собрании партия, которая хотела удержать Зарго в степи, в местах кочевья Дербетовского улуса, и мыслила Зарго большим учреждением в

---

[288]) Там же, лл. 172—175.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

составе восьми членов,—эта партия стремилась к освобождению от губернаторской зависимости в суде и администрации. Естественным шагом отсюда было восстановление наместничества и даже—ханства. Расхождение между двумя партиями оказывалось глубокое, и не даром партия „двух владельцев“ выставляла правление наместника Чучея в непривлекательном свете, аттестуя это правление, как „бремя“ для калмыцкого народа. Этим партия хотела сказать, что она предпочитает национальной калмыцкой власти наместника и хана русскую власть, хотя и мыслит участие этой власти в управлении калмыцким народом больше как наблюдение за неуклонным действием и исполнением собственных калмыцких законов, чрез посредство суда Зарго в упрощенном его виде.

XVII.

Особенности Зинзилинских постановлений по сравнению с Уложением 1640 года и законами Дондок-Даши.

Зинзилинские постановления базируются на Уложении 1640 года и на законах Дондок-Даши [289]). Но с изменением условий времени и с утратой калмыцким народом политической, а отчасти и административной автономии, в Зинзилинские постановления не вошли черты, характеризующие как старый военно-дружинный строй Ойратских рядов, основанный на хищничестве, так равно и тот порядок, по которому целые племена соединялись в один общий политический союз Ойратства. Древнее Ойратство заменяется в новые времена институтом „Ойридов“, т. е. союза более мелких племенных групп, лишенных широкого политического значения и нуждающихся в регламентации внутренних бытовых отношений, но не в нормах внешнего политического об'единения. Калмыцкий народ подчинился обще-государственной русской власти; за ним осталась только местная автономия и сохранен был суд по племенному праву; при том—в гражданских, но не в уголовных процессах. Отсюда, Зинзилинские постановления исключают из своего кодекса военные законы и законы, касающиеся глав-

[289]) После исследования проф. *К. Ф. Голстунского* (цит. выше примеч. 19), законы Дондок-Даши надо видеть в тех статьях кодекса, которые проф. *Ф. И. Леонтович* назвал местными законами Дербетовского улуса; цит. исслед., стр. 167—168.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

нейших уголовных дел. Что касается до основных начал общественного и правового быта, то новое калмыцкое уложение частью сохраняет в неизменном виде статьи старого Уложения, частью же перерабатывает их и даже изменяет, под влиянием русского права. Из старого Уложения, в Зинзилинских постановлениях оставлена без всякого изменения, в общем счете, 61 статья. Здесь удержаны, например, законы, запрещающие шаманские обряды (139—140), законы относительно членовредительства и выдирания бороды и уса (98, 102), законы о преступлениях семейных и противонравственных (54, 92, 94, 106) и законы о преступлениях имущественных, как кража (17, 106, 123, 135) и порча вещей (97, 116, 117). Удержаны в Зинзилинских постановлениях и те законы, которые коренятся в духе гуманных воззрений буддизма и, как таковые, сохраняют силу обязательных религиозно-правовых догм; сюда относятся правила о наградах за спасение погибающих на пожаре, или в воде—людей, скота и имущества, за спасение ребенка, которого будет бить лошадь, за отбой скота у воров, за излечение больных и за помощь жаждущему (83—86, 110, 114—115, 144, 163). В Зинзилинских постановлениях сохранена во всей силе и прежняя система организации родовых союзов, с прежними разрядами привиллегированных и служебных сословий, с прежней системой общественных повинностей, в особенности ямской и постойной (20, 24, 31—32, 35, 124) и с старой системой степной полиции (80, 155, 157). Оказались в большинстве случаев неизмененными и только иногда дополненными прежние законы, регламентирующие хозяйственный быт калмыков—скотоводство и охоту, как главные их занятия (37, 63, 91, 93, 107, 108, 118—119, 121, 128—133, 143, 145, 149). Остались в полной силе старые статьи о брачных отношениях—о сговоре, приданном и пр. (46, 49—51, 146), а также статьи по процессу—о следе, показаниях свидетелей—рабов и пр. (120, 122, 127, 148).

Что касается до изменений и переработки статей старого Уложения, то в этом случае наибольший интерес представляет система наказаний, принятая в Зинзилинских постановлениях. Так, значительно сокращены здесь имущественные штрафы скотом, что стоит, конечно, в связи с сокращением скотоводства у калмыков в новые времена, по сравнению с прежними, и еще с тем, что штрафы имущественного характера стали заменяться телесными наказаниями, которых Ойратское уложение 1640 года не знало, и которые по законам Дондок-Даши применялись в незначительной мере и в редких случаях. Теперь, при судебной расправе, вводят-

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ся в действие кнут и плеть, заимствованные калмыками у русских. Широко практикуются осрамительные наказания, как: клеймение, пощечина, обнажение при собрании народа, вождение обнаженных вокруг владельческой ставки и посажение на „кобылу". Эти наказания тоже взяты из русского суда. Появляется палач, как особый исполнитель приговоров суда, когда тот назначает телесные наказания. Проф Ф. И. Леонтович считает изменение в учении о наказаниях главною особенностью Зинзилинских постановлений; все прочие изменения в статьях законов имеют более редакционный характер и мало касаются самой сущности институтов. Вообще, „новые" правила, которые Зинзилинское собрание предлагало ввести в состав проектировавшегося уложения калмыков, в существе вещи не представляли ничего нового, но воспроизводили лишь то, что издавна существовало на деле в виде народных обычаев" [290].

Однако, нельзя не подметить, что новые законы как бы подчеркивают нужду в исправлении таких сторон калмыцкой жизни, которые особенно бросались в глаза своею неприглядностью. Сюда, например, надо отнести пороки духовенства. Разнузданность служителей культа и их злоупотребления на почве народной темноты, констатируемые новыми законами, дали, как известно, большой материал сенатору Ф. И. Энгелю при ревизии Калмыцкой степи в 1827 году и побудили правительство в 1834 году заняться устройством духовной части у калмыков[291]). Затем— непросвещенность народа. Ее вполне сознают участники Зинзилинского собрания. В целях уничтожения народного невежества, они устанавливают, чтобы «каждый из простонародья», учился монгольской грамоте, и назначают штраф «на призрение бедных» с того, кто не научится грамоте. Как ни слаба предположенная мера уничтожить народную темноту одною монгольскою грамотою, все же важно, что сознание нужды в просвещении народа оказалось присуще Зинзилинскому собранию, как не чуждо было это сознание и законодательному собранию при Дондок-Даши. Здесь можно будет заметить, что в январе 1822 года Хошеутовский владелец Сербеджан Тюменев и Дербетовский владелец Эрдени-тайши, виднейшие члены Зинзилинского собрания, пожертвовали 750 рублей с специальным назначением «на усовершенствование калмыцкого училища». По поводу этого денежного пожертвования министерство иностранных дел вошло в переговоры с министерством народного просвещения

---

[290]) Проф. *Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 165 и 157—164.
[291]) *Ф. М. Юшин*—цит. брошюра, стр. 29 и дал.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

„о средствах к основательнейшему образованию детей и способных чиновников вообще на службу в калмыцком штате“ [292]). Нельзя не указать, наконец, и на стремление Зинзилинского собрания ограничить владельческий произвол. Не расставаясь с взглядом на высоко-привиллегированное положение владельческого класса, собрание в одной из своих статей (27), повторенной трижды в сборнике постановлений (27, 105 и 134), между прочим, говорит: „Кто из владельцев без суда сделает обыск, или нечаянную драку, или отнимать будет подводы, такого хотя бы кто и побил, не штрафовать; ибо поступки сии званию владельца непристойны, следовательно—сам себя обвиняет“ [293]).

Последовшая в 1892 году отмена власти нойонов и зайсангов над калмыцким народом, в смысле освобождения его от так называемых обязательных отношений к владельцам, выражавшихся в уплате „албана“, послужила калмыцкому народу преддверием к новой социально-экономической жизни, ибо ставила его в уровень с остальными русскими свободными сельскими гражданами [294]). К той же новой жизни, при том на началах общечеловеческой культуры, направляет его и совершающийся теперь переход от кочевого быта к оседлому. Трудно гадать, в какие формы отольется уклад жизни калмыков при новых условиях в ближайшее время, и придется ли юристам когда-либо обращаться за справками к Ойратскому Уставу взысканий 1640 года, законам Дондок-Даши и к Зинзилинским постановлениям. Но, во всяком случае, эти юридические памятники, как составляющие в значительной мере продук самобытного творчества калмыков, для историка, изучающего быт калмыцкого народа, дают материал первостепенной научной ценности.

8 ноября 1921 г.
Астрахань.

---

[292]) АКА. Дело 1823 года, № 1057, вязка 134, л. 214 об. и л. 228 об. Открытие Калмыцкого училища в Астрахани последовало в 1847 году.
[293]) Проф. *Ф. И. Леонтович*—цит. исслед., стр. 28.
[294]) *Г. Н. Прозрителев*—цит. соч., стр. 41—45.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Поправки.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	22	относительно	относительно
2	2	Коллегией	Коллегией,
—	20	маториалов	матерпалов
—	23	не мало,	не мало
—	—	истории	истории,
—	37	собрании	собирания
5	2	Джуангарии	Джунгарии
—	4	и	к
8	24	берегам	к берегам
—	30	(Хо-Орлску)	(Хо-Орлоку)
9	5	сейм,	сейм
—	24	и	у
	25	об'единились	об'единилась
11	35	Бентковского	И. В. Бентковского
—	45	считая	считал
13	15	единственною мерою	единственным средством

На стран. 13, к примеч. 24, добавить: О редакциях Русской Правды см. статью *акад. А. И. Соболевского* в „Сборнике статей в честь Пр. С. Уваровой. Москва. 1916", стр. 17—28: „Две редакции Русской Правды".

14	38	*Галстунского*	*Голстуньского*
15	16	основной	основой
17	37	владение	владения
18	25	отбыл	отбил
23	8	Персию,	Персию.
—	22	числое	числом
—	—	Замс	Замса
—	24	начинают	чинят
—	37	Шерательная	Шертельная
24	27	Калпуса	Калауса
25	5	Алоксандра	Александра
28	3	отпишити	отпишите
29	28	виши	ваши
30	17	представлена	представлена
—	33	Дивишнак	Дивишиах
31	27	служит	служить
40	11	и	к
—	14	труднести	трудности
—	23	но	не
—	36	переимонованного	переименованного
47	11	учету	счету
48	29	сочувствующей	сочувствующих
49	38	не	и не
54	17	Гам,	Так,
74	30	это	эта
—	36	доложи	доложил

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страница
Предисловие	1—3
I. Приход Калмыков в Астраханские степи из Джунгарии в XVII века	5—10
II. Монголо-Ойратский Устав взысканий 1640 года	10—15
III. Правители Калмыцкого народа до времен хана Аюки	15—20
IV. Хан Аюка	20—39
V. Церен-Дондок хан	39—42
VI. Дондок-Омбо хан	42—50
VII. Дондок-Даши хан	50—56
VIII. Законы, изданные при Дондок-Даши	56—60
IX. Убуши, наместник Калмыцкого ханства	60—68
X. Уход большей части Калмыков из России под власть Китая в 1771 году	68—83
XI. Попытки оставшихся в России Калмыков удалиться к сородичам в Китай	83—91
XII. Положение Калмыцкого народа после 1771 года и важнейшие события в его жизни до утверждения владельца Чучея Тундутова наместником Калмыцкого народа	91—95
XIII. Чучей Тундутов, наместник Калмыцкого народа	95—100
XIV. Реформы в управлении Калмыцким народом по смерти наместника Чучея	100—107
XV. Зинзилинское собрание 1822 года	107—129
XVI. Несколько общих замечаний о Зинзилинских постановлениях	129—134
XVII. Особенности Зинзилинских постановлений по сравнению с Уставом взысканий (Уложением) 1640 года и законами Дондок-Даши	134—137
Поправки	138
Оглавление	139

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Цена 1 рубль золотом,
(без пересылки).

Продается в редакции «Ойратских Известий», при ЦИК-е Калмыцкой Автономной Области.

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"

Электронная библиотека "Астраханская краеведческая коллекция"